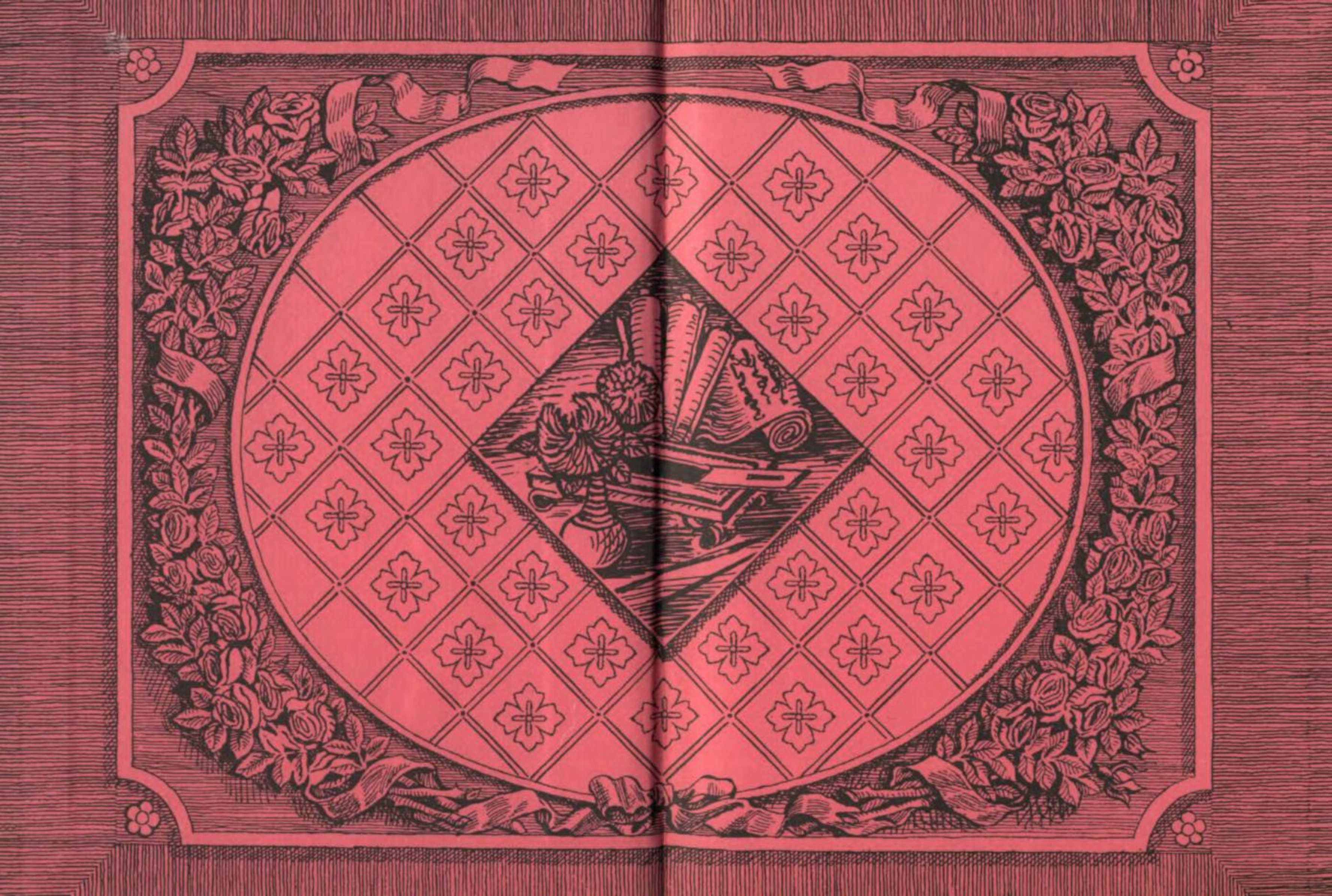

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИШИЯ

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИШИЯ

Бабочки полет

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИШИЯ

ЯПОНСКИЕ ТРЕХСТИШИЯ

Бабочки полет

МОСКВА
1998

ББК 84.5Я
Б12

Серия «Мир поэзии» основана в 1995 году

Художественное оформление серии *В. В. Покатова*

Перевод с японского *В. Н. Марковой*

Бабочки полет: Японские трехстишия/
Б12 Пер. с яп. В. Н. Марковой.— М.: ТОО Летопись, 1998.— 348 с.— (Мир поэзии).
ISBN 5—88730—017—5

Хокку — одна из национальных стихотворных форм в Японии. Оно представляет собой трехстишие, ставшее серьезным жанром в начале XVI века.

Данный сборник составили хокку только позднего средневековья: от Басё до Исса. Этот период был отмечен сближением с живописью, расширением тематики: от пейзажной, гражданской лирики до комичных, а также близких к народным сказаниям сюжетов.

Книгу открывает предисловие Веры Марковой, чьи переводы были признаны лучшими и удостоены медали в самой Стране восходящего солнца.

ББК 84.5Я

ISBN 5—88730—017—5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народ любит и охотно создает короткие песни — сжатые поэтические формулы, где нет ни одного лишнего слова. Из народной поэзии эти песни переходят в литературную, продолжают развиваться в ней и дают начало новым поэтическим формам.

Так родились в Японии национальные стихотворные формы: пятистишие — танка и трехстишие — хокку.

Хокку (хайку) — лирическое стихотворение, отличается предельной краткостью и своеобразной поэтикой. Оно изображает жизнь природы и жизнь человека в их слитном, нерасторжимом единстве на фоне круговорота времен года.

Японская поэзия является силлабической, ритмика ее основана на чередовании определенного количества слогов. Рифмы нет: звуковая и ритмическая организация трехстишия — предмет большой заботы японских поэтов.

Хокку обладает устойчивым метром. В каждом стихе определенное количество слогов: пять в первом, семь во втором и пять в третьем — всего семнадцать слогов. Это не исключает поэтической вольности, особенно у таких смелых поэтов-новаторов, каким был Мацуо Басё (1644—1694). Он иногда не считался с метром, стремясь достигнуть наибольшей поэтической выразительности.

Размеры хокку так малы, что по сравнению с ним европейский сонет кажется большой поэмой. Оно вмещает в себя считанное количество слов, и тем не менее емкость его отно-

сительно велика. Искусство писать хокку — это прежде всего умение сказать многое в немногих словах.

Краткость роднит хокку с народными пословицами. Некоторые трехстишия получили хождение в народной речи на правах пословиц, как, например, стихотворение Басё:

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

Как пословица оно означает, что «осторожность иногда заставляет промолчать».

Но чаще всего хокку отличается от пословицы по своим жанровым признакам. Это не назидательное изречение, короткая притча или меткая острота, а поэтическая картина, набросанная одним-двумя штрихами. Задача поэта — заразить читателя лирическим волнением, разбудить его воображение, и для этого не обязательно рисовать картину во всех ее деталях.

Чехов писал в одном из своих писем брату Александру: «...у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатилась шаром черная тень собаки или волка...»

Такой способ изображения требует от читателя максимальной активности, втягивает его в творческий процесс, дает толчок его мысли. Сборник хокку нельзя «пробегать глазами», листая страницу за страницей. Если читатель будет пассивным и недостаточно внимательным, он не воспримет импульса, посланного ему поэтом. Японская поэтика учитывает встречную работу мысли читателя. Так удар смычка и ответное дрожание струны вместе рождают музыку.

Хокку невелико по своим размерам, но это не умаляет того поэтического или философского смысла, который способен придать ему поэт, не ограничивает масштаб его мысли. Однако дать многостороннее изображение и пространно, до конца развить свою мысль в пределах хокку поэт, конечно, не может. В каждом явлении он ищет лишь его кульминационный пункт.

Отдавая предпочтение малому, хокку иногда рисовало и картину большого масштаба:

Бушует морской простор!
Далеко, до острова Садо,
Стелется Млечный Путь.

Это стихотворение Басё — своего рода смотровая щель. Прильнув к ней глазом, мы увидим большое пространство. Перед нами откроется Японское море в ветреную, но ясную осеннюю ночь: блеск звезд, белые буруны, а вдали, на краю неба, черный силуэт острова Садо.

Или возьмем другое стихотворение Басё:

На высокой насыпи — сосны,
А меж ними вишни сквозят, и дворец
В глубине цветущих деревьев...

В трех строчках — три плана перспективы.

Хокку сродни искусству живописи. Они нередко писались на сюжеты картин и, в свою очередь, вдохновляли художников; подчас они превращались в компонент картины в виде каллиграфически выполненной надписи на ней. Иногда поэты прибегали к способам изображения, родственным искусству живописи. Таково, например, трехстишие Бусона:

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

Широкие поля покрыты желтыми цветами сурепки, они кажутся особенно яркими в лучах

заката. С огненным шаром заходящего солнца контрастирует восходящая на востоке бледная луна. Поэт не рассказывает нам подробно, какой при этом создается эффект освещения, какие краски на его палитре. Он только предлагает по-новому взглянуть на ту картину, которую каждый видел, может быть, десятки раз... Группировка и выбор живописных деталей — вот в чем основная задача поэта. В колчане у него всего две-три стрелы: ни одна не должна пролететь мимо.

Часто поэт создает не зрительные, а звуковые образы. Вой ветра, стрекот цикад, крики фазана, пенье соловья и жаворонка, голос кукушки — каждый звук исполнен особого смысла, рождает определенные настроения и чувства.

Жаворонок поет,
Звонким ударом в чаще
Вторит ему фазан.
(Басё)

Японский поэт не развертывает перед читателем всей панорамы возможных представлений и ассоциаций, возникающих в связи с данным предметом или явлением. Он только будит мысль читателя, дает ей определенное направление.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.
(Басё)

Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью. Ничего лишнего, все предельно просто. При помощи нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени. Чувствуется отсутствие ветра, природа словно замерла в грустной неподвижности. Поэтический образ, казалось бы, чуть намечен, но обла-

дает большой емкостью и, завораживая, уводит за собой. Кажется, что смотришь в воды реки, дно которой очень глубоко. И в то же время он предельно конкретен. Поэт изобразил реальный пейзаж возле хижины и через него — свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, а о своем собственном.

Немудрено, что за века своего существования старинные хокку обросли слоями комментариев. Чем богаче подтекст, тем выше поэтическое мастерство хокку. Оно, скорее, подсказывает, чем показывает. Намек, подсказ, недоговоренность становятся дополнительными средствами поэтической выразительности. Тоскуя об умершем ребенке, поэт Исса сказал:

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

Роса — обычная метафора бренности жизни, так же как вспышка молнии, пена на воде или быстро опадающие цветы вишни. Буддизм учит, что жизнь человека кратка и эфемерна, а потому не имеет особой ценности. Но отцу нелегко смириться с потерей любимого ребенка. Исса говорит «и все же...» и кладет кисть. Но само его молчание становится красноречивей слов.

Вполне понятно, что в хокку есть недоговоренность. Стихотворение состоит всего из трех стихов. Каждый стих очень короток. Чаще всего в стихе два значащих слова, не считая формальных элементов и восклицательных частиц. Все лишнее отжимается, отсеивается; не остается ничего, что служит только для украшения. Даже грамматика в хокку особая: грамматических форм немного, и каждая несет на себе предельную нагрузку, иногда совмещая

несколько значений. Средства поэтической речи отбираются крайне скупо: хокку избегает эпитета или метафоры, если может без них обойтись.

Иногда все хокку целиком — развернутая метафора, но ее прямое значение обычно скрыто в подтексте.

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

Басё сложил это стихотворение, расставаясь с гостеприимным домом своего друга.

Было бы, однако, ошибкой в каждом хокку искать подобный двойной смысл. Чаще всего хокку — конкретное изображение реального мира, не требующее и не допускающее никакого другого толкования.

«Идеальный», освобожденный от всего грубого пейзаж — так рисовала природу старая классическая поэзия. В хокку поэзия вновь обрела зрение. Человек в хокку не статичен, он дан в движении: вот уличный разносчик бредет сквозь снежный вихрь, а вот работник вертит мельницу-крупорушку. Та пропасть, которая уже в десятом веке легла между литературной поэзией и народной песней, стала менее широкой. Ворон, долбящий носом улитку на рисовом поле,— образ этот встречается и в хокку, и в народной песне.

Хокку учит искать потаённую красоту в простом, незаметном, повседневном. Прекрасны не только прославленные, много раз воспетые цветы вишен, но и скромные, незаметные на первый взгляд цветы сурепки, пастушьей сумки.

Внимательно вглядись!
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнем.

(Басё)

В другом стихотворении Басё лицо рыбака на рассвете напоминает цветущий мак, и оба они одинаково хороши. Красота может поражать, как удар молнии:

Едва-едва я добрел,
Измученный, до ночлега...
И вдруг — глициний цветы!
(Басё)

Красота может быть глубоко скрыта. Ощущение прекрасного в природе и в жизни человека сродни внезапному постижению истины, извечного начала, которое, согласно буддийскому учению, незримо присутствует во всех явлениях бытия. В хокку мы находим новое переосмысление этой истины — утверждение красоты в незаметном, обыденном:

Пугают их, гонят с полей!
Вспорхнут воробьи и спрячутся
Под защитой чайных кустов.
(Басё)

Дрожат у коня на хвосте
Весенние паутинки...
Харчевня в полуденный час.
(Идзэн)

В книге избранных хокку — вся природа Японии, исконный уклад ее жизни, обычаи и верования, труд и праздники японского народа в их самых характерных, живых подробностях.

Вот почему хокку любят, знают наизусть и сочиняют до сих пор.

Некоторые особенности хокку можно понять, только познакомившись с его историей.

С течением времени танка (пятистишие) стала четко делиться на две строфы: трехстишие и двустишие. Случалось, что один поэт слагал первую строфу, второй — последующую. Позднее, в двенадцатом веке, появились стихи-цепи, состоящие из чередующихся трехстиший

и двустиший. Эта форма получила название «рэнга» (буквально «нанизанные строфы»); первое трехстишие называлось «начальной строфой», по-японски «хокку». Стихотворение рэнга не имело тематического единства, но его мотивы и образы чаще всего были связаны с описанием природы, причем с обязательным указанием на время года.

Рэнга достигла наивысшего расцвета в пятнадцатом веке. Для нее были разработаны точные границы времен года и четко определена сезонность того или иного явления природы. Появились даже стандартные «сезонные слова», которые условно обозначали всегда один и тот же сезон года и в стихотворениях, описывающих иное время года, уже не употреблялись.

Начальная строфа (хокку) часто бывала лучшей строфой в составе рэнги. Так стали появляться отдельные сборники образцовых хокку.

Трехстишие прочно утвердилось в японской поэзии и обрело подлинную емкость во второй половине семнадцатого века. На непревзойденную художественную высоту поднял его великий поэт Японии Мацуо Басё, создатель не только поэзии хокку, но и целой эстетической школы японской поэтики. Стихи Басё и ныне, по прошествии трех веков, знает наизусть каждый культурный японец. О них создана огромная исследовательская литература.

У лирического героя поэзии Басё есть конкретные приметы. Это поэт и философ, влюбленный в природу родной страны, и в то же время — бедняк из предместья большого города. И он неотделим от своей эпохи и народа. В каждом маленьком хокку Басё чувствуется дыхание огромного мира.

Басё родился в замковом городе Уэно провинции Ига в семье небогатого самурая Мацуо Ёдзаэмона. Он был третьим ребенком в семье. Басё — литературный псевдоним, но он вытеснил из памяти потомков все прочие имена и прозвища поэта.

Провинция Ига была расположена в самой колыбели старой японской культуры, в центре главного острова — Хонсю. Многие места на родине Басё известны своей красотой, а народная память сохранила там в изобилии песни, легенды и старинные обычаи. Басё любил свою родину и нередко на склоне лет посещал ее.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

Все, что когда-то казалось привычным, вдруг преображается, как старое дерево весною. Радость узнавания, внезапное постижение красоты, такой знакомой, что ее уже не замечаешь,— одна из самых значительных тем в стихах Басё.

Родные поэта были людьми образованными, что предполагало в первую очередь знание китайских классиков. И отец, и старший брат кормились тем, что преподавали каллиграфию.

С детства товарищ княжеского сына — большого любителя поэзии, Басё сам начал писать стихи. После ранней смерти своего молодого господина он ушел в город и принял постриг, освободившись тем самым от службы своему феодалу. Однако Басё не стал настоящим монахом. Он жил в маленьком домике в бедном предместье Фукагава, близ города Эдо. Хижина эта со всем окружающим ее скромным пейза-

жем — банановыми деревьями и маленьким прудом во дворе — описана в его стихах. У Басё была возлюбленная. Ее памяти он посвятил лаконичную элегию:

О, не думай, что ты из тех,
Кто следа не оставил в мире!
Поминовения день...

Басё шел по дорогам Японии, как посол самой поэзии, зажигая в людях любовь к ней и приобщая их к подлинному искусству. Он умел найти и пробудить творческий дар даже в профессиональном нищем. Басё проникал иногда в самую глубь гор, где «никто не подберет с земли упавший плод дикого каштана», но, ценя уединение, все же никогда не был отшельником. В странствиях своих он не бежал от людей, а сближался с ними. Длинной чередой проходят в его стихах крестьяне за полевыми работами, погонщики лошадей, рыбаки, сборщицы чайных листьев.

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

В 1682 году хижина Басё сгорела во время большого пожара. С этого времени он начал свои многолетние странствия по стране, мысль о которых зародилась у него уже давно. Следуя давней литературной традиции Китая и Японии, Басё посещает места, прославленные в стихах старинных поэтов, всматривается в повседневную жизнь во всех ее подробностях.

Во время одного из своих путешествий Басё умер. Перед своей кончиной он создал «Предсмертную песню»:

В пути я занемог,
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным лугам.

Поэзия Басё отличается возвышенным строем чувств и в то же время удивительной простотой и жизненной правдой. Для него не было низменных вещей. Бедность, тяжелый труд, быт Японии с ее базарами, харчевнями на дорогах и нищими — все это отразилось в его стихах. Но мир для него остается прекрасным. В любом нищем, может быть, таится мудрец.

Поэзия была для Басё не игрой, не забавой, не средством пропитания, как для многих современных ему стихотворцев, но призванием всей его жизни. Он говорил, что поэзия возвышает и облагораживает человека.

По мере того как росла слава Басё, к нему стали стекаться ученики всех званий, где бы он ни жил, где бы ни останавливался в своих странствиях. К концу жизни у него было множество учеников по всей Японии. Но школа Басё не была просто школой мастера и смиренно внимающих ему учеников, обычной для того времени. Напротив, Басё, сам находившийся в непрерывном духовном движении, поощрял приходивших к нему на поиски собственного пути. Сёфу (стиль Басё), или истинный стиль *в поэзии хокку, рождался в спорах. Это споры людей, преданных своему высокому ремеслу. Вот почему из школы Басё вышло столько талантливых поэтов. Бонтё, Кёрай, Дзёсо, Рансэцу, Сико и другие — их имена не теряются в мощном свете поэзии Басё. Каждый обладал своим почерком, подчас весьма отличным от почерка учителя. Таков один из первых его учеников, его старинный друг Такараи Кикаку, образованнейший эдоский житель, беспечный гуляка, воспевший улицы и богатые торговые лавки родного города, изысканный, тонкий поэт природы.*

В 1691 году Мукаи Кёрай и Нодзава Бонтё составили антологию «Соломенный плащ обезьяны» («Сарумино»), выдающийся памятник поэзии «истинного стиля».

Кёрай, Хаттори Тохо, Сико, Кёрику донесли до нас в своих книгах мысли учителя об искусстве.

Воздействие творчества Басё, его идей, самой его личности на последующую японскую поэзию было огромно. Можно сказать, оно было решающим. И хотя в начале восемнадцатого века искусство хокку пришло в упадок, уже в середине этого века появился поэт очень большого таланта, давший ему новую жизнь,— Ёса Бусон. Он был одинаково одарен как поэт и как художник. (Замечательны его иллюстрации к путевому дневнику Басё «По тропинкам Севера».) Его стихи при жизни были почти неизвестны, их оценили лишь в девятнадцатом веке, а настоящее понимание пришло к поэзии Бусона только в нашем столетии.

Поэзия Бусона романтична. Часто в трех строках стихотворения он умел рассказать целую новеллу. Так, в стихах «Смена одежды с наступлением лета» он пишет:

Скрылись от господского меча...
О, как рады юные супруги
Легким платьем зимнее сменить!

Согласно феодальным порядкам, господин мог покарать своих слуг смертью за «греховную любовь». Но влюбленным удалось бежать. Сезонные слова «смена теплой одежды» передают радостное чувство освобождения на пороге новой жизни.

В стихах Бусона оживает мир сказок и легенд:

Юным вельможей
Оборотилась лисица...
Весенний вечер.

Туманный вечер весной. Тускло светит луна сквозь дымку, цветут вишни, и в полумгле среди людей появляются сказочные существа. Бусон рисует только контуры картины, но перед читателем встает романтический образ красавца юноши в старинном придворном наряде.

Нередко Бусон воскрешал в поэзии образы старины:

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает...
Белые сливы в цвету.

Это хокку уводит нас в глубь истории, в восьмой век. Для приема «заморских гостей» тогда строились особые здания. Можно вообразить поэтический турнир в прекрасном старинном павильоне. Приехавшие из Китая гости пишут благоухающей тушью китайские стихи, а японские поэты соревнуются с ними в стихах на своем родном языке. Перед глазами читателя как будто развертывается свиток с древней картиной.

Бусон умел самыми простыми средствами создавать стихи большой лирической силы:

Они прошли, дни весны,
Когда звучали далекие
Соловьиные голоса.

Кобаяси Исса создавал свои стихи в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков, на заре нового времени. Он был выходцем из деревни. Большую часть своей жизни он провел среди городской бедноты, но сохранил любовь к родным местам и крестьянскому труду, от которого он был оторван:

Всем сердцем я чту,
Отдыхая в полдневный жар,
Людей на полях.

Биография этого выдающегося мастера трагична. Всю жизнь он боролся с нищетой. Его любимый ребенок умер. Поэт рассказал о своей судьбе в стихах, полных щемящей боли, но в них пробивается также струя народного юмора. Его поэзия говорит о любви к людям, и не только к людям, но и ко всем маленьким существам, беспомощным и обиженным. Наблюдая потешный бой между лягушками, он восклицает:

Эй, не уступай,
Тощая лягушка!
Исса за тебя.

Но по временам поэт умел быть резким и беспощадным: ему претила всякая несправедливость, и он создавал едкие, колючие эпиграммы.

Исса был последним крупным поэтом феодальной Японии. Хокку потеряли свое значение на многие десятилетия. Возрождение этой формы в конце девятнадцатого века относится уже к истории поэзии нового времени.

В состав настоящего сборника вошли только хокку позднего средневековья: от Басё до Исса.

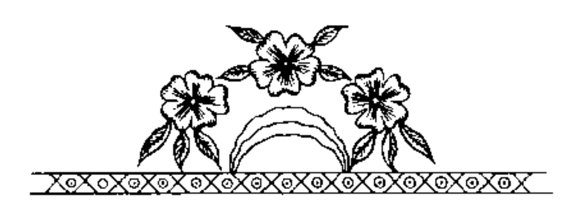
Переводчик стремился сохранить лаконизм хокку и в то же время сделать их понятными. Надо, однако, помнить, что японское трехстишие обязательно требует от читателя работы воображения, участия в труде поэта. Все растолковать до конца — значит не только погрешить против поэзии, но и лишить читателя большой радости вырастить цветы из горсти семян, щедро рассыпанных японскими поэтами.

В. Н. Маркова
при участии В. С. Сановича
1973—1995
(Печатается в сокращении)

БАСЁ

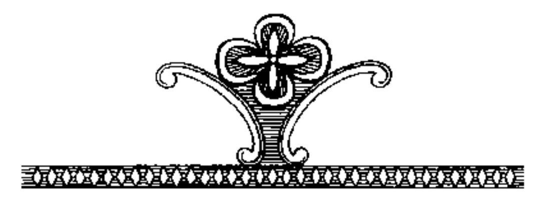

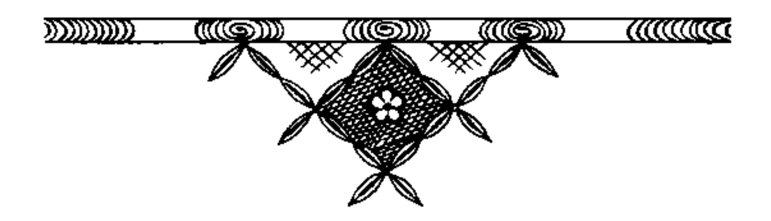
Вечерним вьюнком
Я в плен захвачен... Недвижно
Стою в забытьи.

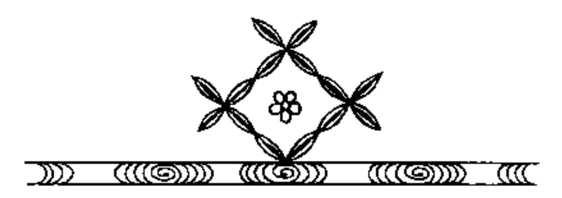

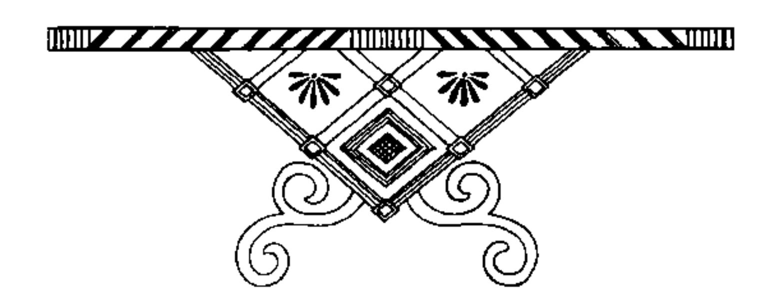
Иней его укрыл,
Стелет постель ему ветер...
Брошенное дитя.

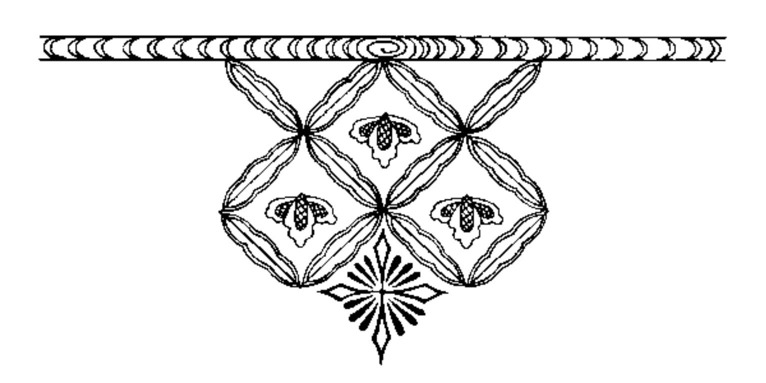
**В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеет свежий срез.**

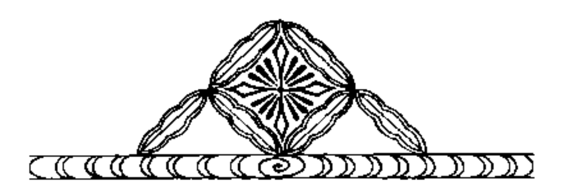

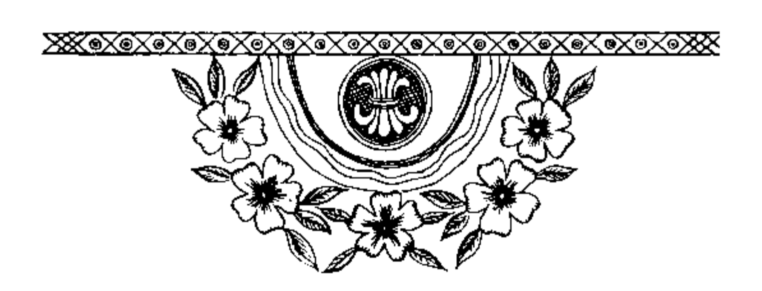
Желтый лист плывет.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснешься ты?

Как разлилась река!
Цапля бредет на коротких ножках
По колено в воде.

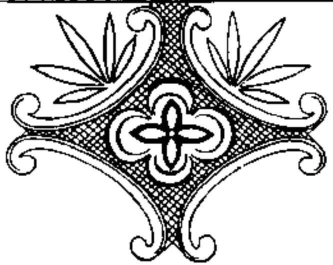

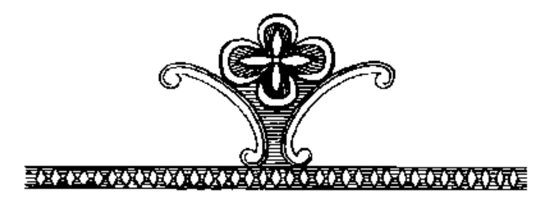
В хижине, крытой тростником

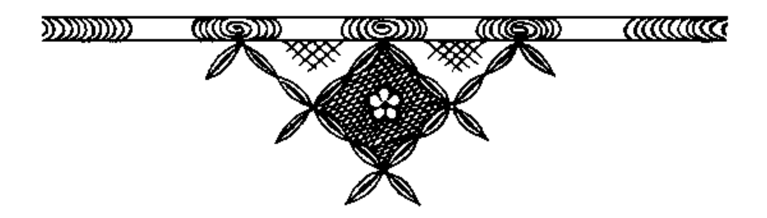
Как стонет от ветра банан,
Как падают капли в кадку,
Я слышу всю ночь напролет.

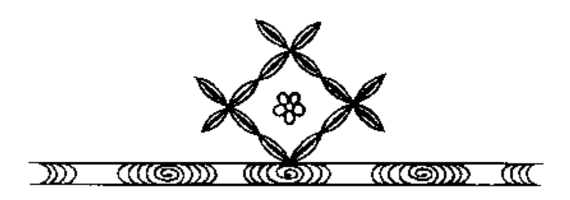

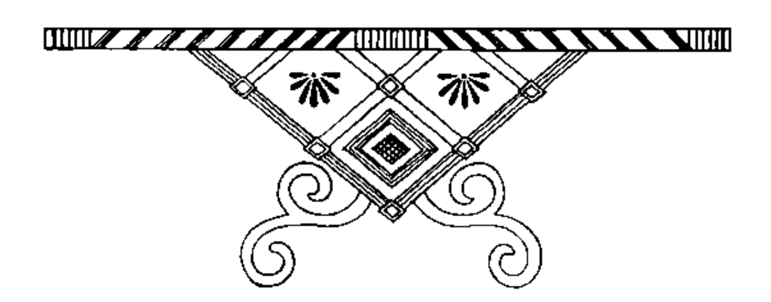
Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке...
Это ее душа.

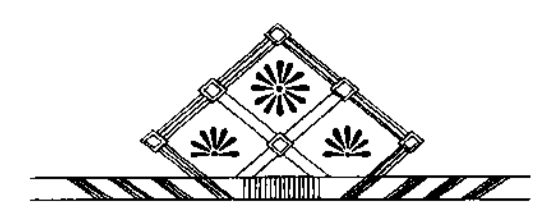

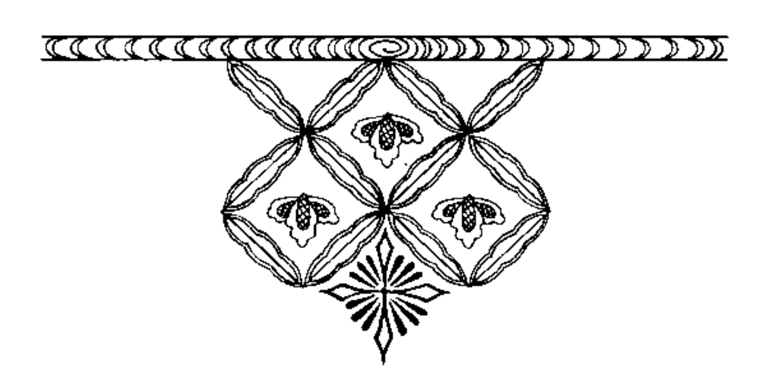
Топ-топ — лошадка моя.
Вижу себя на картине —
В просторе летних лугов.

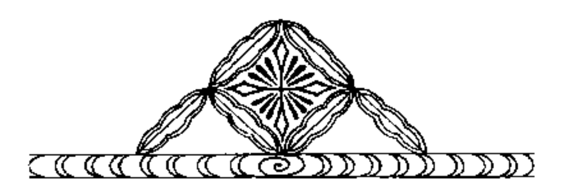

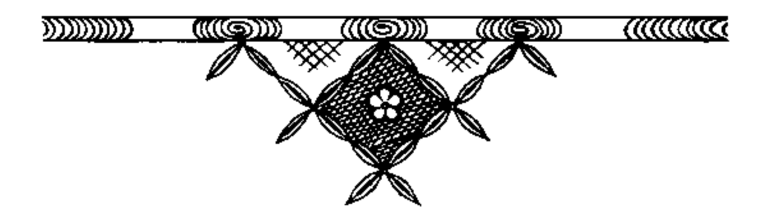
Послышится вдруг «шорх-шорх».
В душе тоска шевельнется...
Бамбук в морозную ночь.

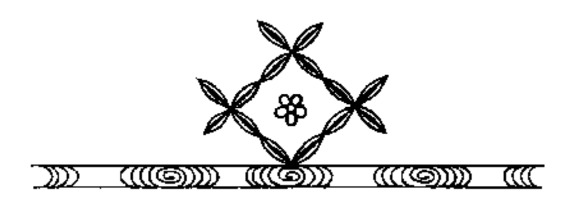

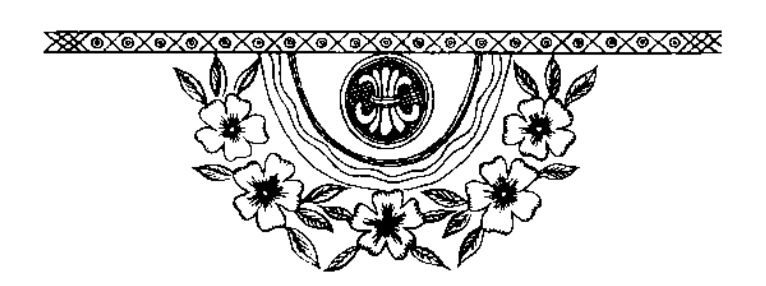
Бабочки полет
Будит тихую поляну
В солнечных лучах.

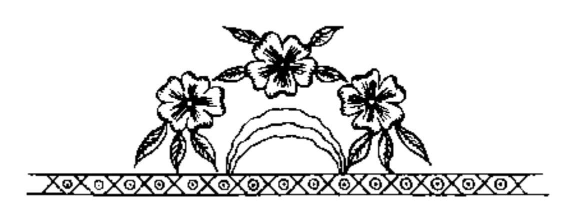

Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

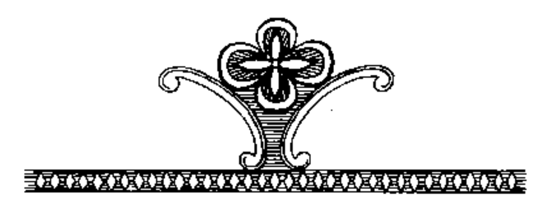

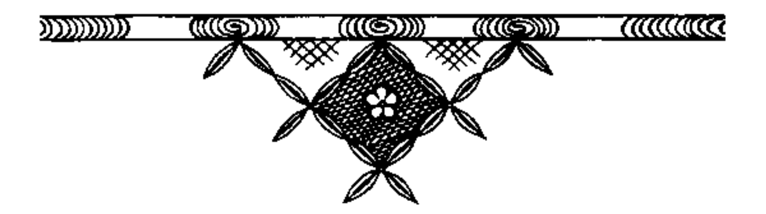
И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьет торопливо
С хризантемы росу.

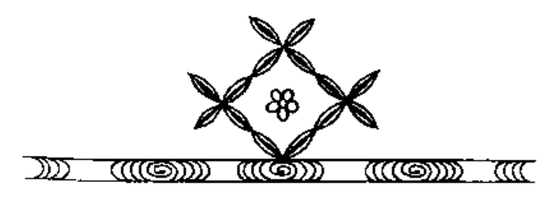

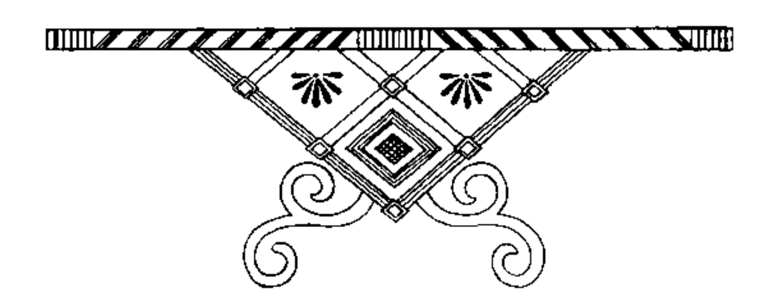
Цветы увяли.
Сыплются, падают семена,
Как будто слезы...

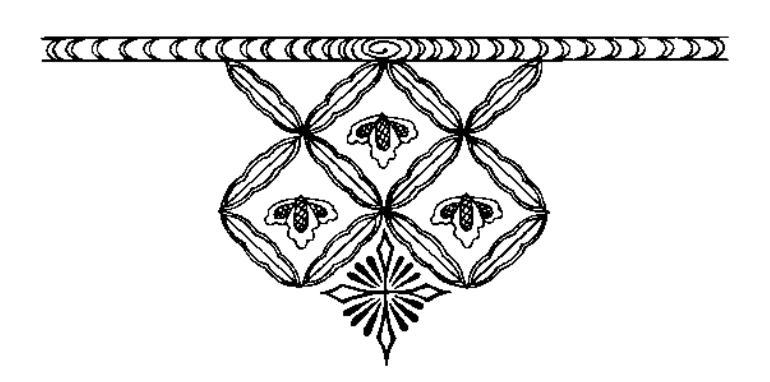
Порывистый листобой
Спрятался в рощу бамбука
И понемногу утих.

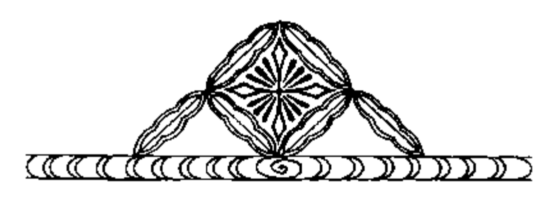

Внимательно вглядись!
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнем.

О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!

Памяти друга

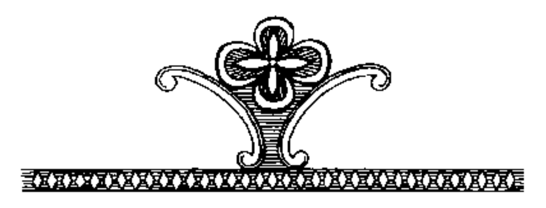
На землю летят,
Возвращаются к старым корням...
Разлука цветов!

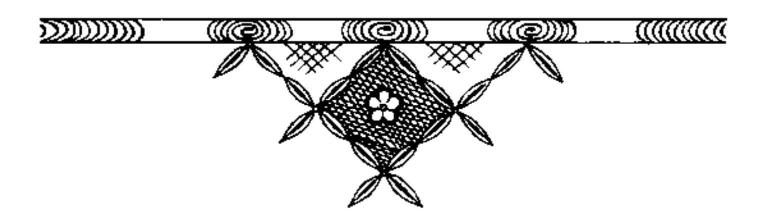

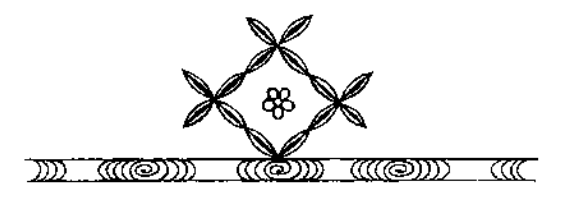

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

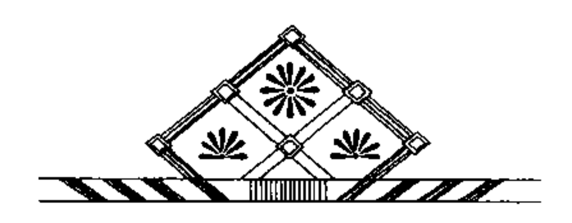
Праздник осенней луны.
Кругом пруда и опять кругом,
Ночь напролет кругом!

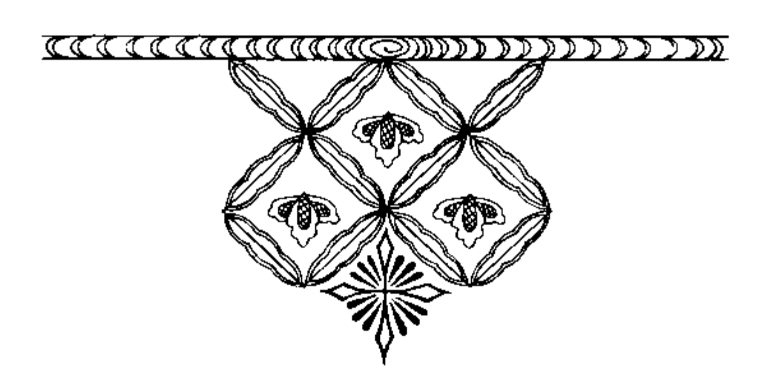

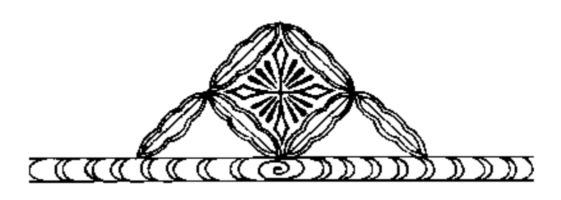
Кувшин для хранения зерна

Вот все, чем богат я!
Легкая, словно жизнь моя,
Тыква-горлянка.

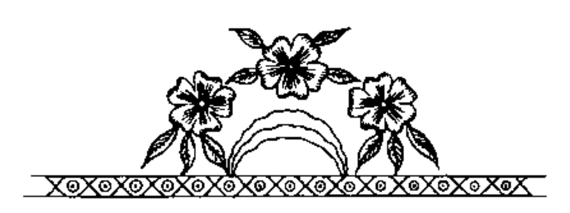

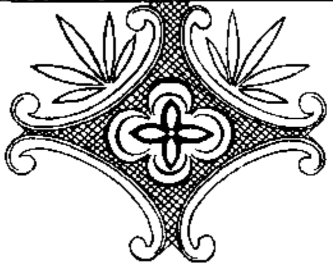
Первый снег под утро.
Он едва-едва прикрыл
Листики нарцисса.

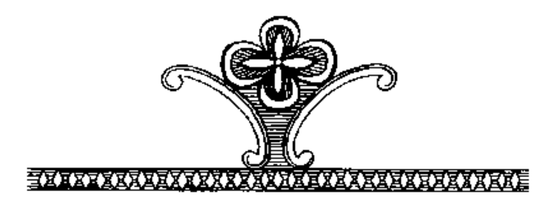

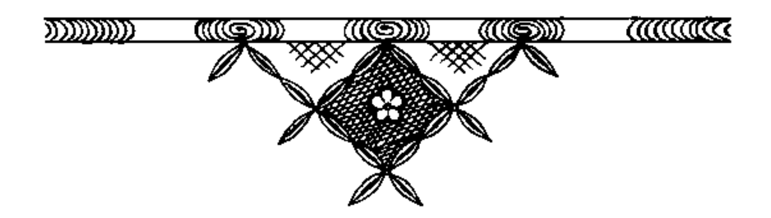
Вода так холодна!
Уснуть не может чайка,
Качаясь на волне.

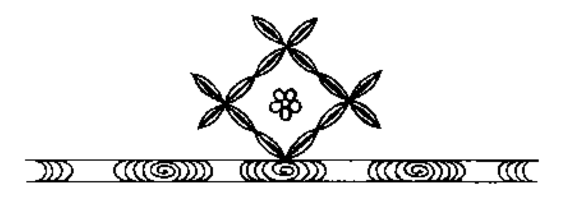

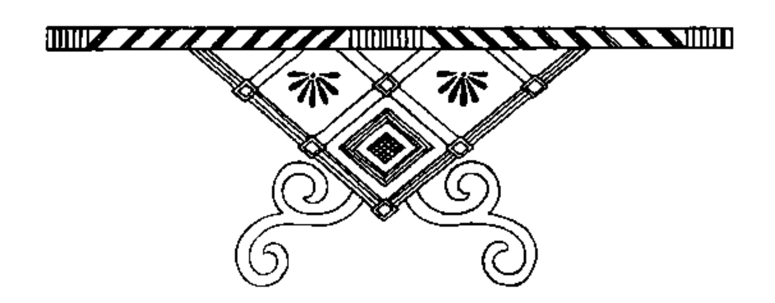
С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.

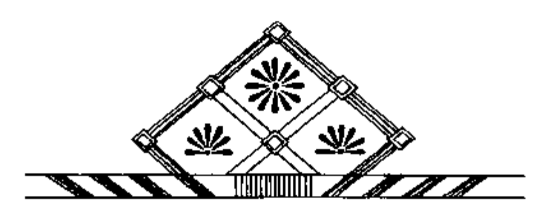

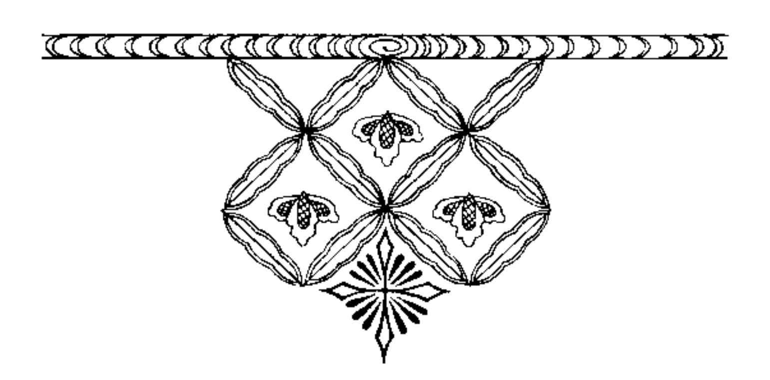
Луна или утренний снег...
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.

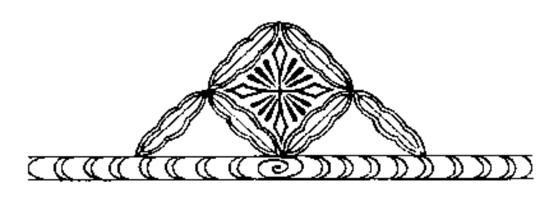

Облака вишневых цветов!
Звон колокольный доплыл... Из Уэ́но
Или Аса́куса?

В чашечке цветка
Дремлет шмель. Не тронь его,
Воробей-дружок!

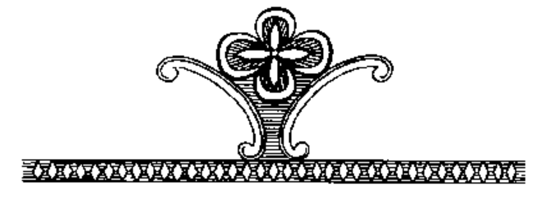

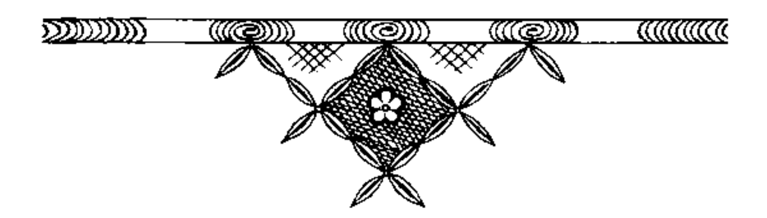
Аиста гнездо на ветру.
А под ним — за пределами бури —
Вишен спокойный цвет.

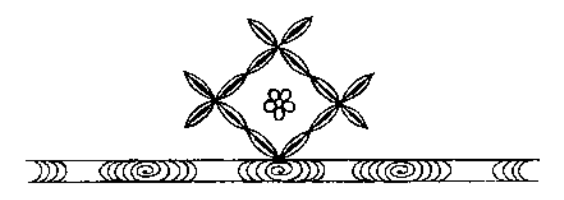

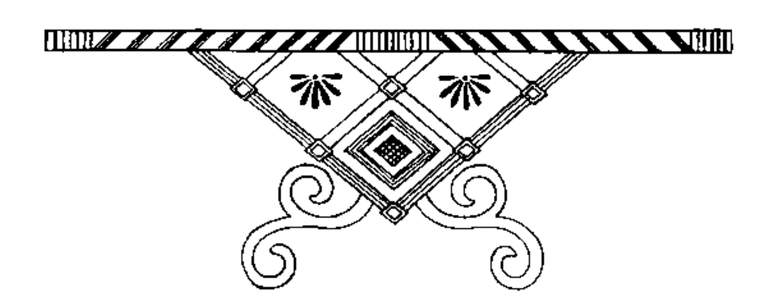
Долгий день напролет
Поет — и не напоется
Жаворонок весной.

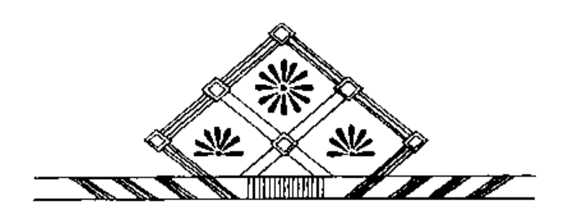

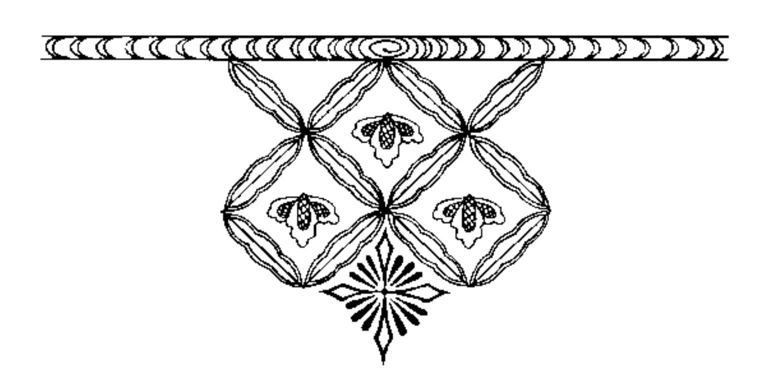
Над простором полей —
Ничем к земле не привязан —
Жаворонок звенит.

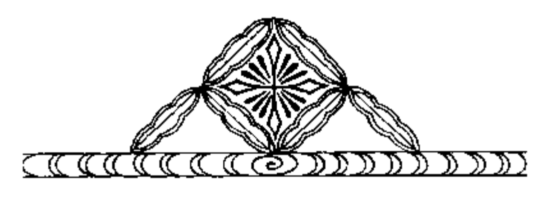

Майские льют дожди.
Что это? Лопнул на бочке обод?
Звук неясный ночной...

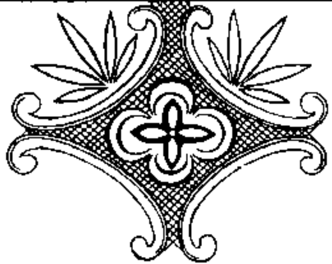
Чистый родник!
Вверх побежал по моей ноге
Маленький краб.

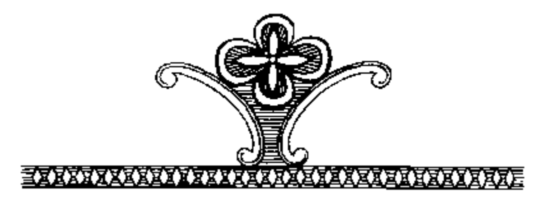
Нынче выпал ясный день.
Но откуда брызжут капли?
В небе облака клочок.

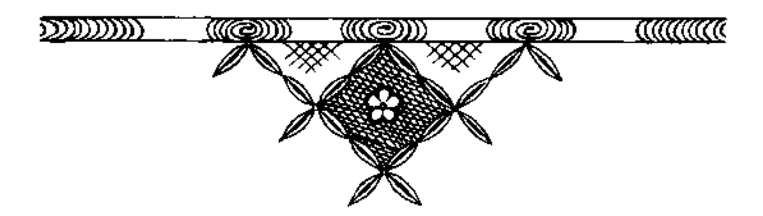

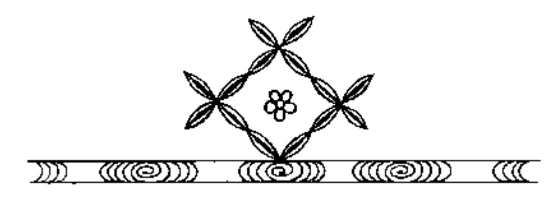
В похвалу поэту Рика

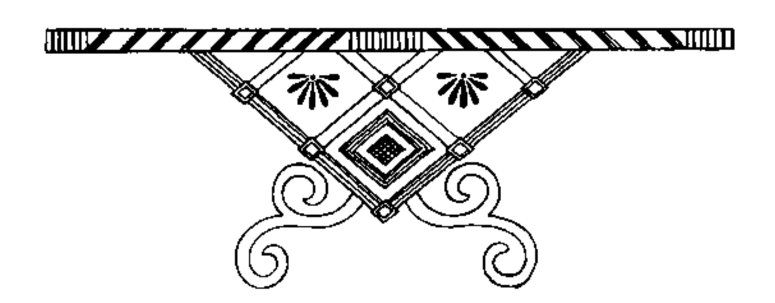
Будто в руки взял
Молнию, когда во мраке
Ты зажег свечу.

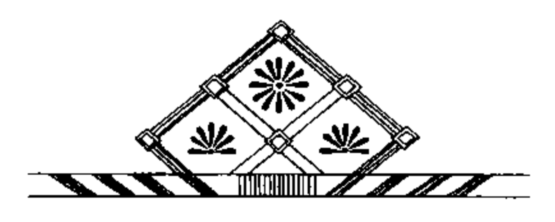

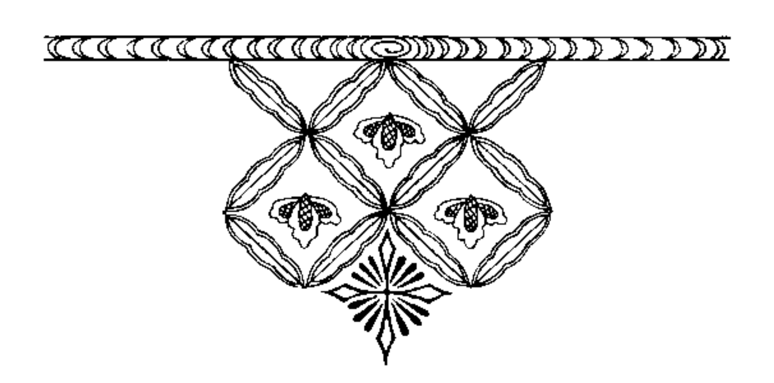
Как быстро летит луна!
На неподвижных ветках
Повисли капли дождя.

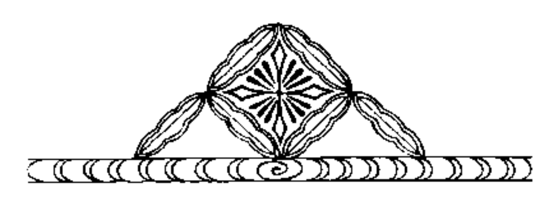

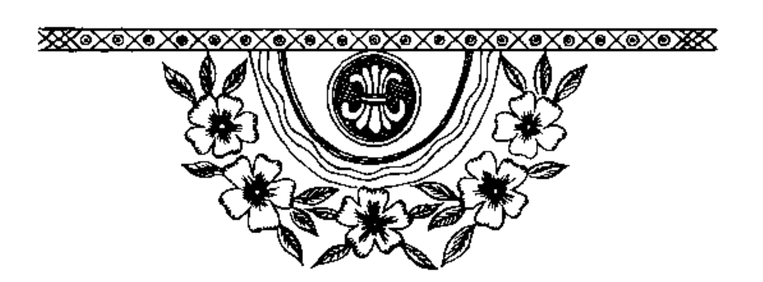
Важно ступает
Цапля по свежему жниву.
Осень в деревне.

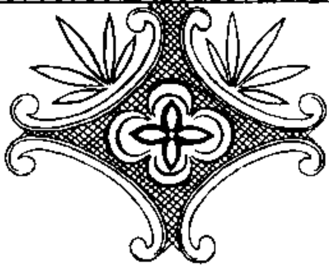
Бросил на миг
Обмолачивать рис крестьянин,
Глядит на луну.

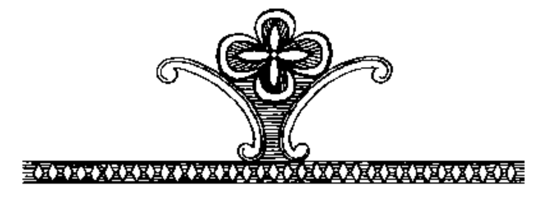

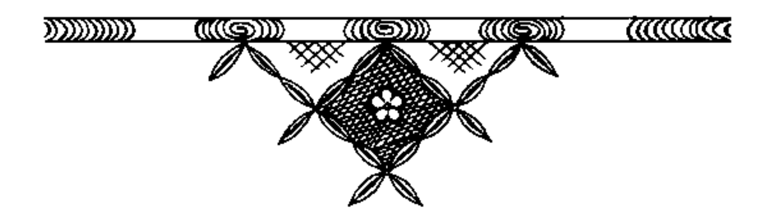
Хлюпают носами...
Милый сердцу деревенский звук!
Зацветают сливы.

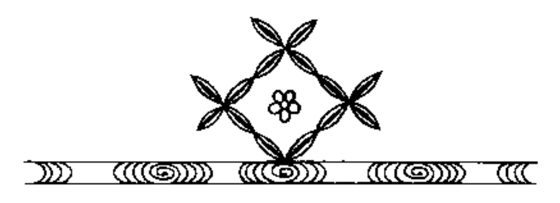

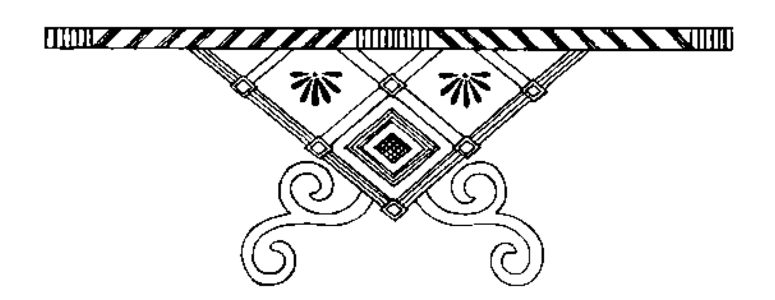
В чарку с вином,
Ласточки, не уроните
Глины комок.

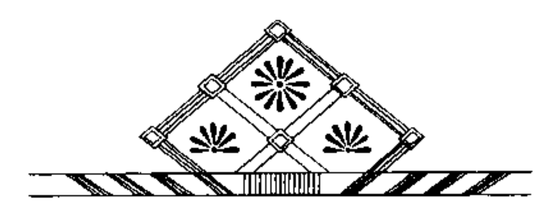

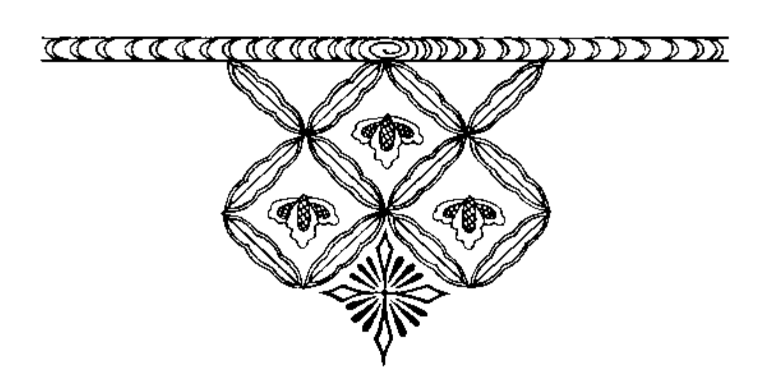
Здесь когда-то замок стоял...
Пусть мне первый расскажет о нем
Бьющий в старом колодце родник.

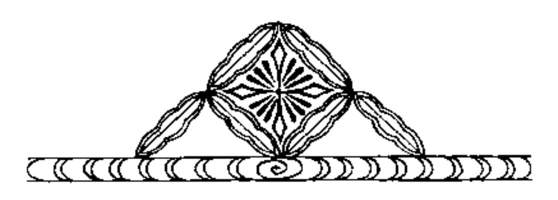

Как летом густеет трава!
И только у однолиста
Один-единственный лист.

О нет, готовых
Я для тебя сравнений не найду,
Трехдневный месяц!

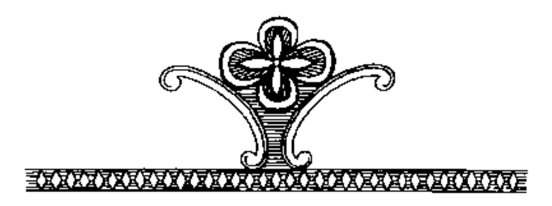

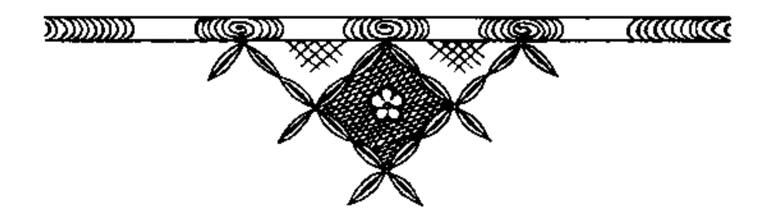
Неподвижно висит
Темная туча в полнеба...
Видно, молнию ждет.

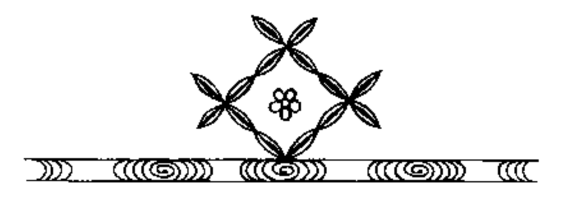

О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему —
В этом высший подвиг цветка!

Жизнь свою обвил
Вкруг висячего моста
Этот дикий плющ.

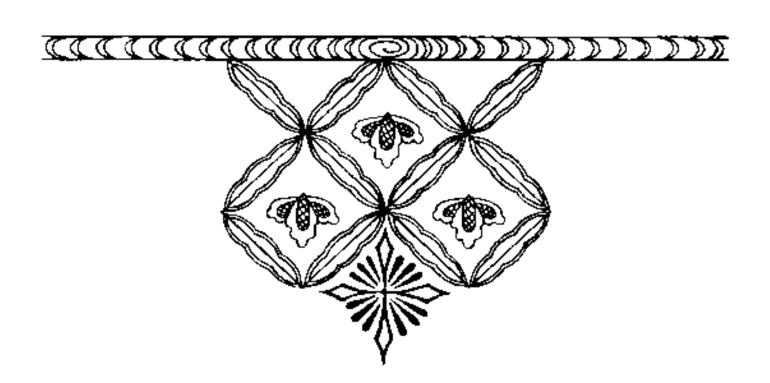

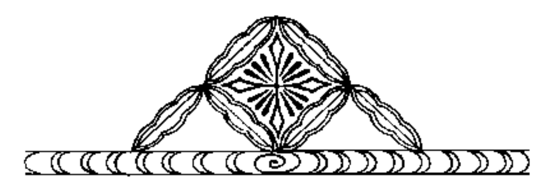
Поэт Рика скорбит о своей жене

Одеяло для одного.
И ледяная, черная
Зимняя ночь.... О печаль!

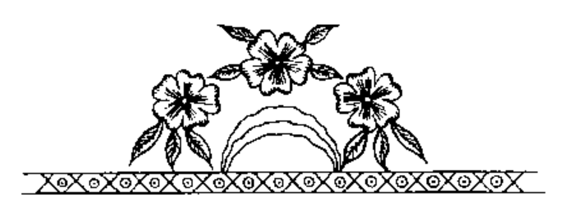

**Весна уходит.
Плачут птицы. Глаза у рыб
Полны слезами.**

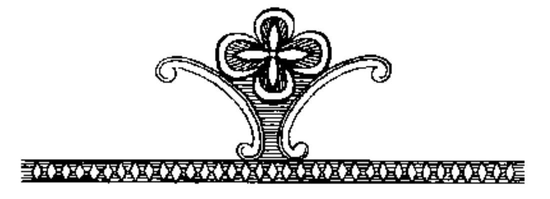

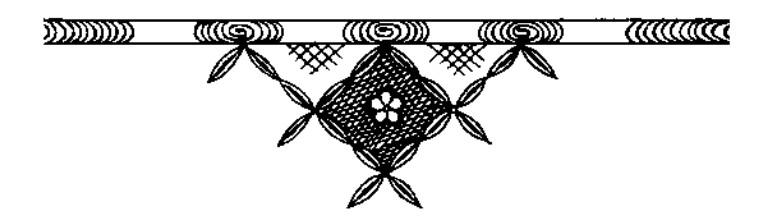
Сад и гора вдали
Дрогнули, движутся, входят
В летний раскрытый дом.

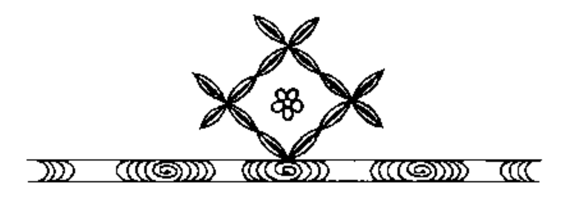

Погонщик! Веди коня
Вон туда, через поле!
Там кукушка поет.

Майские дожди
Водопад похоронили —
Залили водой.

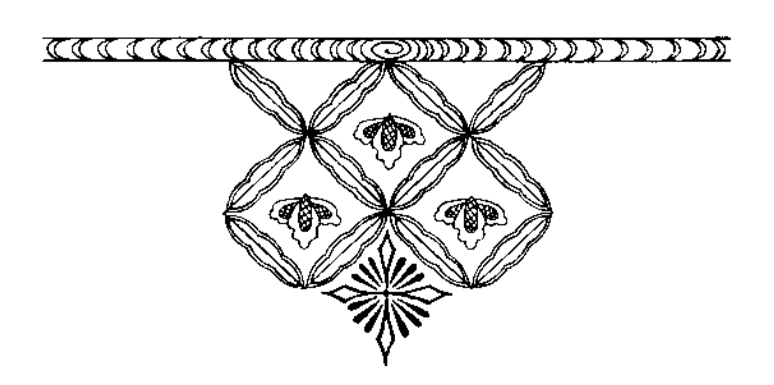

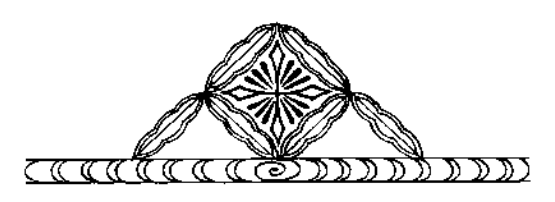
На старом поле битвы

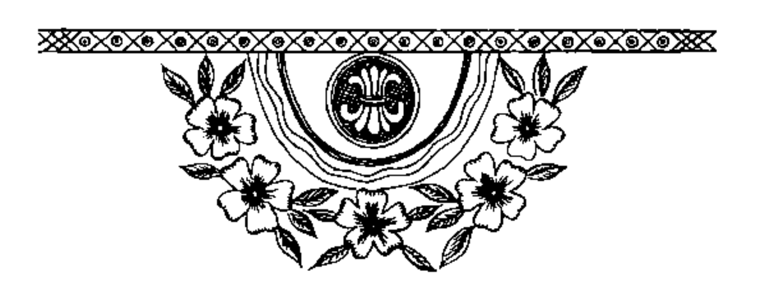
Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье.

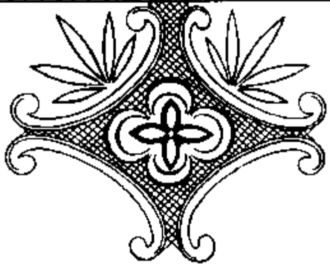
Островки... Островки...
И на сотни осколков дробится
Море летнего дня.

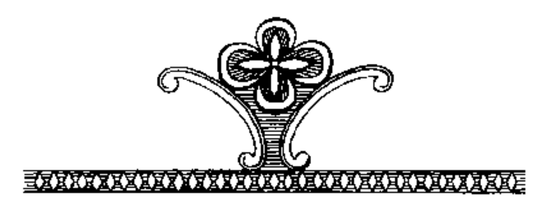

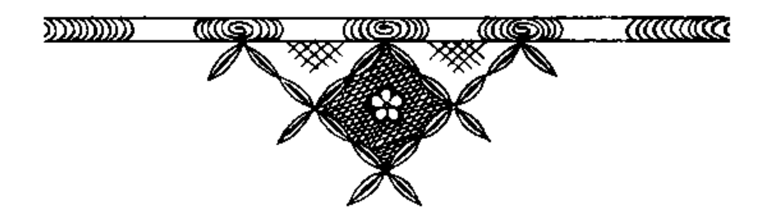
Какое блаженство!
Прохладное поле зеленого риса...
Воды журчанье...

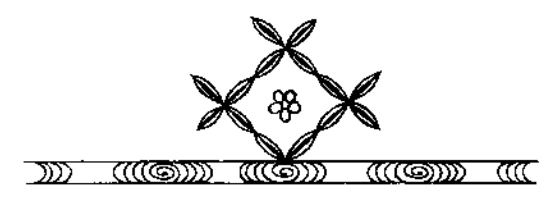

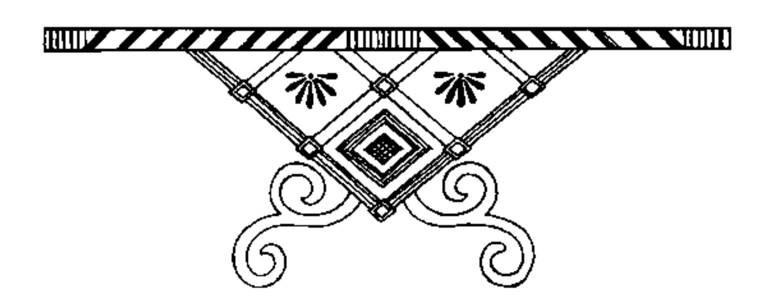
Тишина кругом.
Проникают в сердце скал
Голоса цикад.

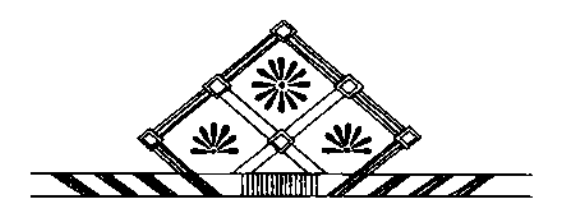

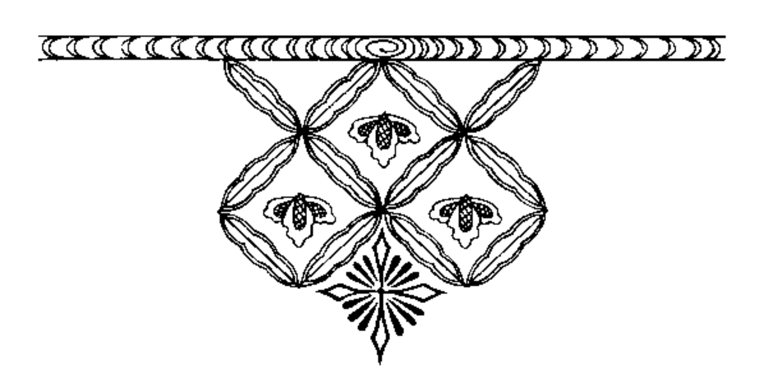
Ворота Прилива.
Омывает цаплю по самую грудь
Прохладное море.

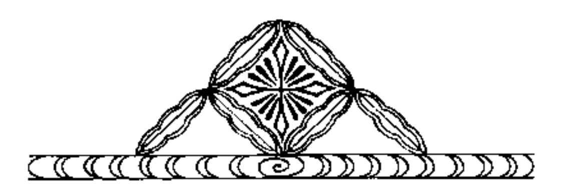

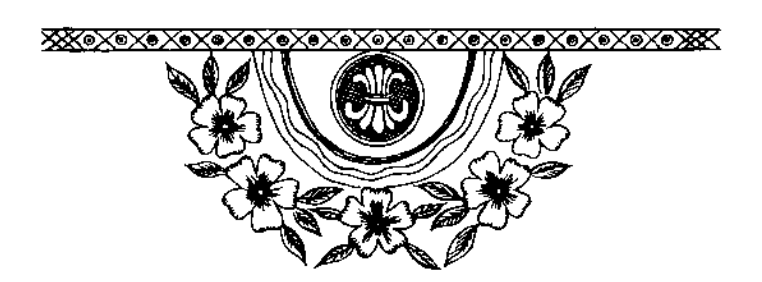
Сушатся мелкие окуньки
На ветках ивы... Какая прохлада!
Рыбачьи хижины на берегу.

Пестик из дерева.
Был ли он сливой когда-то,
Был ли камелией?

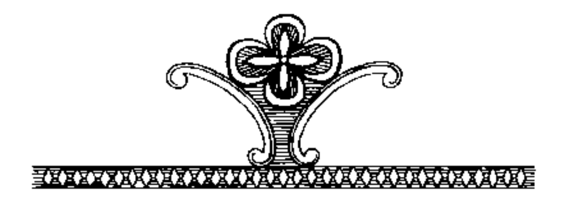
Накануне праздника Танабата

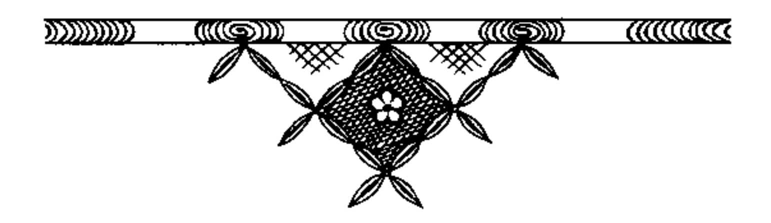
Праздник встречи двух звезд.
Даже ночь накануне так непохожа
На обычную ночь!

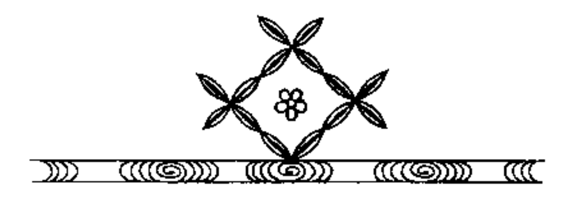
Бушует морской простор!
Далеко, до острова Садо,
Стелется Млечный Путь.

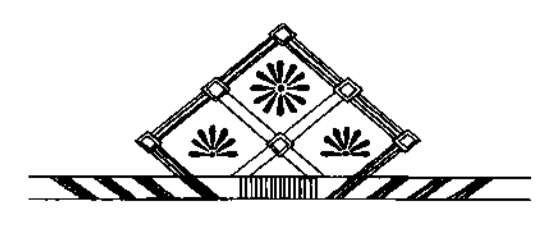
В гостинице

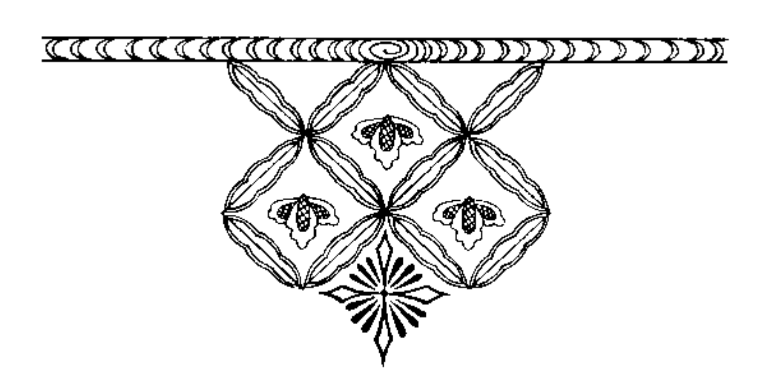
Со мной под одною кровлей
Две девушки... Ветки хаги в цвету
И одинокий месяц.

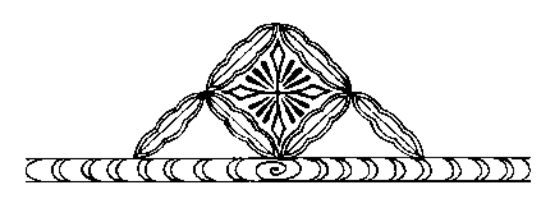
Как пахнет зреющий рис!
Я шел через поле, и вдруг —
Направо залив Арисó.

Перед могильным холмом рано умершего поэта Иссё

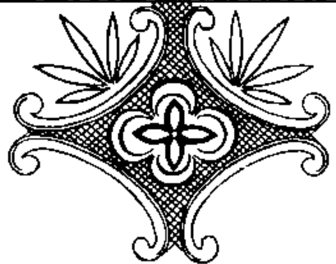
Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле —
Мой одинокий стон.

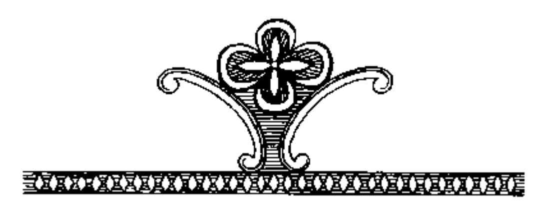
Красное-красное солнце
В пустынной дали... Но леденит
Безжалостный ветер осенний.

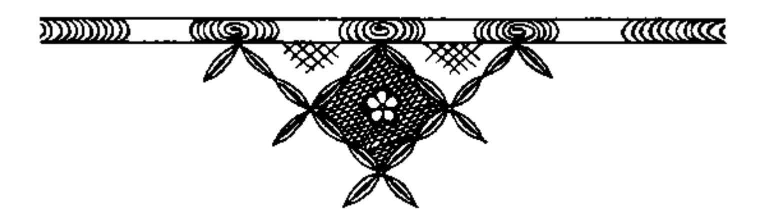

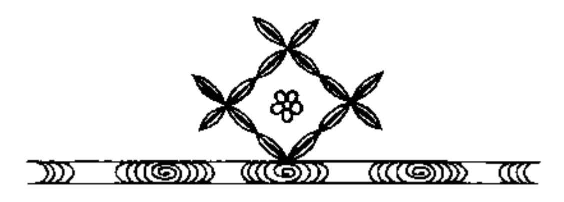
Местность под названием Сосенки

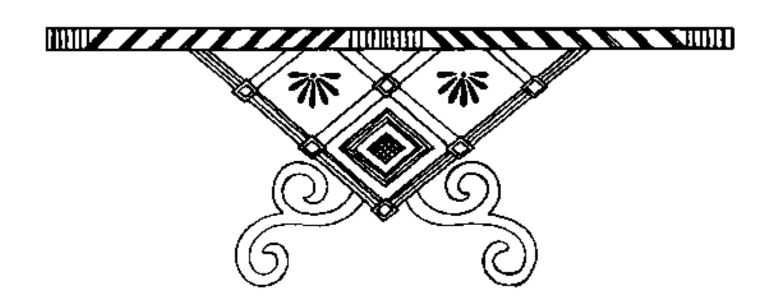
Сосенки... Милое имя!
Клонятся к сосенкам на ветру
Кусты и осенние травы.

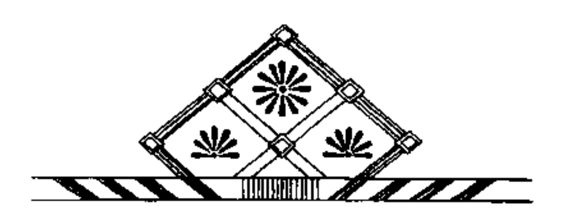

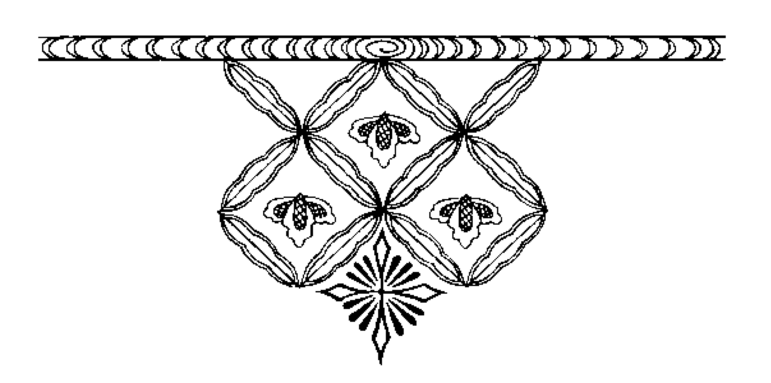
Равнина Мусáси вокруг.
Ни одно не коснется облако
Дорожной шляпы твоей.

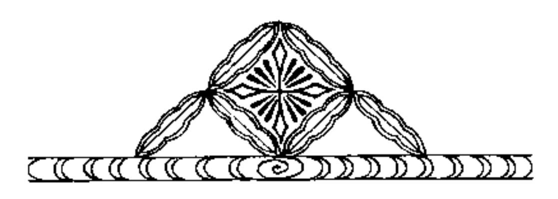

Намокший, идет под дождем,
Но песни достоин и этот путник,
Не только хаги в цвету.

О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит.

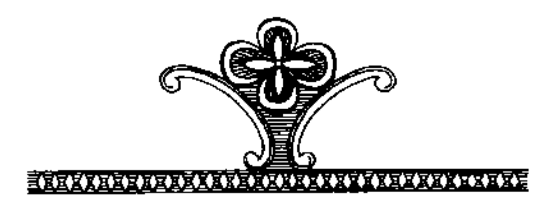
Белее белых скал
На склонах Каменной горы
Осенний этот вихрь!

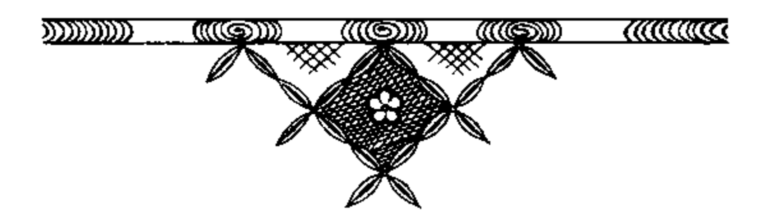

Расставаясь с другом

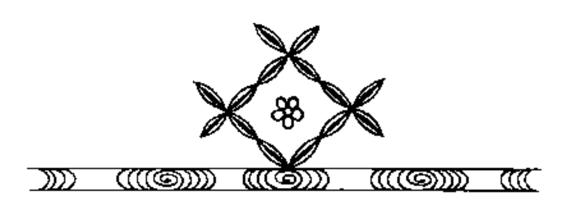
Прощальные стихи
На веере хотел я написать —
В руке сломался он.

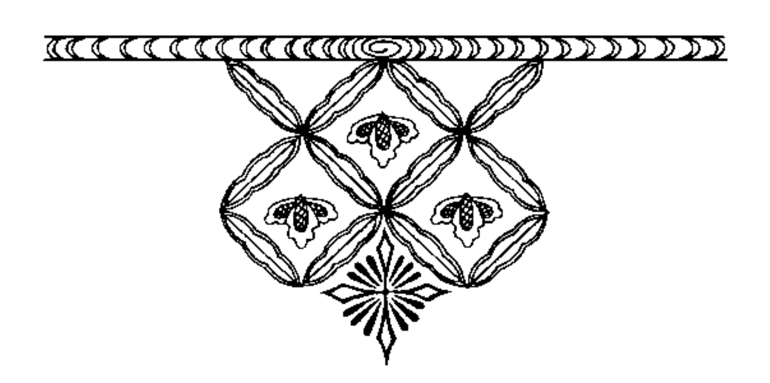

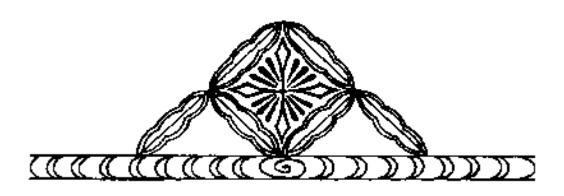
В бухте Цуруга, где некогда затонул колокол

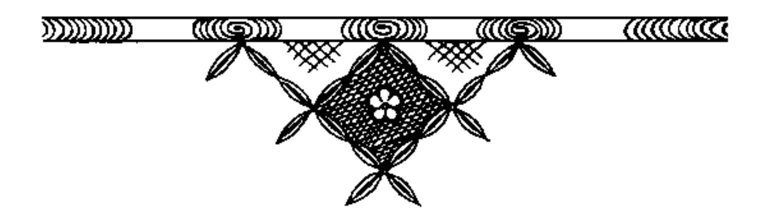
Где ты, луна, теперь?
Как затонувший колокол,
Скрылась на дне морском.

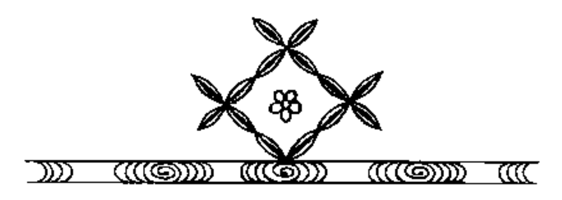

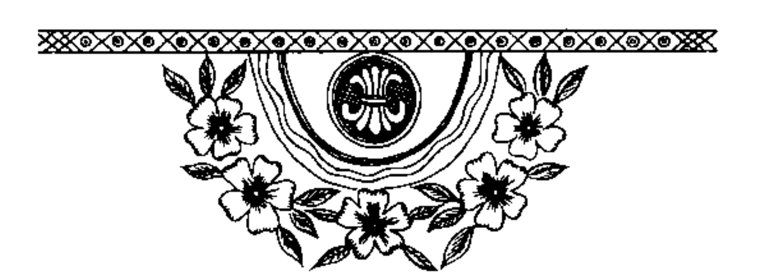
Бабочкой никогда
Он уж не станет... Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру.

Домик в уединенье.
Луна... Хризантемы... В придачу к ним
Клочок небольшого поля.

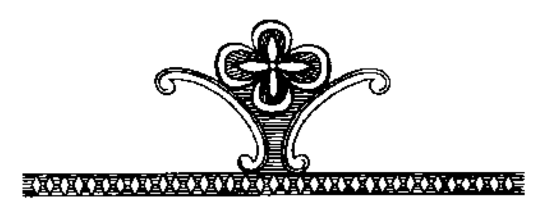

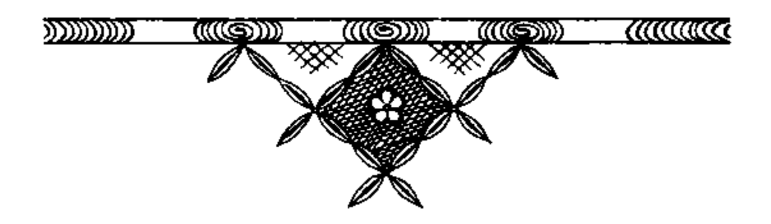
Холодный дождь без конца.
Так смотрит продрогшая обезьянка,
Будто просит соломенный плащ.

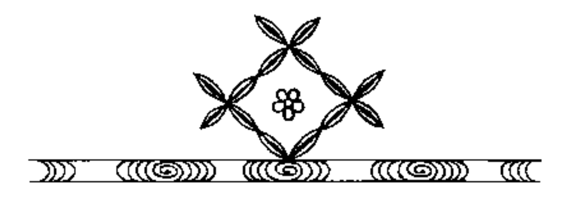
Зимняя ночь в саду.
Ниткой тонкой — и месяц в небе,
И цикады чуть слышный звон.

В горной деревне

Монахини рассказ
О прежней службе при дворе...
Кругом глубокий снег.

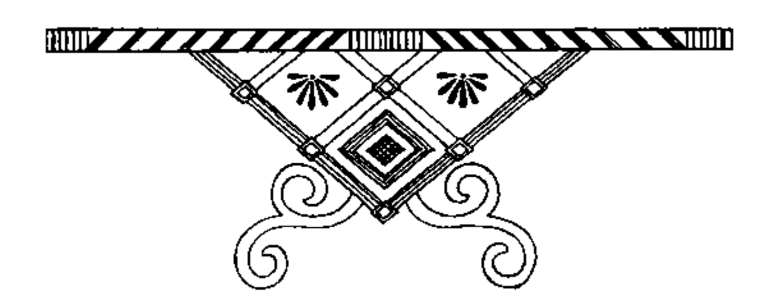

Играю с детьми в горах

Дети, кто скорей?
Мы догоним шарики
Ледяной крупы.

Скажи мне, для чего,
О ворон, в шумный город
Отсюда ты летишь?

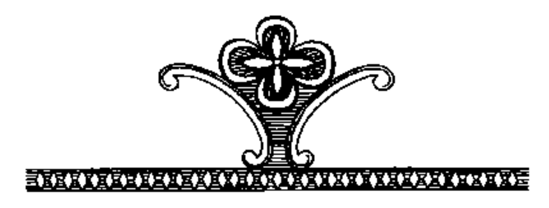

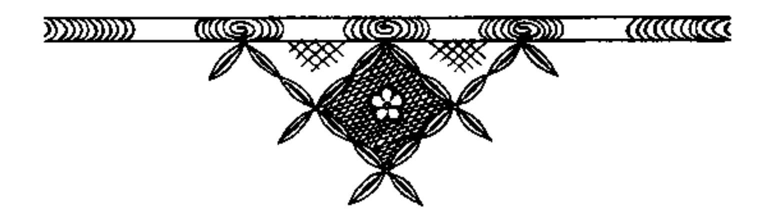
Продавец бонитов идет.
Какому они богачу сегодня
Помогут упиться вином?

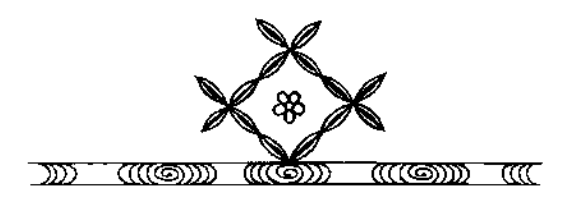

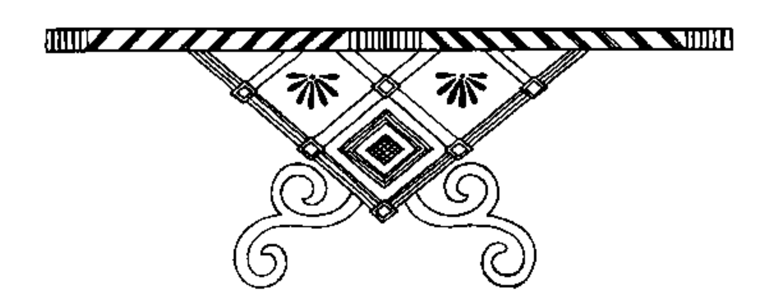

Как нежны молодые листья
Даже здесь, на сорной траве
У позабытого дома.

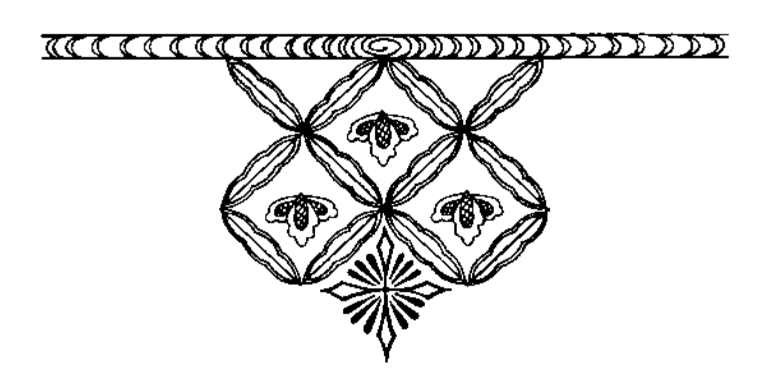
Камелии лепестки...
Может быть, соловей уронил
Шапочку из цветов?

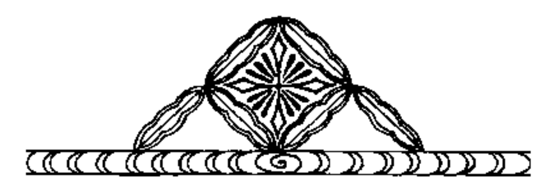

Листья плюща...
Отчего-то их дымный пурпур
О былом говорит.

Замшелый могильный камень.
Под ним — наяву это или во сне?—
Голос шепчет молитвы.

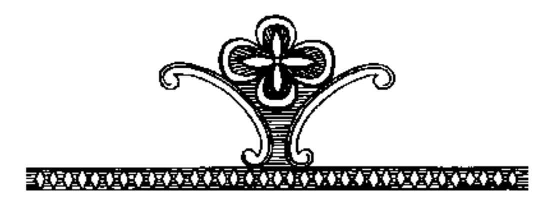

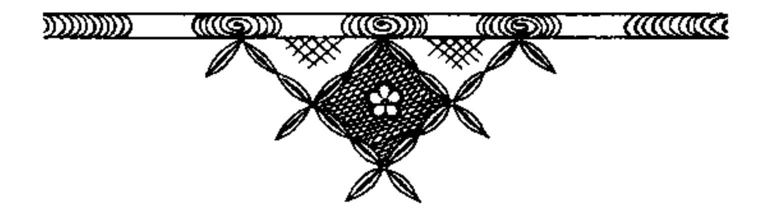
Все кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.

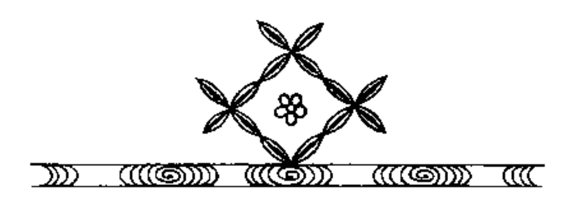

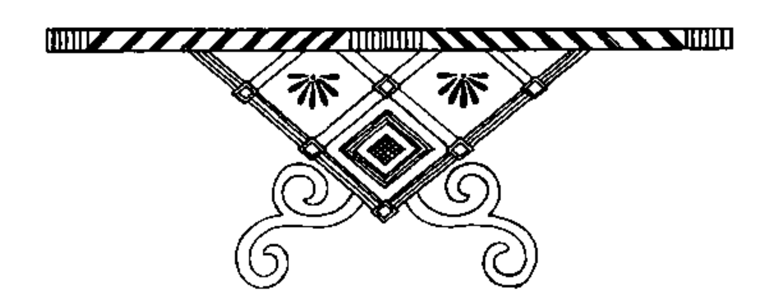
Ты не думай с презреньем:
«Какие мелкие семена!»
Это ведь красный перец.

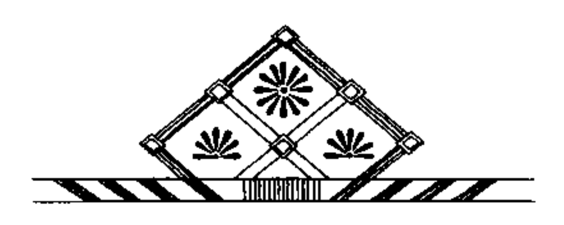

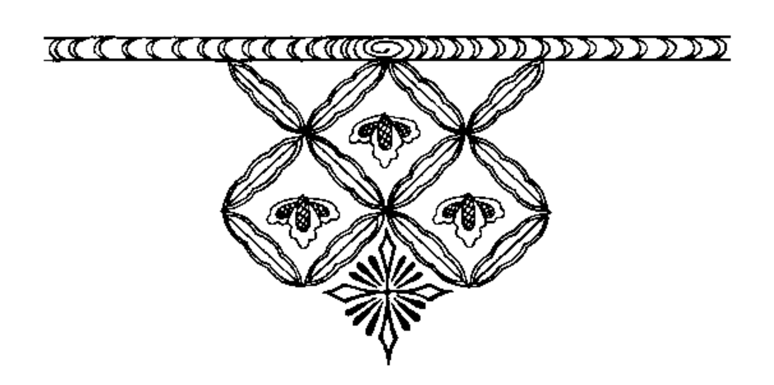
Сначала покинул траву...
Потом деревья покинул...
Жаворонка полет.

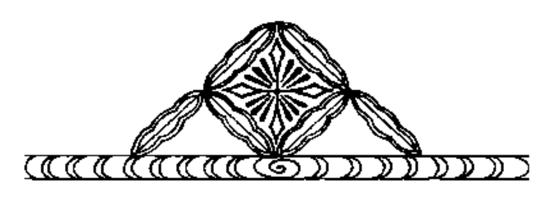

Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывет.

Чуть дрожат паутинки.
Тонкие нити травы сайко́
В полумраке трепещут.

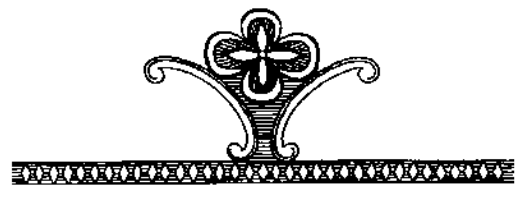

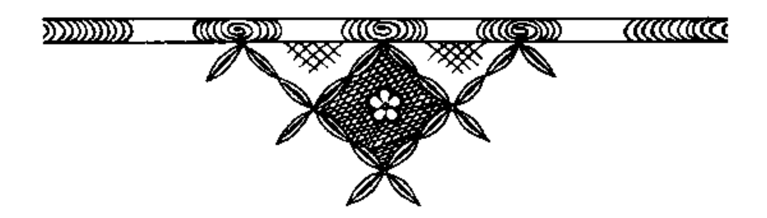
Роняя лепестки,
Вдруг пролил горсточку воды
Камелии цветок.

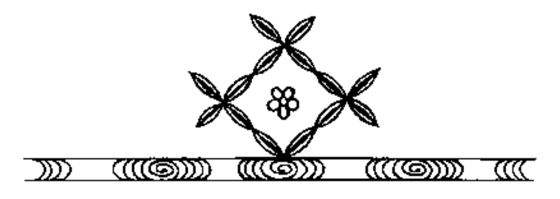

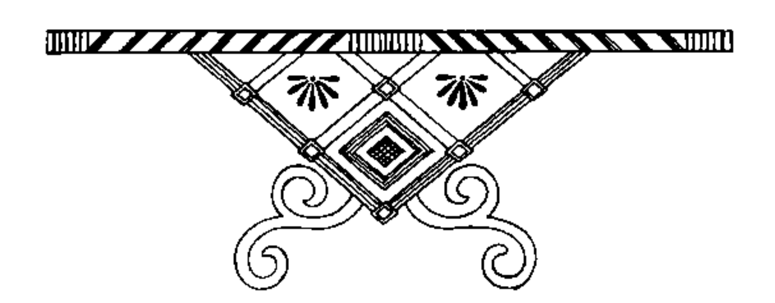
Ручеек чуть заметный.
Проплывают сквозь чащу бамбука
Лепестки камелий.

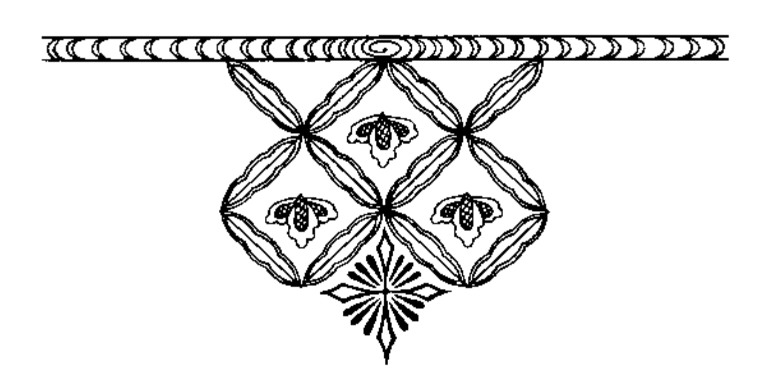
Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылек.

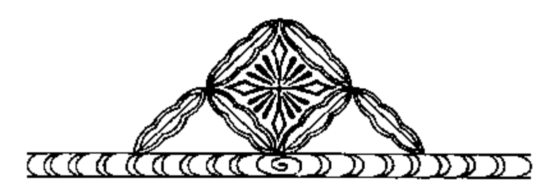

Майский дождь бесконечный.
Мальвы куда-то тянутся,
Ищут дорогу солнца.

Слабый померанца аромат.
Где?.. Когда?.. В каких полях, кукушка,
Слышал я твой перелетный крик?

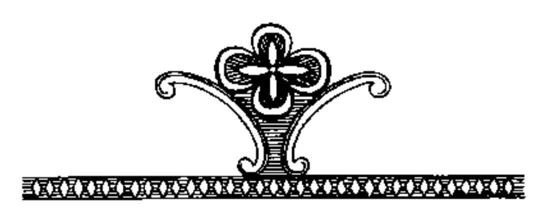

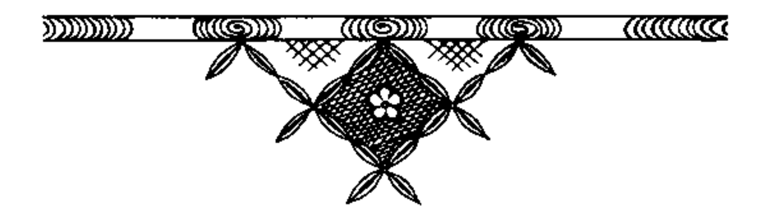
Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.

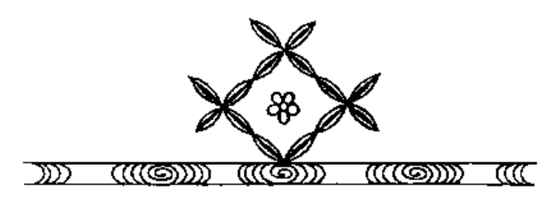

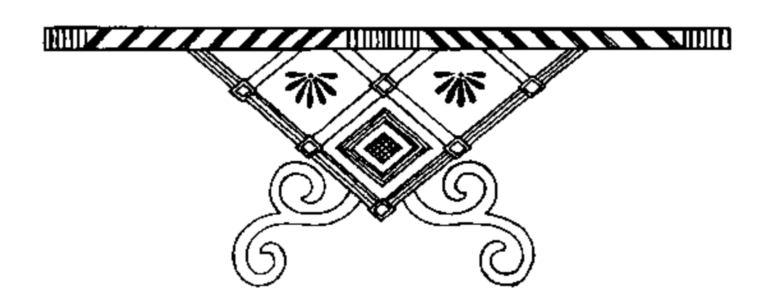
Падает с листком...
Нет, смотри! На полдороге
Светлячок вспорхнул.

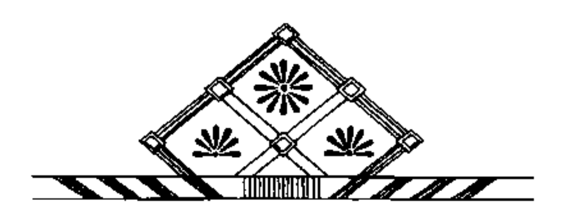

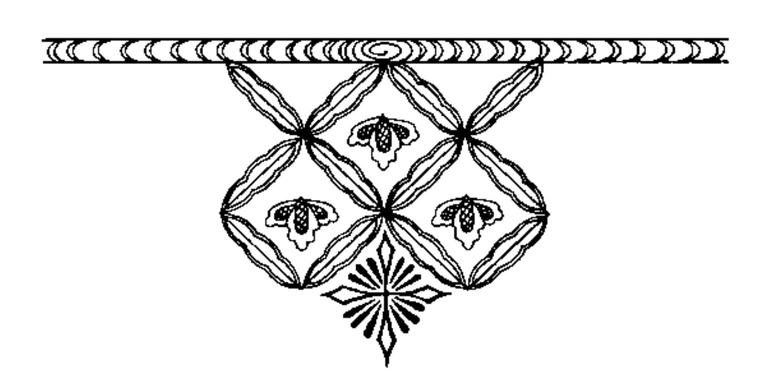
И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго!
Немолчный звон цикад.

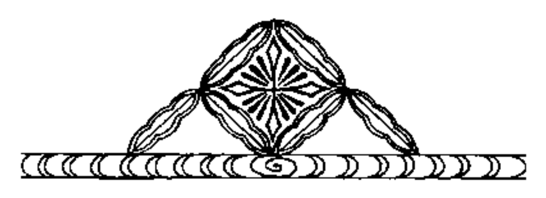

Хижина рыбака.
Замешался в груду креветок
Одинокий сверчок.

Белый волос упал.
Под моим изголовьем
Не смолкает сверчок.

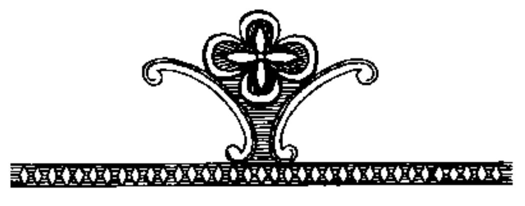

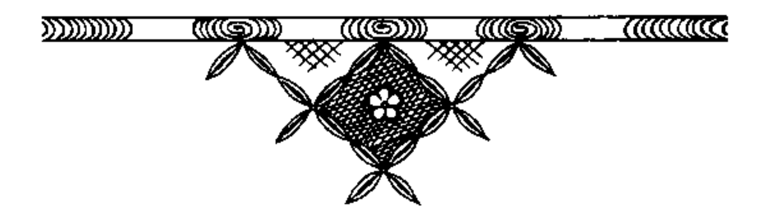
Больной опустился гусь
На поле холодной ночью.
Сон одинокий в пути.

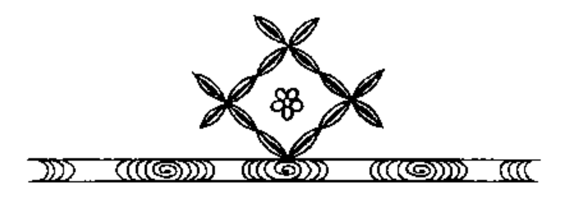

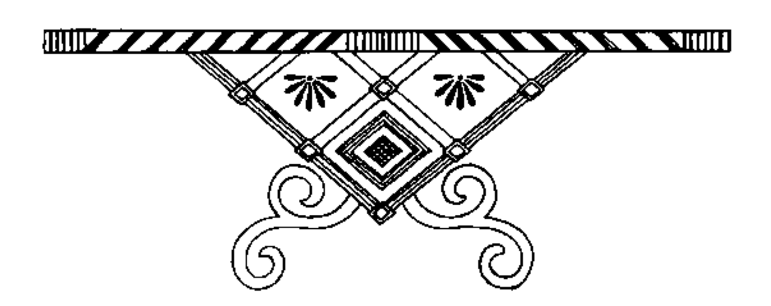
«Сперва обезьяны халат!» —
Просит прачек выбить вальком
Продрогший поводырь.

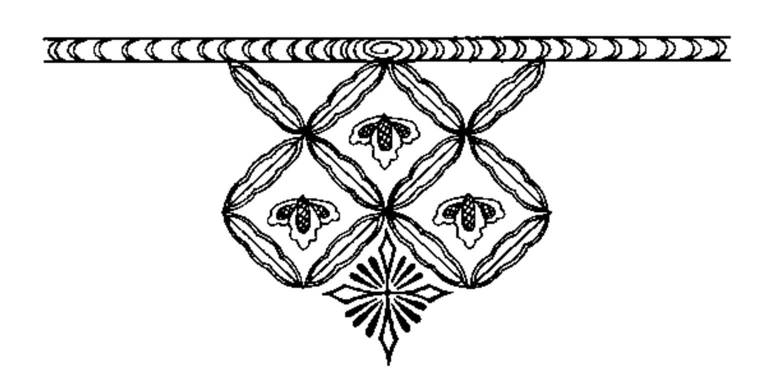
Даже дикого кабана
Закружи́т, унесет с собою
Этот зимний вихрь полевой!

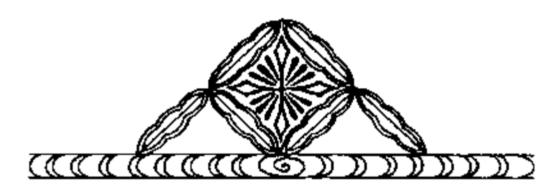
Уж осени конец,
Но верит в будущие дни
Зеленый мандарин.

В дорожной гостинице

Переносный очаг.
Так, сердце странствий, и для тебя
Нет покоя нигде.

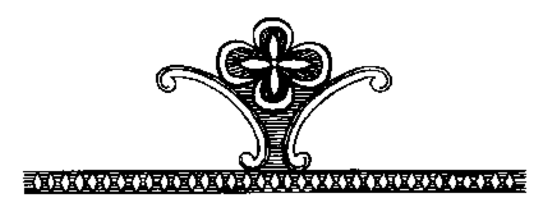

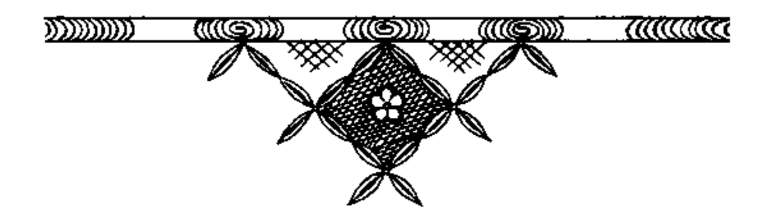
Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

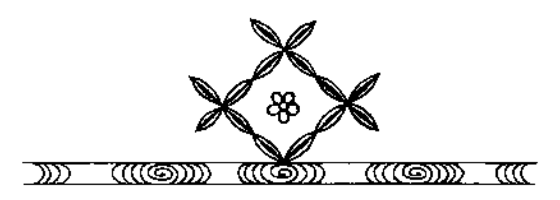

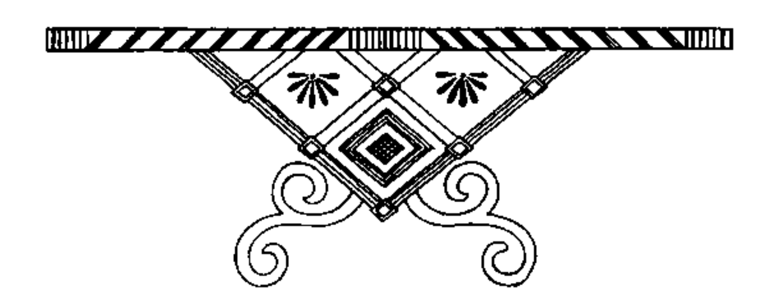
Стебли морской капусты.
Песок заскрипел на зубах...
И вспомнил я, что старею.

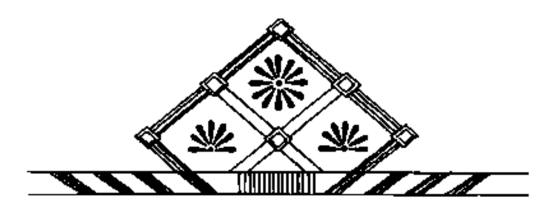

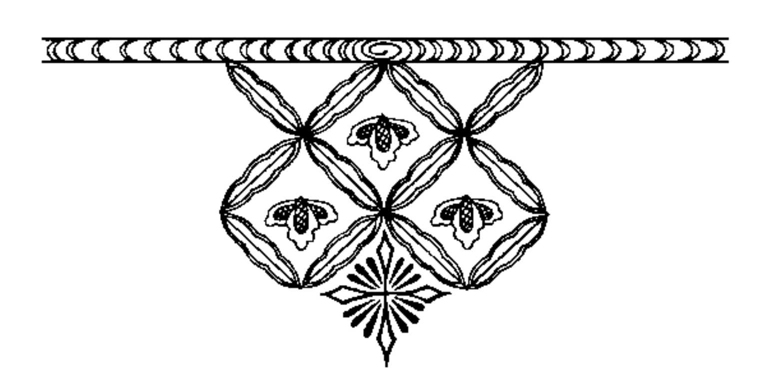
Поздно пришел мандзай
В горную деревушку.
Сливы уже зацвели.

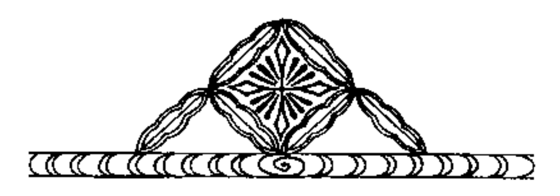

Откуда вдруг такая лень?
Едва меня сегодня добудились...
Шумит весенний дождь.

Печального, меня
Сильнее грустью напои,
Кукушки дальний зов!

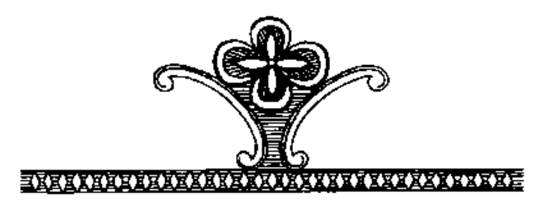
В ладоши звонко хлопнул я.
А там, где эхо прозвучало,
Бледнеет летняя луна.

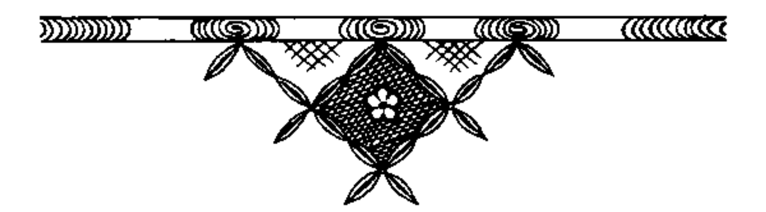

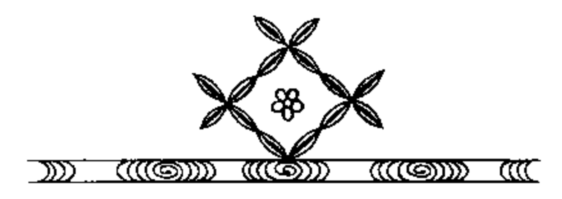
В ночь полнолуния

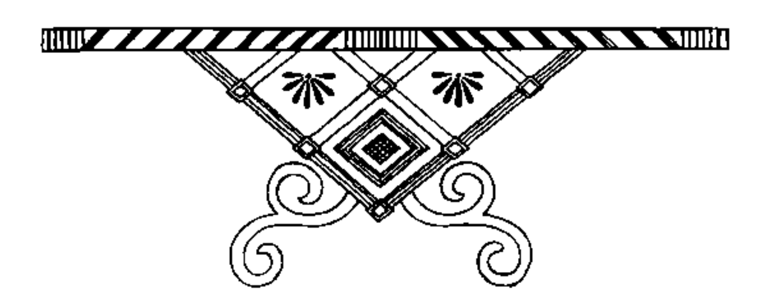
Друг мне в подарок прислал
Рису, а я его пригласил
В гости к самой луне.

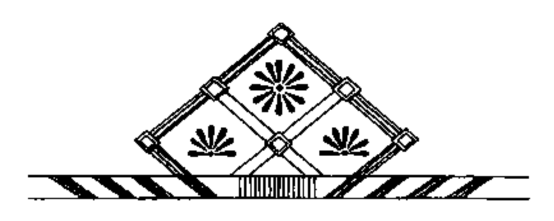

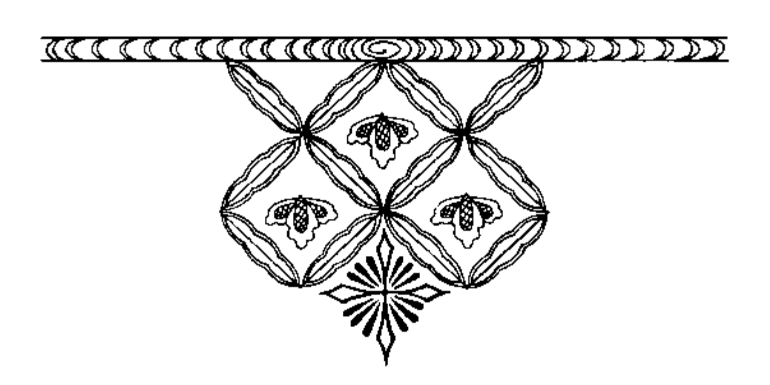
Глубокою стариной
Повеяло... Сад возле храма
Засыпан палым листом.

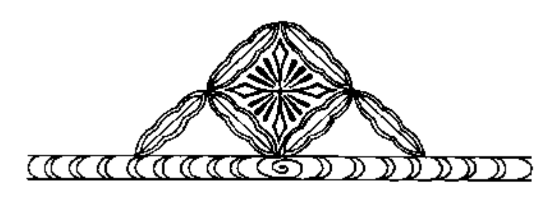

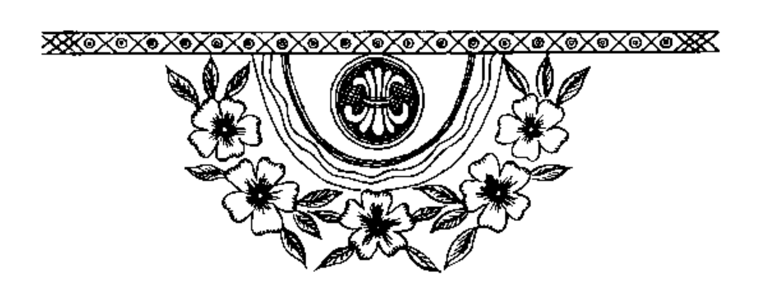
Так легко-легко
Выплыла — и в облаке
Задумалась луна.

Кричат перепела.
Должно быть, вечереет.
Глаз ястреба померк.

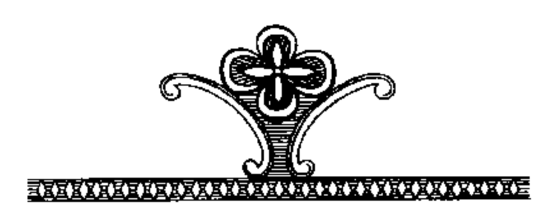

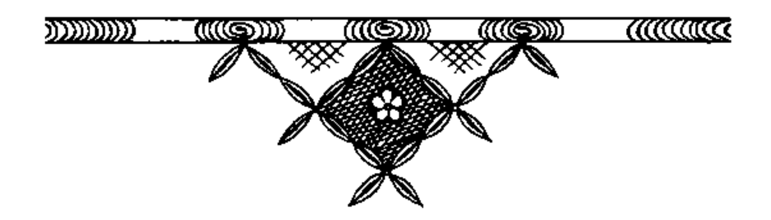
Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.

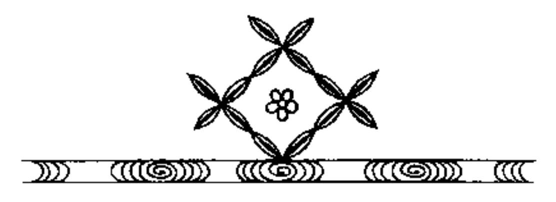

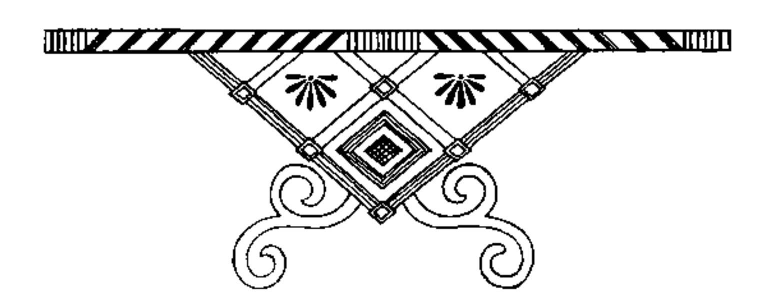
Белый грибок в лесу.
Какой-то лист незнакомый
К шляпке его прилип.

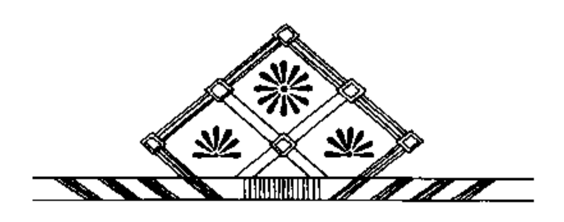

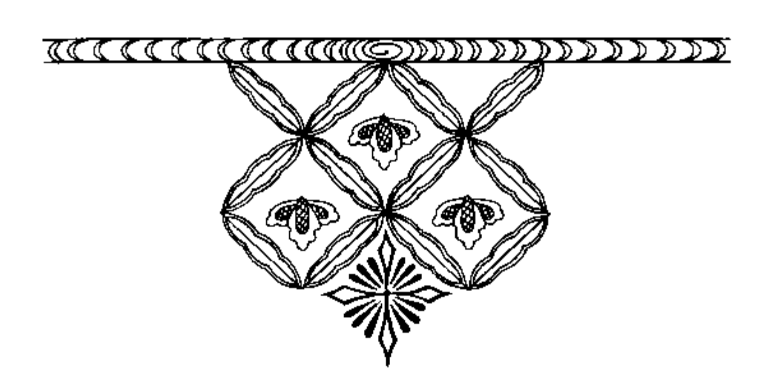
Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.

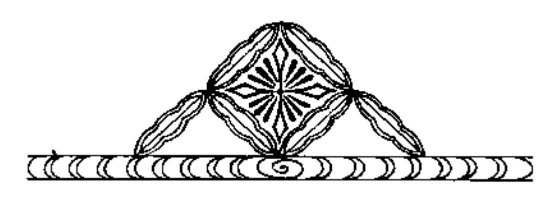

Ночная тишина.
Лишь за картиной на стене
Звенит-звенит сверчок.

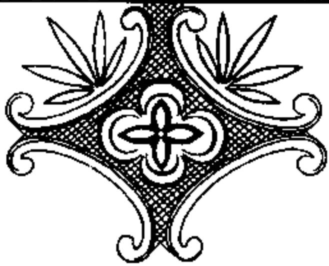
Блестят росинки.
Но есть у них привкус печали,
Не позабудьте!

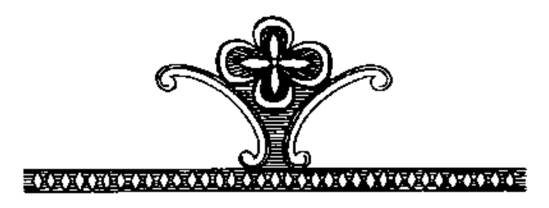

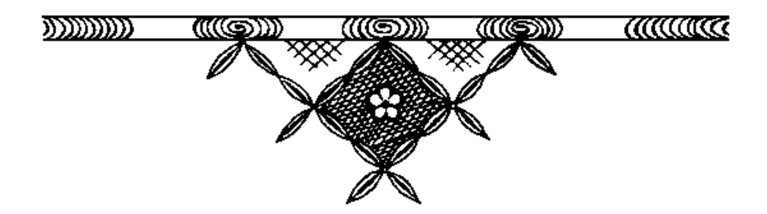
Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла? —
Одна скорлупка осталась.

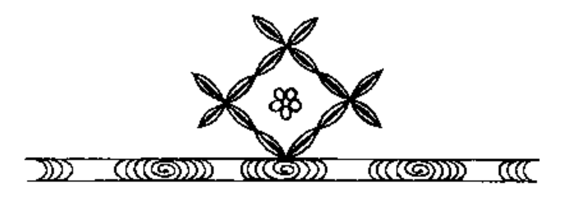

Опала листва.
Весь мир одноцветен.
Лишь ветер гудит.

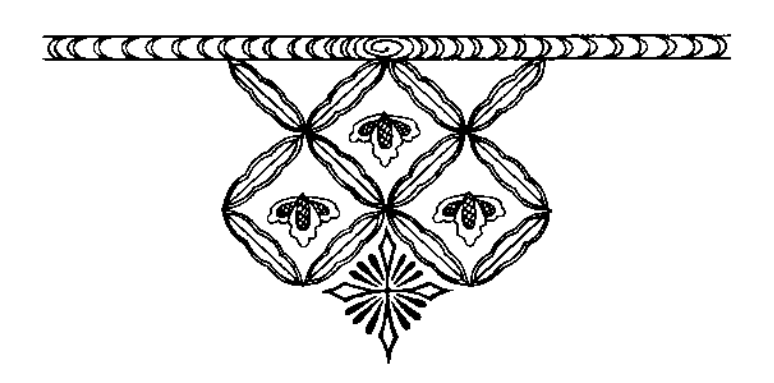
Посадили деревья в саду.
Тихо, тихо, чтоб их ободрить,
Шепчет осенний дождь.

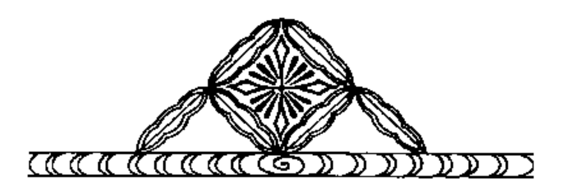

Чтоб холодный вихрь
Ароматом напоить, опять раскрылись
Поздней осенью цветы.

Скалы среди криптомерий!
Как заострил их зубцы
Зимний холодный ветер!

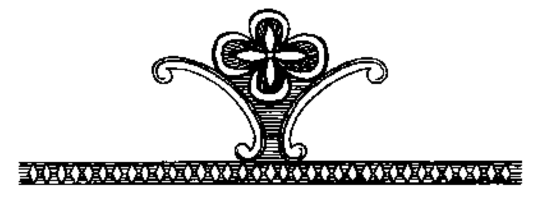

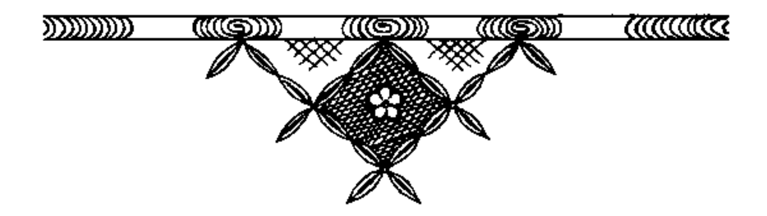
Все засыпал снег.
Одинокая старуха
В хижине лесной.

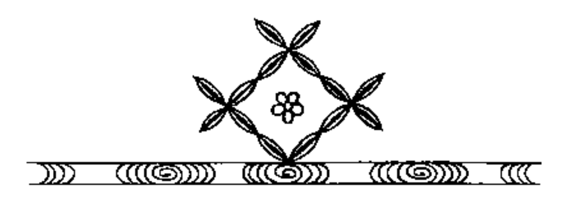

Уродливый ворон —
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро!

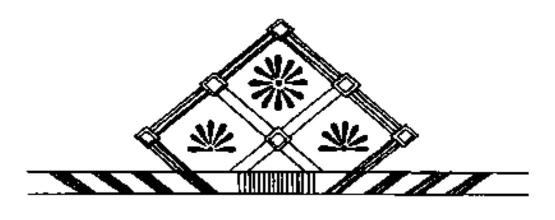
Словно копоть сметает,
Криптомерий вершины треплет
Налетевшая буря.

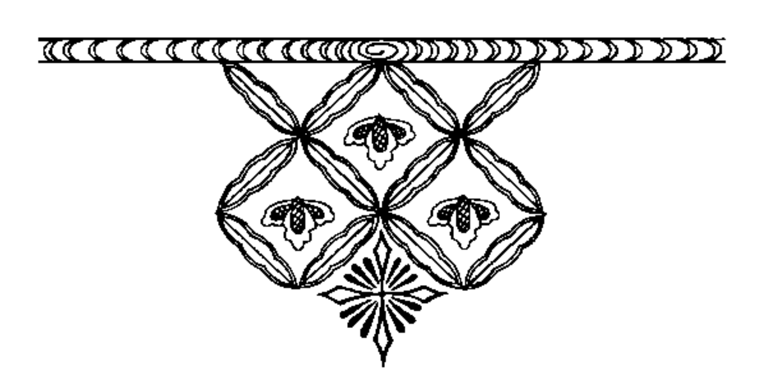

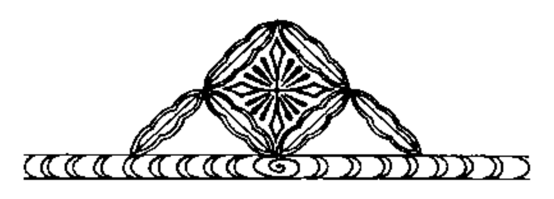
Под Новый год

Рыбам и птицам
Не завидую больше... Забуду
Все горести года.

Всюду поют соловьи.
Там — за бамбуковой рощей,
Тут — перед ивой речной..

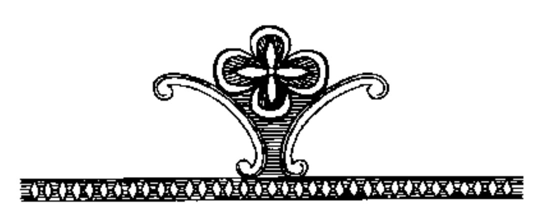

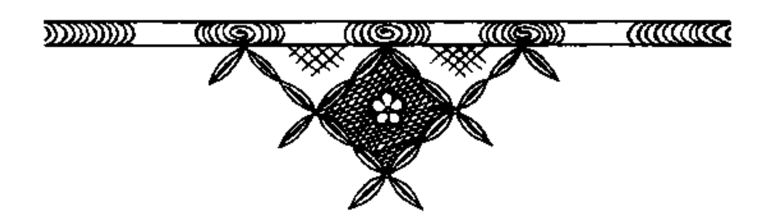
С ветки на ветку
Тихо сбегают капли...
Дождик весенний.

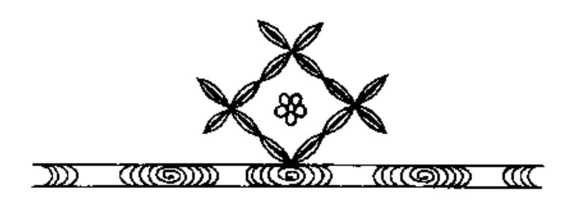

Через изгородь
Сколько раз перепорхнули
Крылья бабочки!

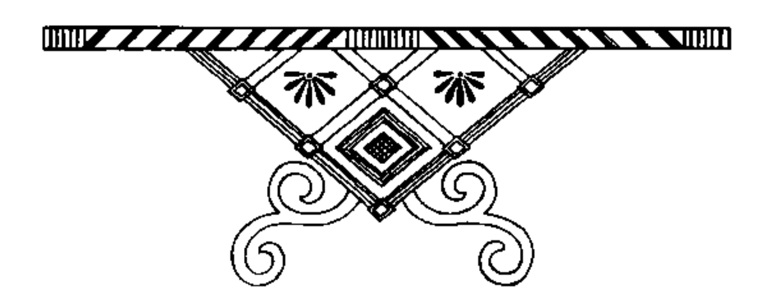

Посадка риса

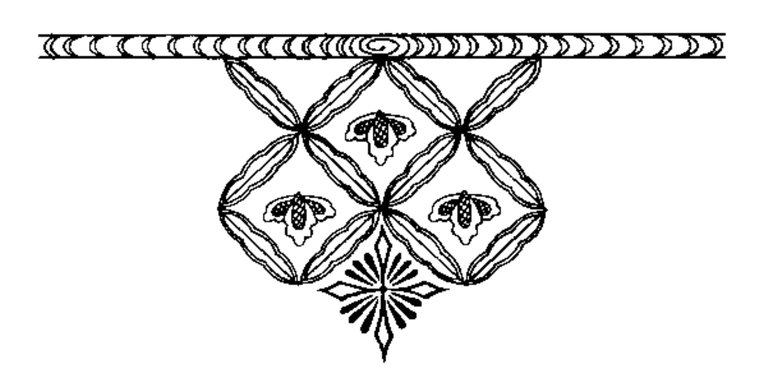
Не успела отнять руки,
Как уже ветерок весенний
Поселился в зеленом ростке.

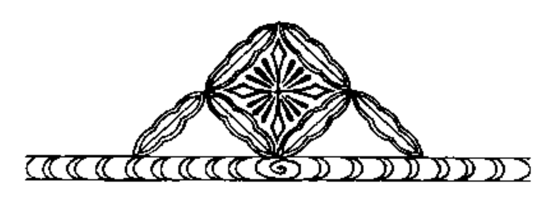

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.

Только дохнет ветерок —
С ветки на ветку ивы
Бабочка перепорхнет.

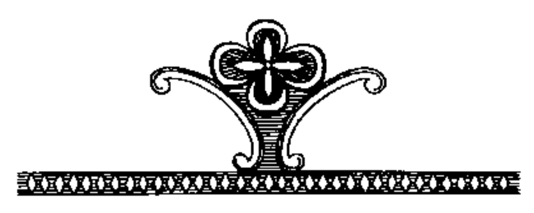

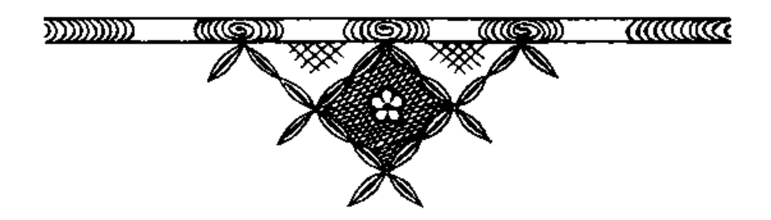
Плотно закрыла рот
Раковина морская.
Невыносимый зной!

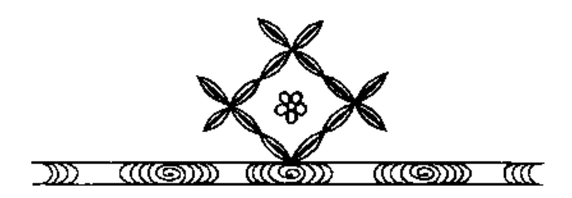

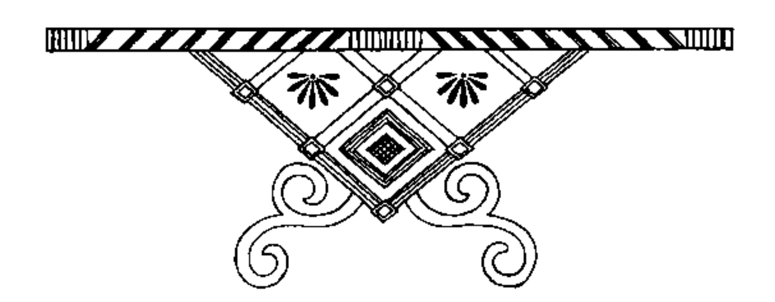
Ладят зимний очаг.
Как постарел знакомый печник!
Побелели пряди волос.

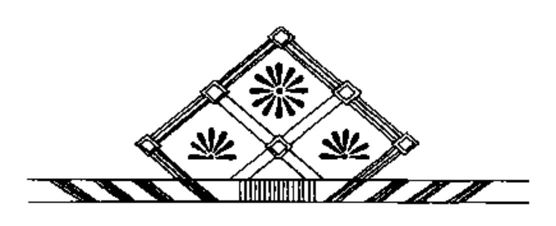

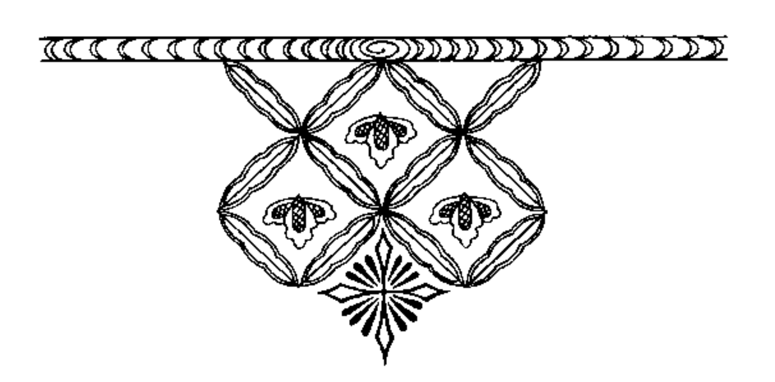
Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.

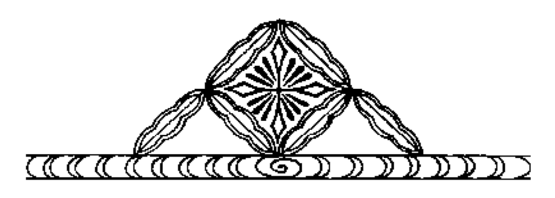

Дождь набегает за дождем,
И сердце больше не тревожат
Ростки на рисовых полях.

Кукушка вдаль летит,
А голос долго стелется
За нею по воде.

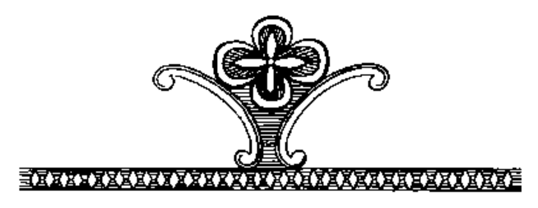
Памяти поэта Тодзюна

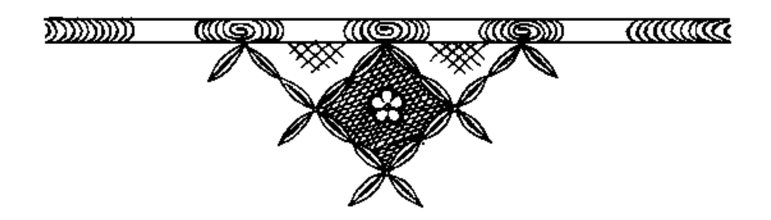
Погостила и ушла
Светлая луна... Остался
Стол о четырех углах.

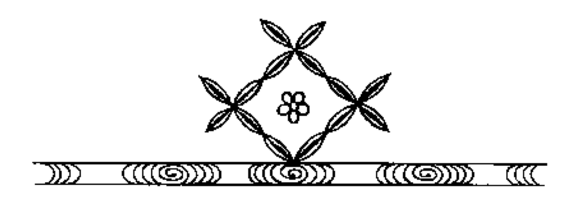

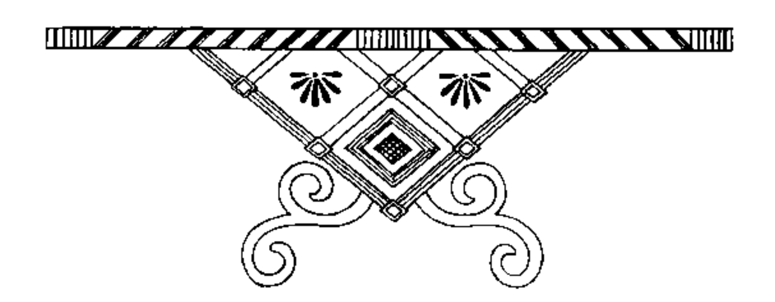
Первый грибок!
Еще, осенние росы,
Он вас не считал.

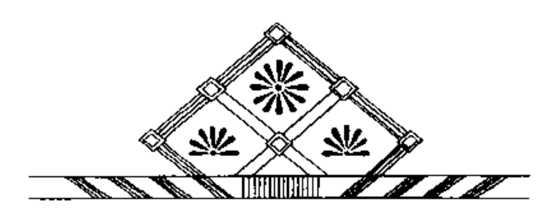

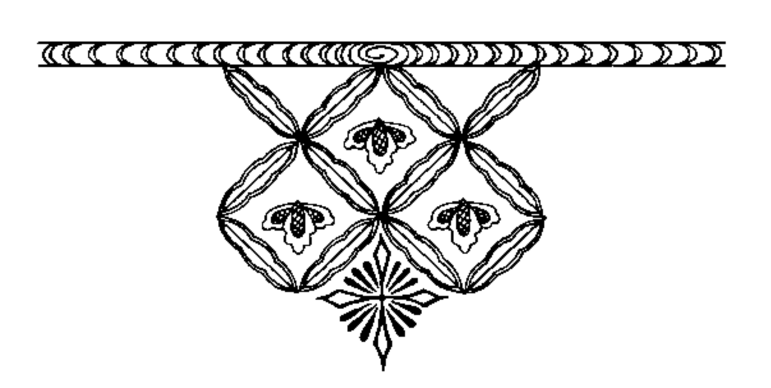
Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

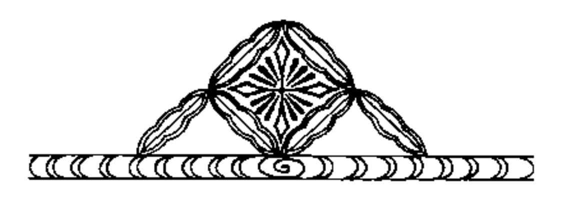
Утка прижалась к земле.
Платьем из крыльев прикрыла
Голые ноги свои...

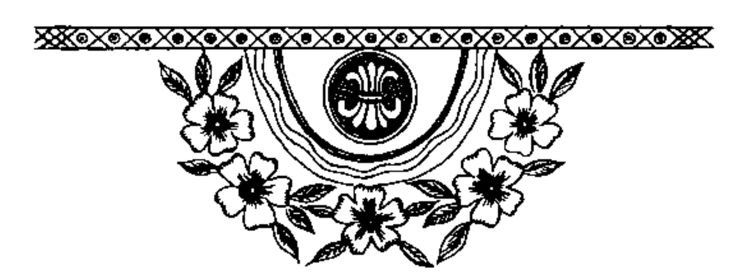

Перед Новым годом

Обметают копоть.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

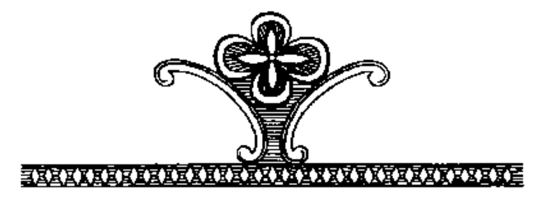
Увидев выставленную на продажу картину работы Кано Мотонобу

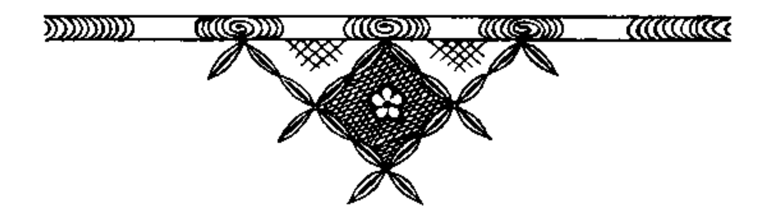
...Кисти самого Мотонобу!
Как печальна судьба хозяев твоих!
Близятся сумерки года.

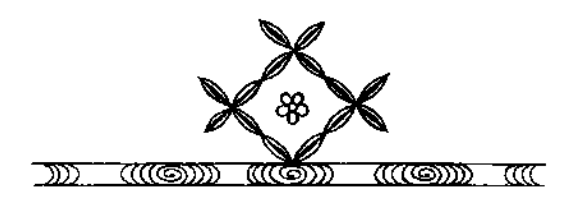

О весенний дождь!
С кровли ручейки бегут
Вдоль осиных гнезд.

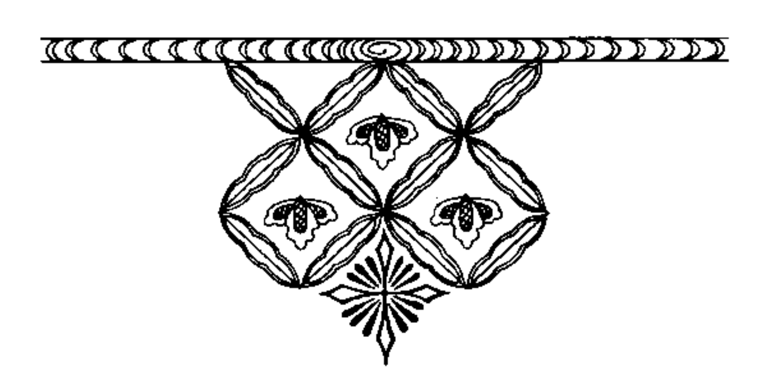
Под раскрытым зонтом
Пробираюсь сквозь ветви.
Ивы в первом пуху.

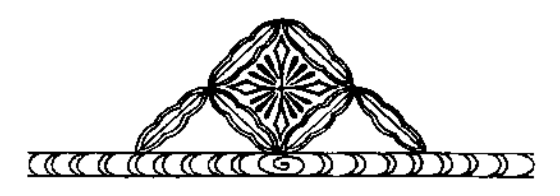

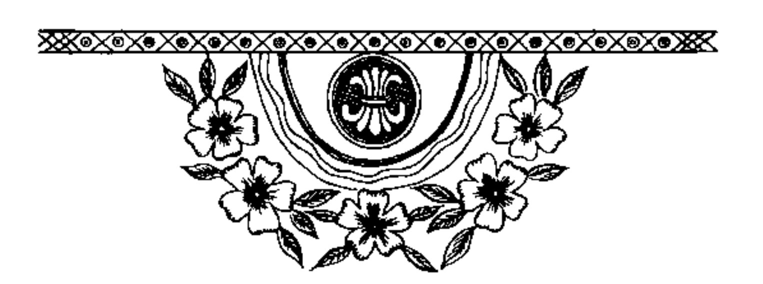
С неба своих вершин
Одни лишь речные ивы
Еще проливают дождь.

Пригорок у самой дороги.
На смену погасшей радуге —
Азалии в свете заката.

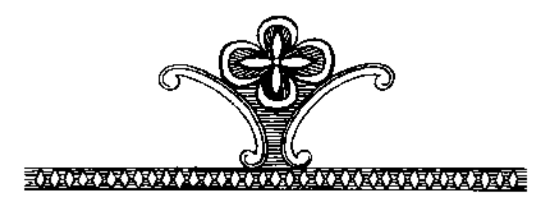

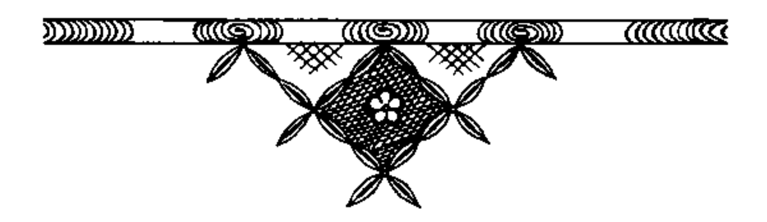
Молния ночью во тьме.
Озера гладь водяная
Искрами вспыхнула вдруг.

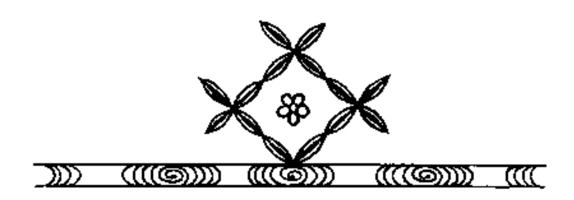
По озеру волны бегут.
Одни о жаре сожалеют
Закатные облака.

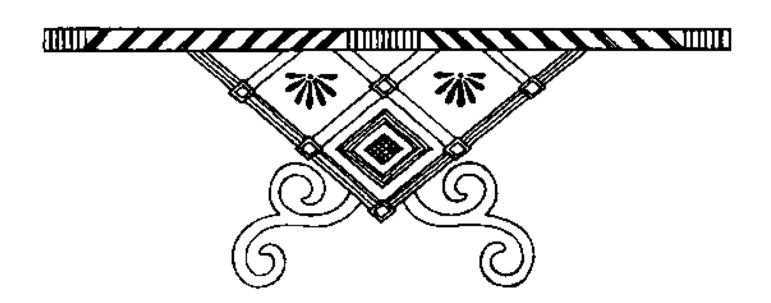

Прощаясь с друзьями

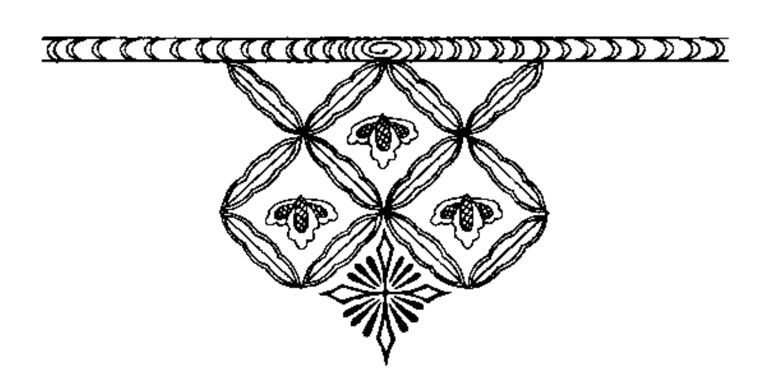
Уходит земля из-под ног.
За легкий колос хватаюсь...
Разлуки миг наступил.

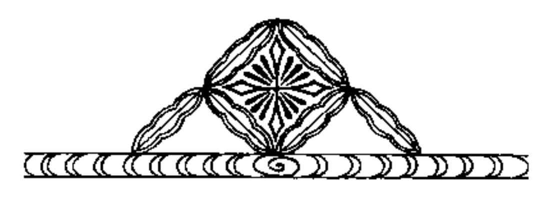

Весь мой век в пути!
Словно вскапываю маленькое поле,
Взад-вперед брожу.

Прозрачный Водопад...
Упала в светлую волну
Сосновая игла.

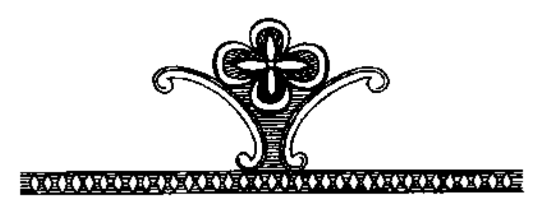

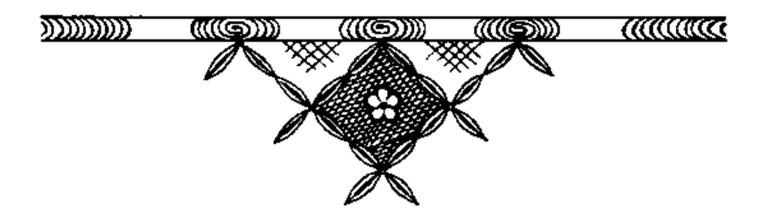
Повисло на солнце
Облако... Вкось по нему —
Перелетные птицы.

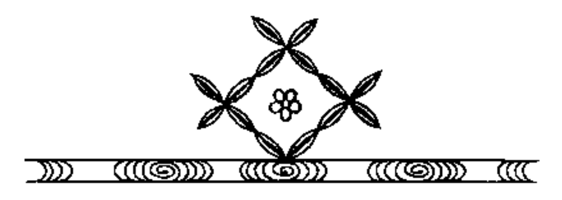

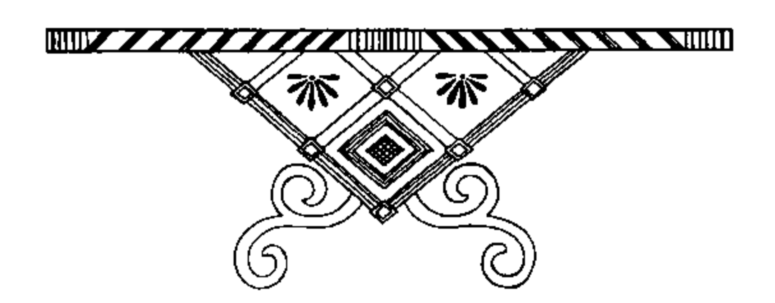
Не поспела гречиха,
Но потчуют полем в цветах
Гостя в горной деревне.

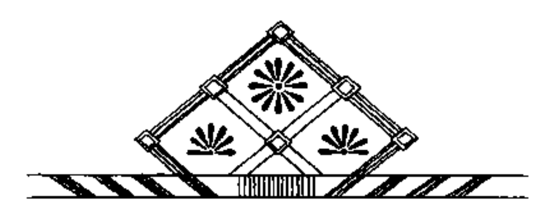

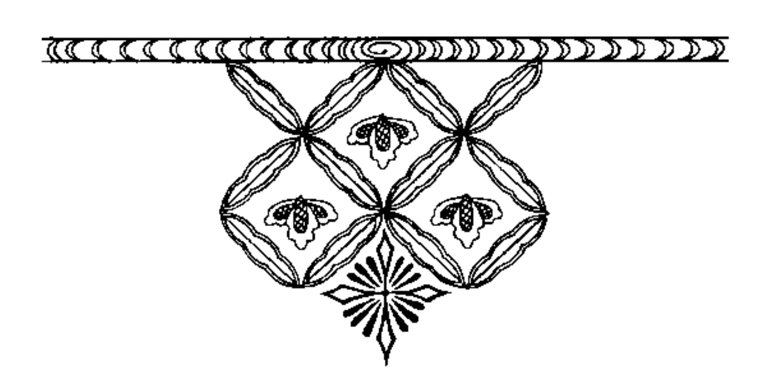
Конец осенним дням.
Уже разводит руки
Каштана скорлупа.

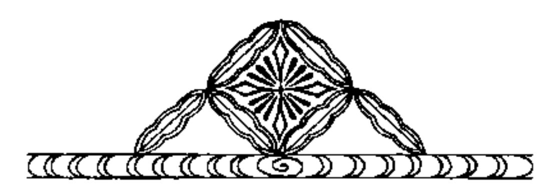

Чем же там люди кормятся?
Домик прижался к земле
Под осенними ивами.

Аромат хризантем...
В капищах древней Нары
Темные статуи будд.

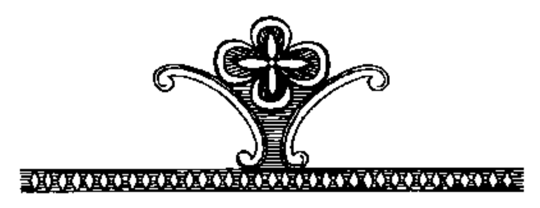

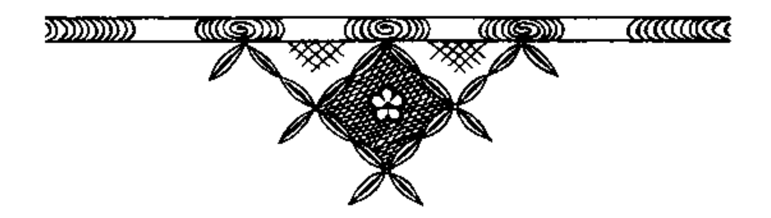
Осеннюю мглу
Разбила и гонит прочь
Беседа друзей.

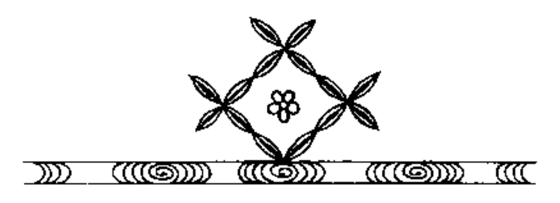

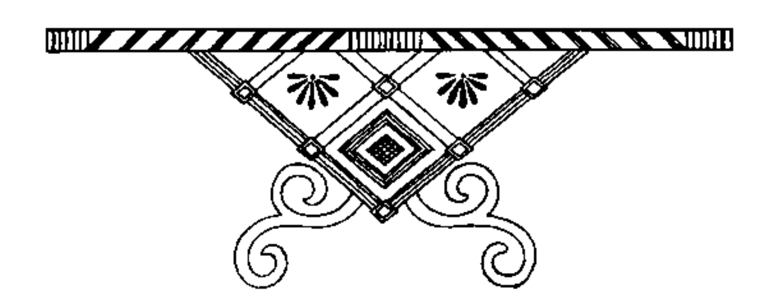

О этот долгий путь!
Сгущается сумрак осенний,
И — ни души кругом.

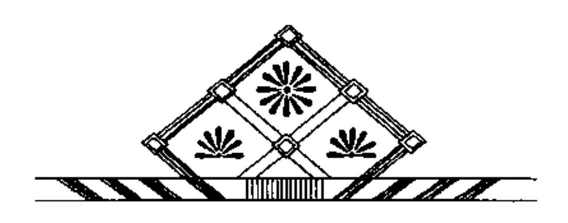

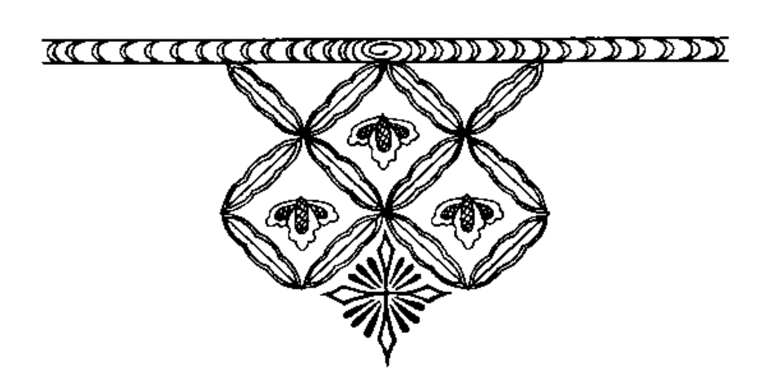
Отчего я так сильно
Этой осенью старость почуял?
Облака и птицы.

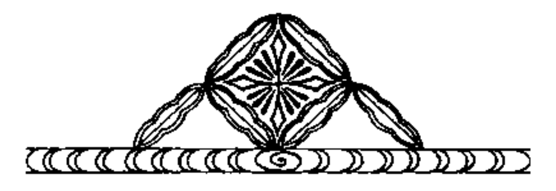
Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
«А как живет мой сосед?»

Предсмертная песня

В пути я занемог.
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКОВ

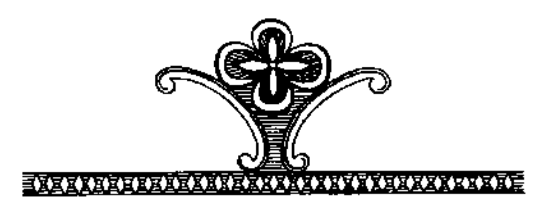
Отправляясь в путь

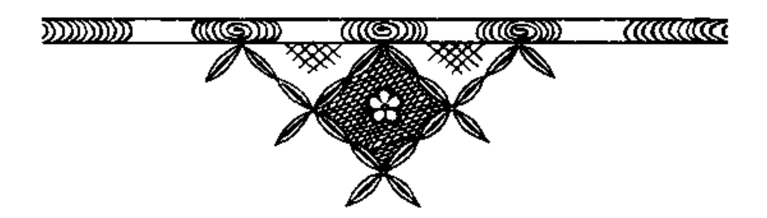
Может быть, кости мои
Выбелит ветер... Он в сердце
Холодом мне дохнул.

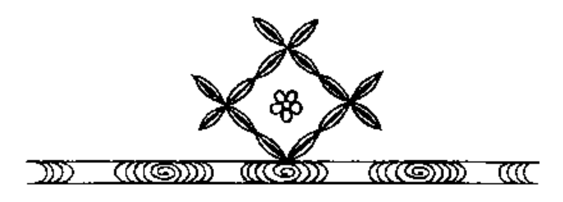

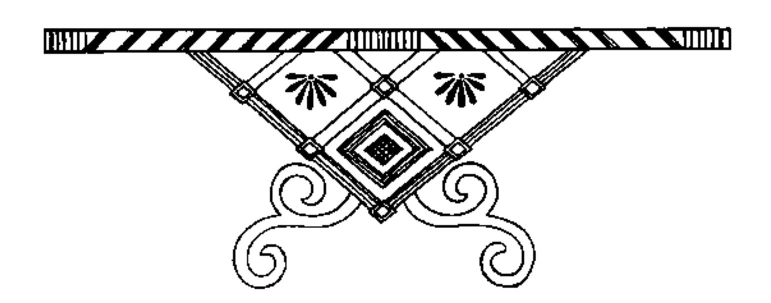
Грустите вы, слушая крик обезьян!
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

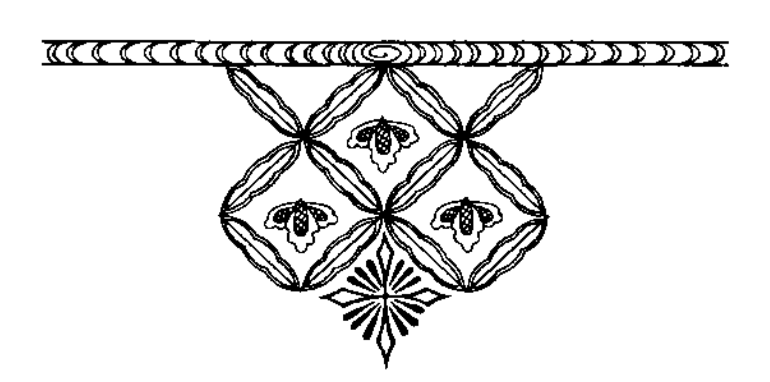
Безлунная ночь. Темнота.
С криптомерией тысячелетней
Схватился в обнимку вихрь.

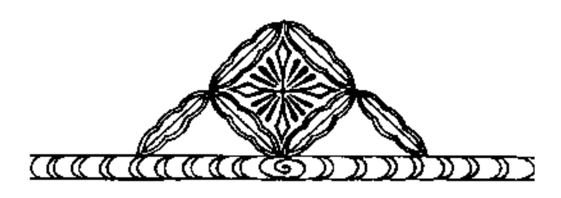
Листья плюща трепещут.
В маленькой роще бамбука
Ропщет первая буря.

Прядка волос покойной матери

Если в руки ее возьму,
Растает — так слезы мои горячи! —
Осенний иней волос.

В саду старого монастыря

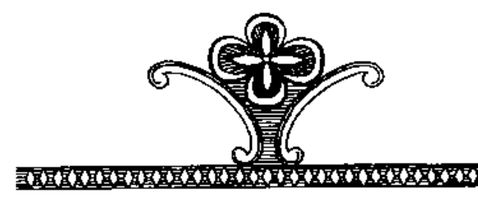
Ты стоишь нерушимо, сосна!
А сколько монахов отжило здесь,
Сколько вьюнков отцвело...

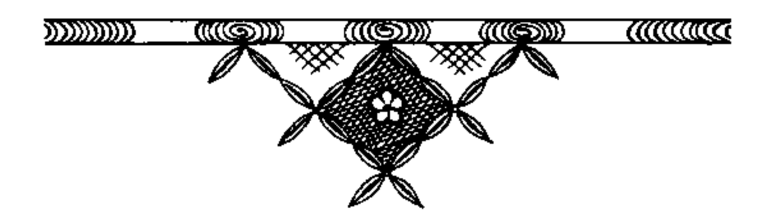

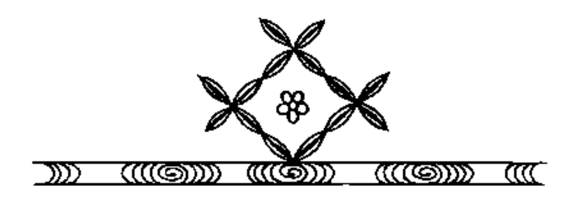
Источник, воспетый Сайгё

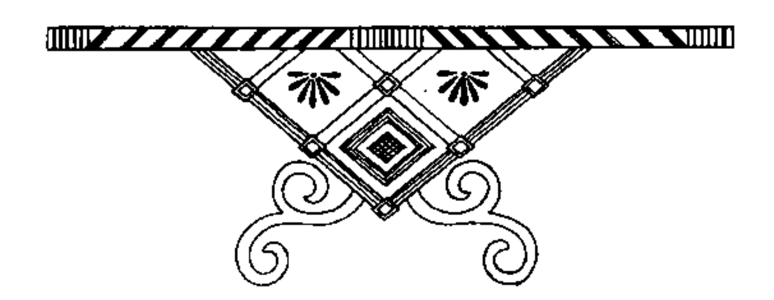
Роняет росинки — ток-ток —
Источник, как в прежние годы...
Смыть бы мирскую грязь!

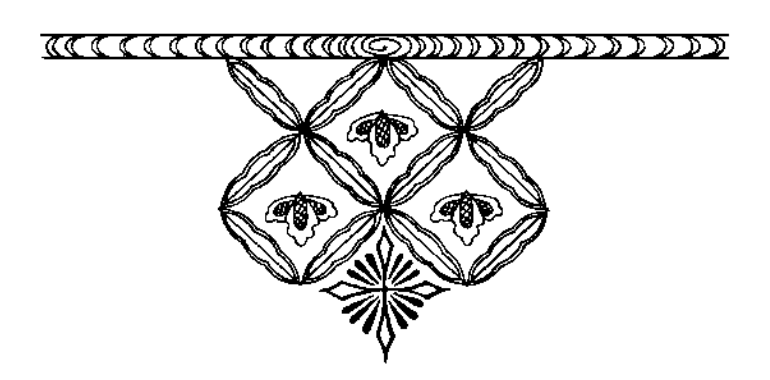
Сумрак над морем.
Лишь крики диких уток вдали
Смутно белеют.

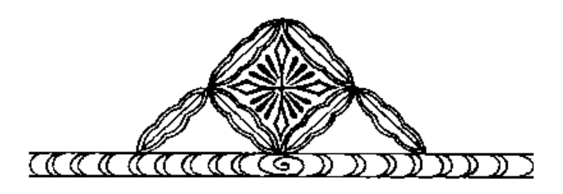

Весеннее утро.
Над каждым холмом безымянным
Прозрачная дымка.

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.

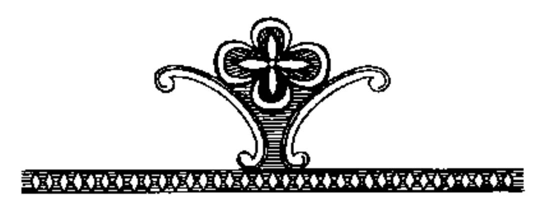
Покидая гостеприимный дом

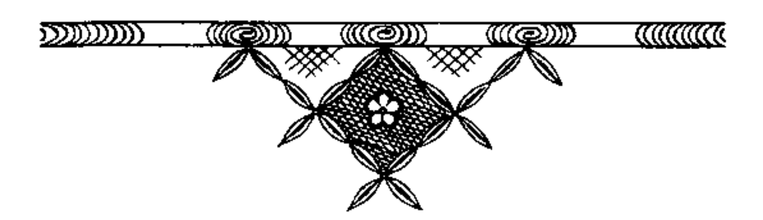
Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

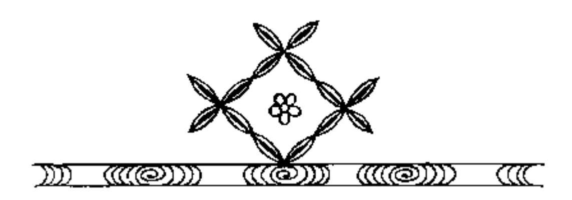
Молодой конек
Щиплет весело колосья.
Отдых на пути.

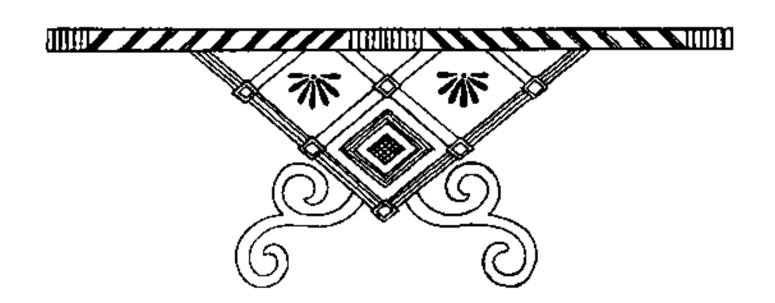

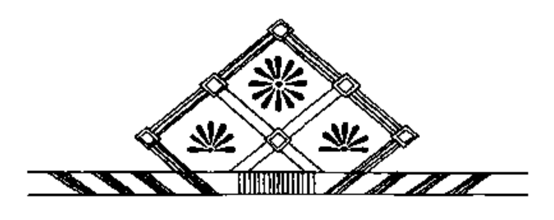
На горном перевале

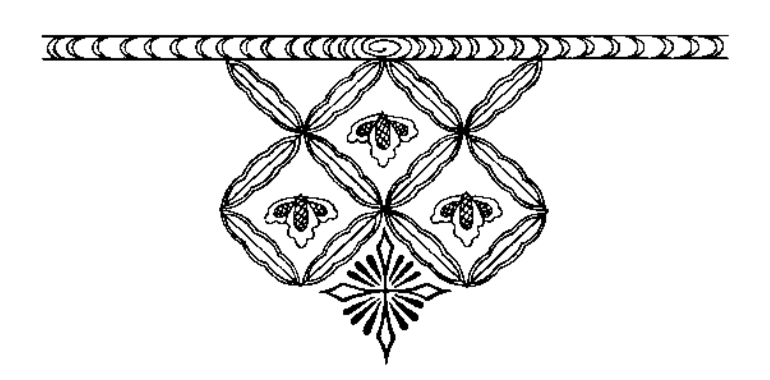
До столицы — там, вдали,—
Остается половина неба...
Снеговые облака.

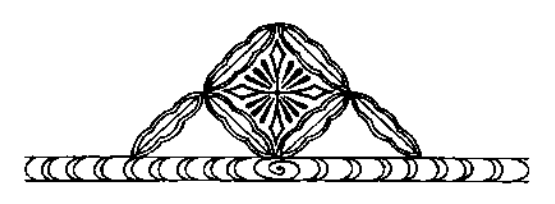

Солнце зимнего дня,
Тень моя леденеет
У коня на спине.

Ей только девять дней.
Но знают и поля и горы:
Весна опять пришла.

Там,
где когда-то
высилась
статуя
Будды

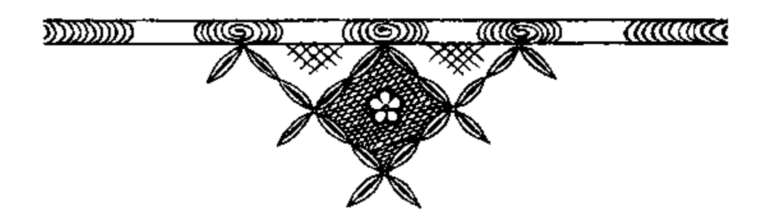
Паутинки в вышине.
Снова образ Будды вижу
На подножии пустом.

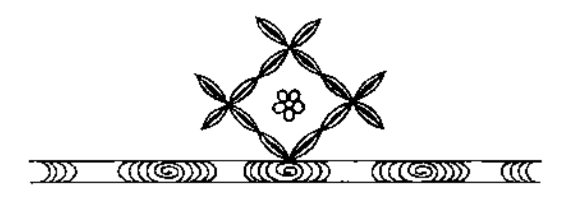

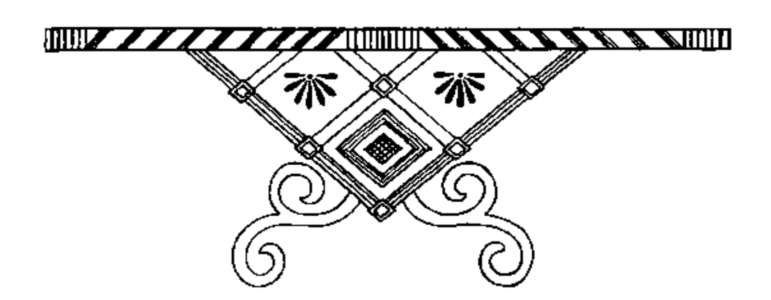
В путь! Покажу я тебе,
Как в далеком Ёсинó вишни цветут,
Старая шляпа моя.

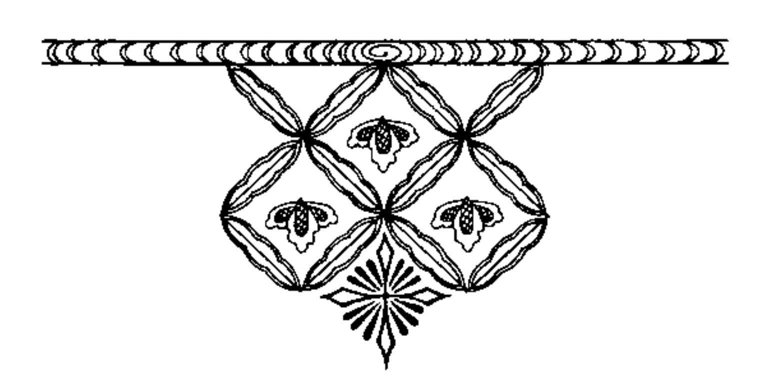
Едва-едва я добрел,
Измученный, до ночлега...
И вдруг — глициний цветы!

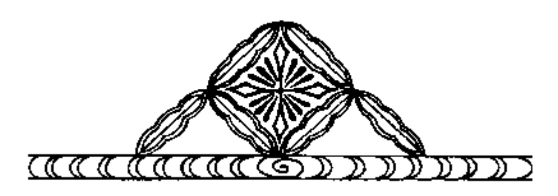
Парящих жаворонков выше
Я в небе отдохнуть присел —
На самом гребне перевала.

Водопад Ворота Дракона

Вишни у водопада...
Тому, кто доброе любит вино,
Снесу я в подарок ветку.

Ручей возле хижины, где обитал Сайгё

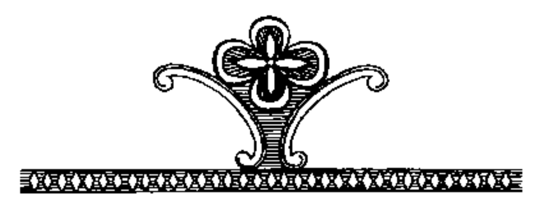
Словно вешний дождь
Бежит под навесом ветвей...
Тихо шепчет родник.

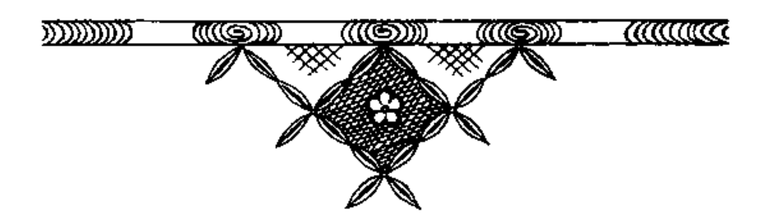

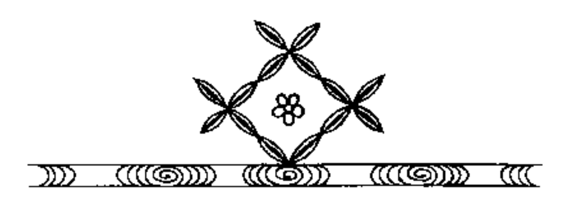
Ушедшую весну
В далекой гавани Baка́
Я наконец догнал.

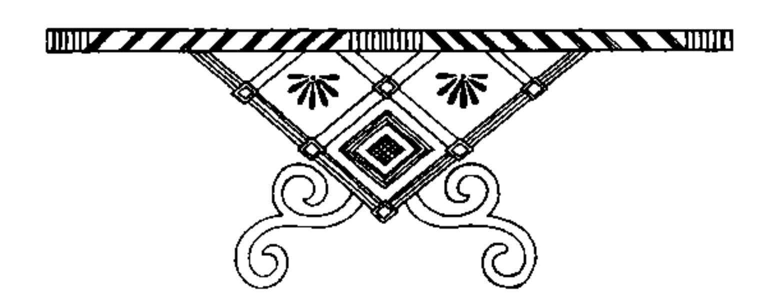

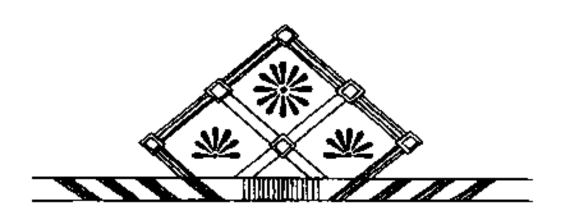
Посещаю город Нáра

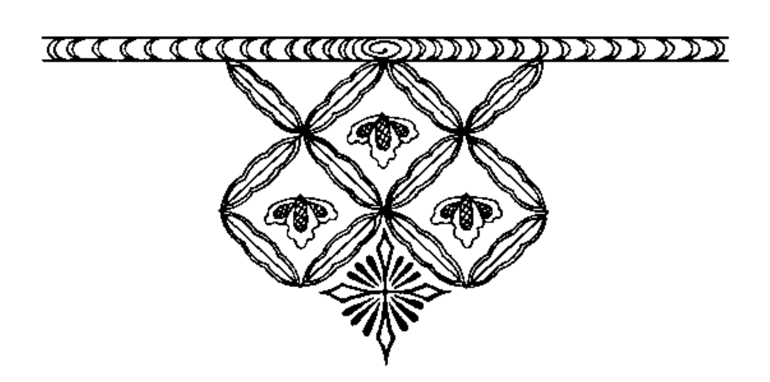
В день рождения Будды
Он родился на свет,
Маленький олененок.

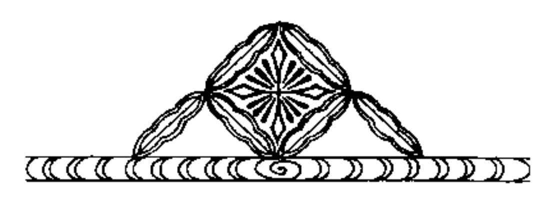

Увидел я раньше всего
В лучах рассвета лицо рыбака,
А после — цветущий мак.

Там, куда улетает
Крик предрассветный кукушки,
Что там?— Далекий остров.

Флейта
Санэмори

Храм Сумадэ́ра.
Слышу, флейта играет сама собой
В темной гуще деревьев.

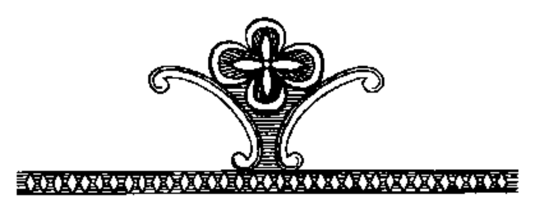

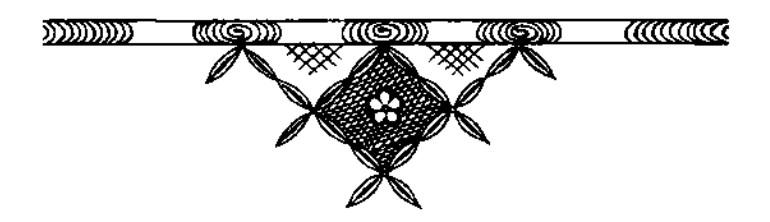

КЁРАЙ

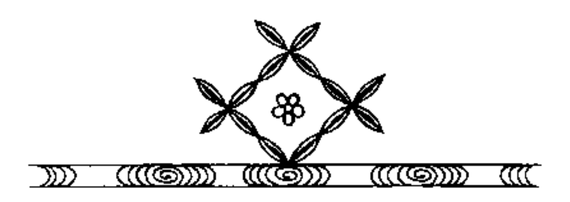
Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

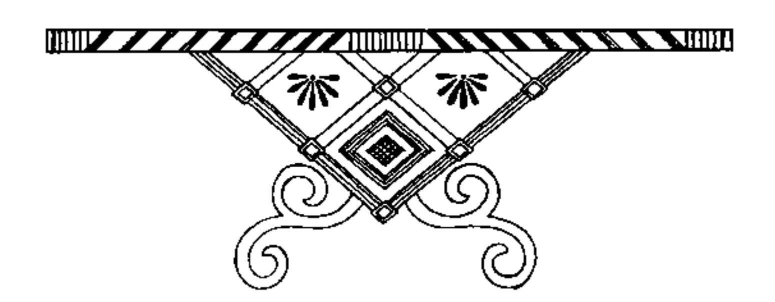

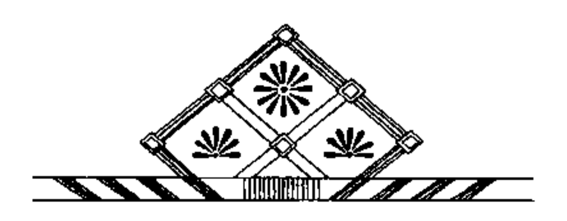
На смерть младшей сестры

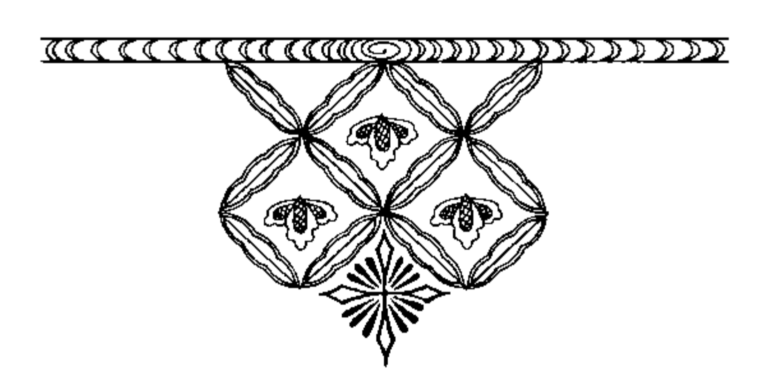
Увы, в руке моей,
Слабея неприметно,
Погас мой светлячок.

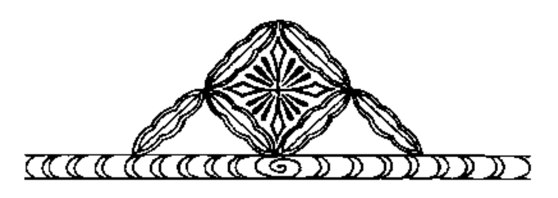

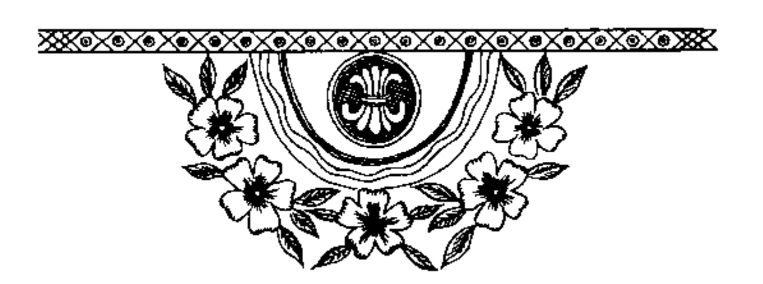
Какая прохлада!
Сквозь набежавший ливень —
Закатное солнце.

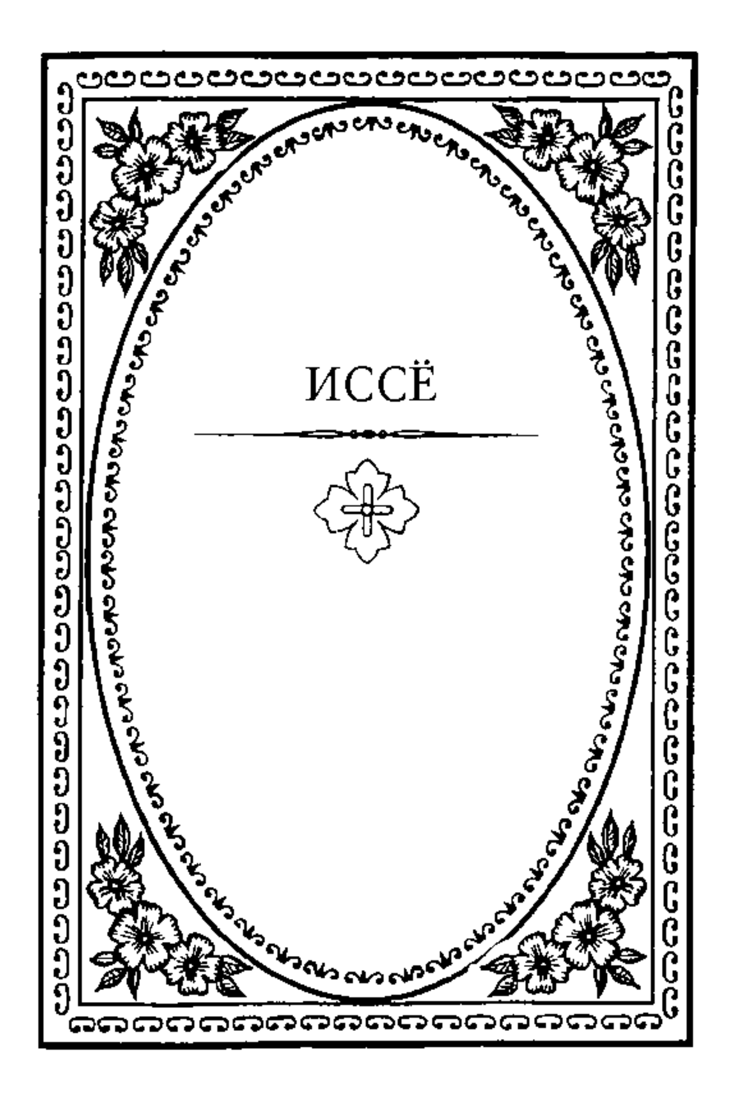
Пахарь мотыгою бьет...
А кажется, он неподвижен
В дымке весенних полей.

Летний день померк.
Лысые вершины вереницей —
Кучевые облака.

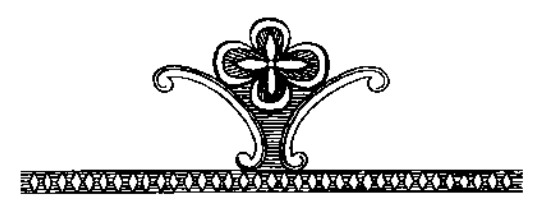

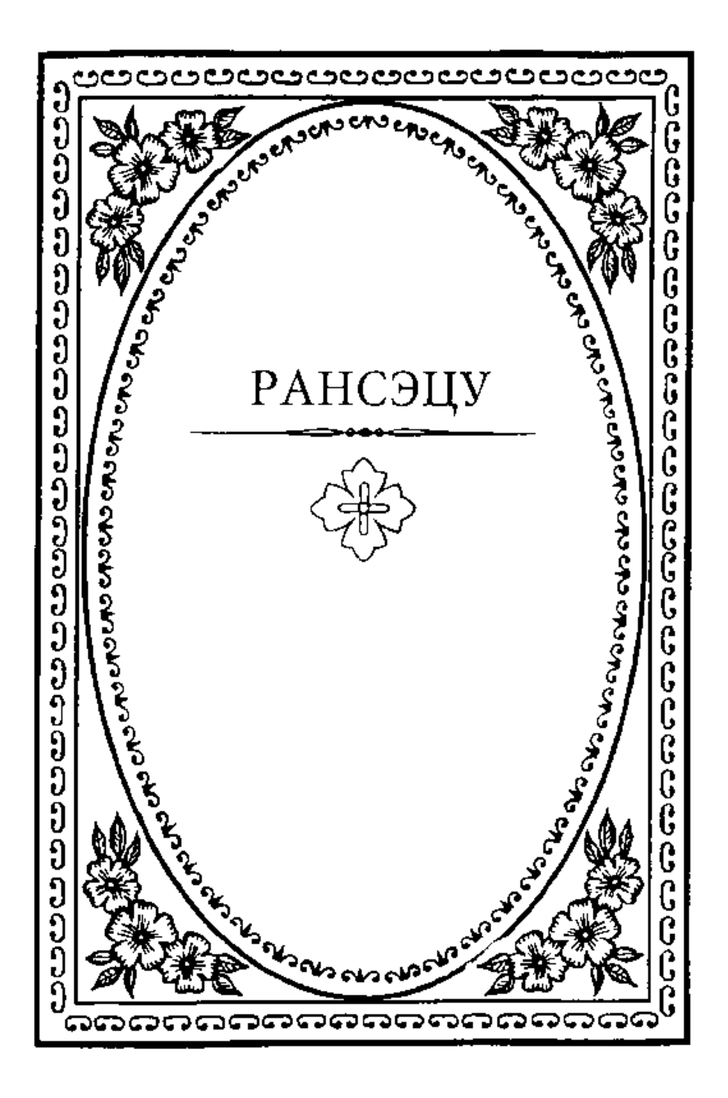

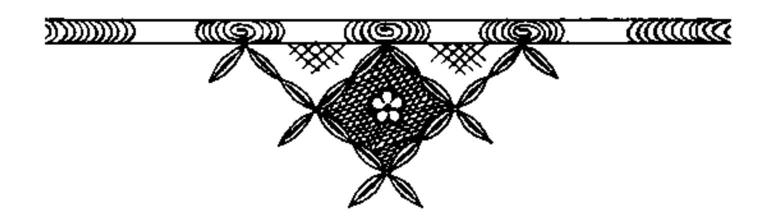
ИССЁ

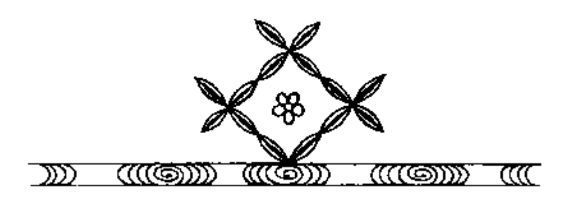
Видели всё на свете
Мои глаза — и вернулись
К вам, белые хризантемы.

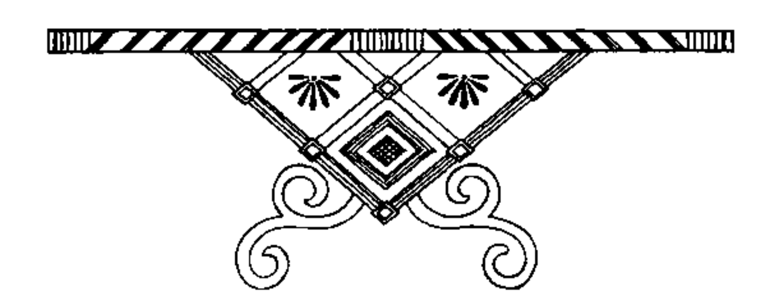

РАНСЭЦУ

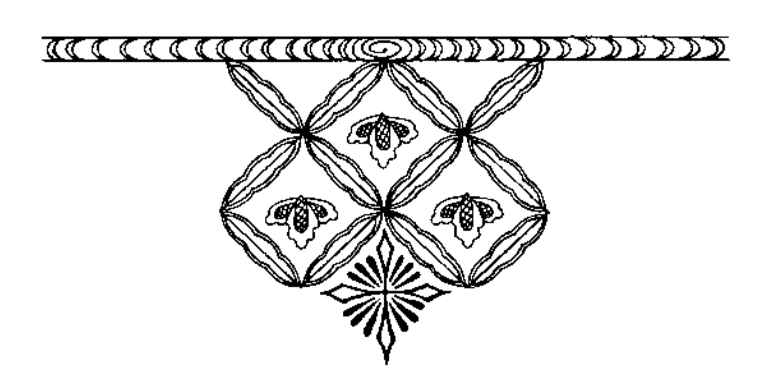
Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

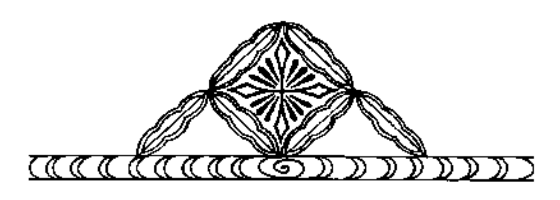

Тянется к северу
Вереница гусей вперемежку
С вереницей паломников.

Уволили старых слуг.
Как сильно разлука с ними
Печалит сердца детей!

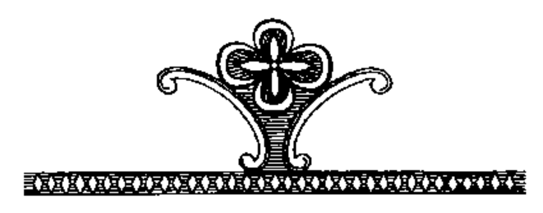
Первый день в году.
Воробьи ведут на солнце
Длинный разговор.

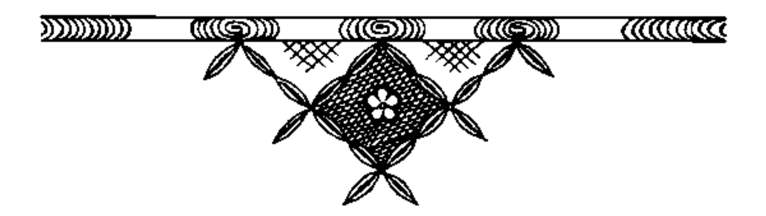

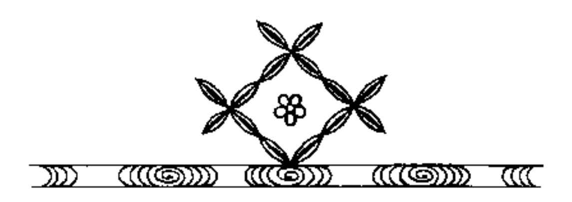

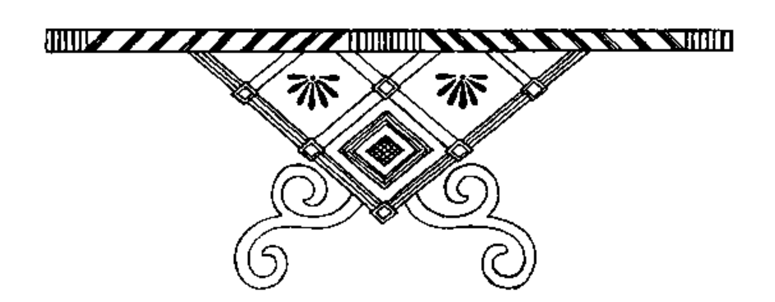
Цветок... И еще цветок...
Так распускается слива,
Так прибывает тепло.

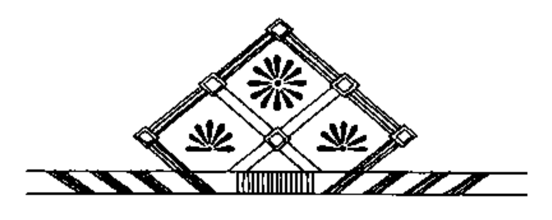

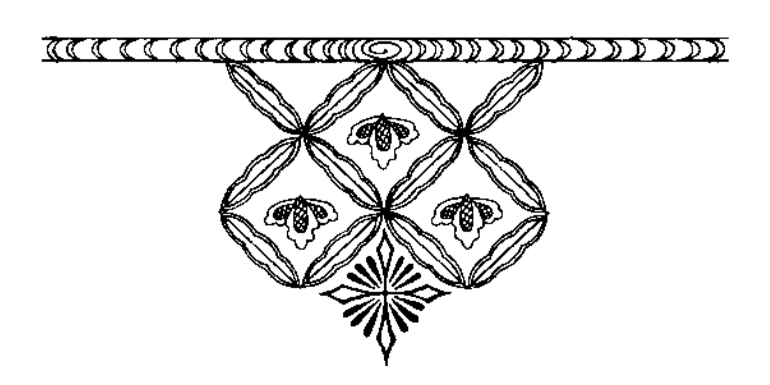
Свет этой яркой луны
Оголил, как темя монаха,
Море, холмы и поля.

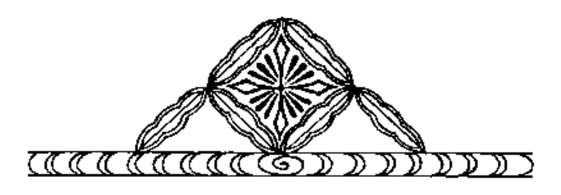

Я в полночь посмотрел:
Переменила русло
Небесная река.

Набежавшая волна
Моет уходящую...
Как прохладно на реке!

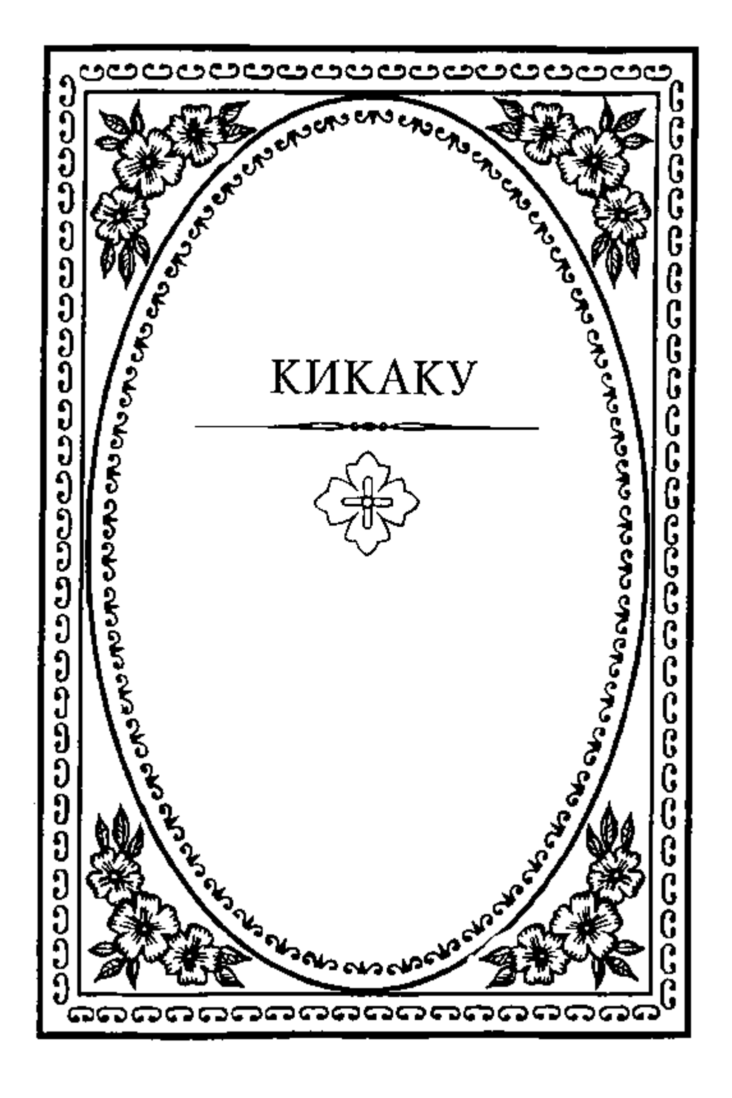

Предсмертная песня

Вот листок упал,
Вот другой летит листок
В вихре ледяном.

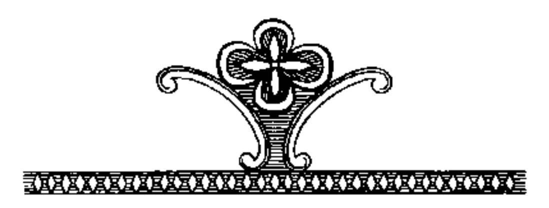

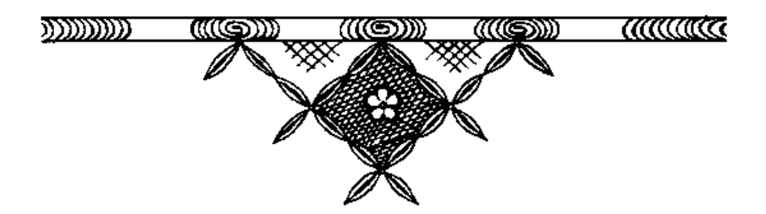

КИКАКУ

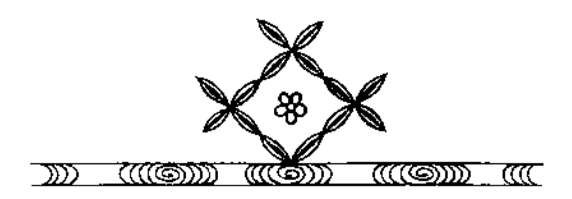

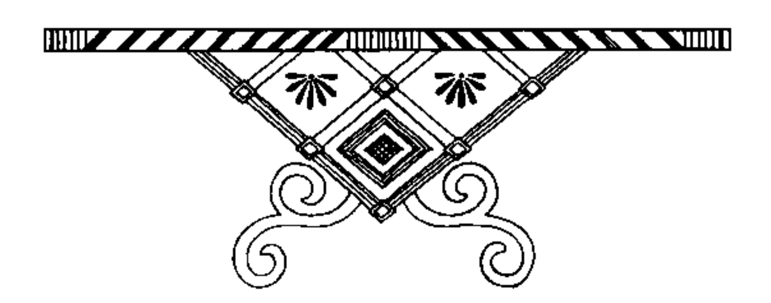
Яркий лунный свет!
На циновку тень свою
Бросила сосна.

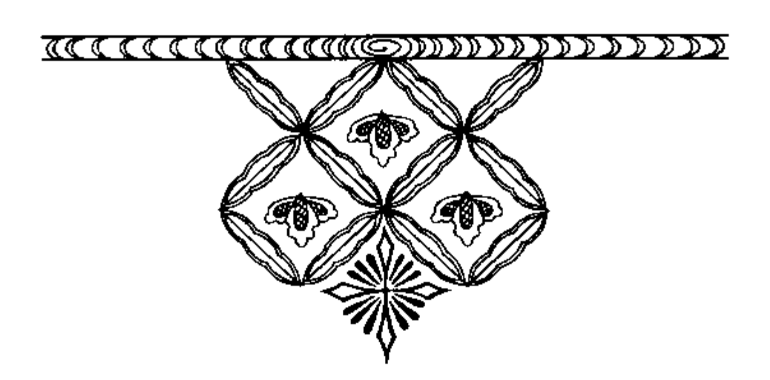
Мошек легкий рой
Вверх летит — плавучий мост
Для моей мечты.

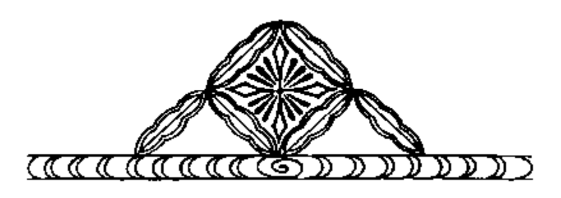

Нищий на пути!
Летом вся его одежда —
Небо и земля.

Ко мне на заре в сновиденье
Пришла моя мать... Не гони ее
Криком своим, кукушка!

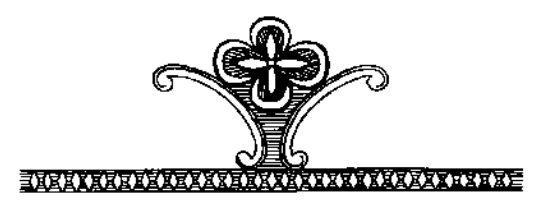

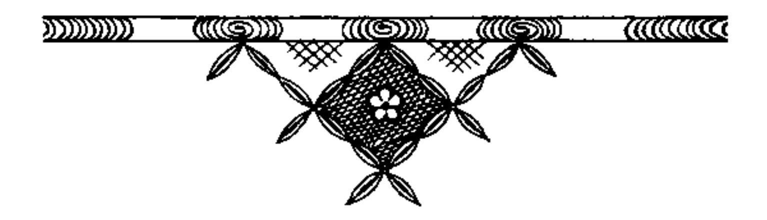
Вот глупый соловей!
Он принял за тенистый лес
Бамбуковый плетень.

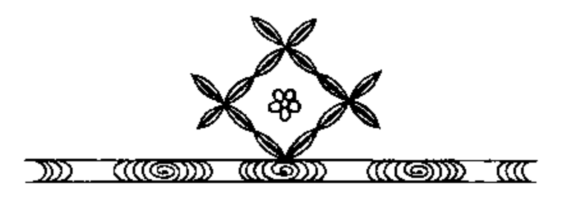

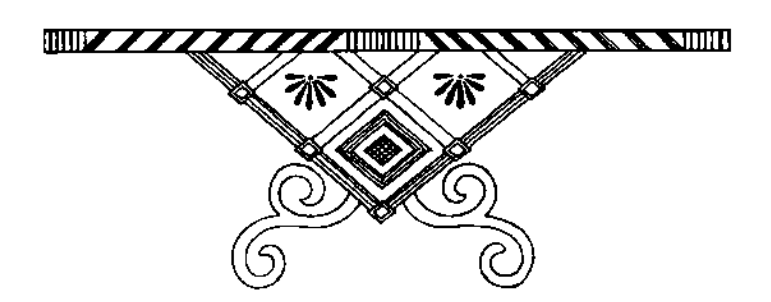
Ливень хлынул потоками.
Кого не обрадует свежесть цветов,
Тот — в мешке сухая горошина.

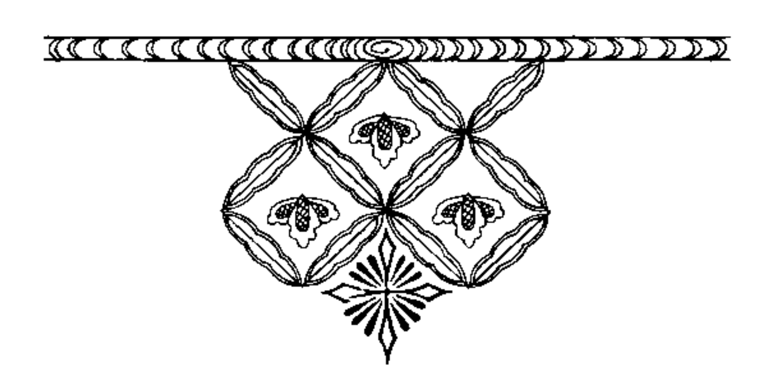
Первую песню весны
Поет соловей, повиснув
На ветке вниз головой.

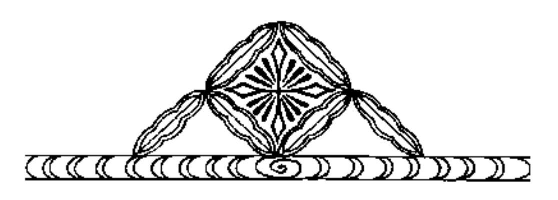

Быстрая молния!
Сегодня сверкнет на востоке,
Завтра — на западе...

Качается, качается
На листе банана
Лягушонок маленький.

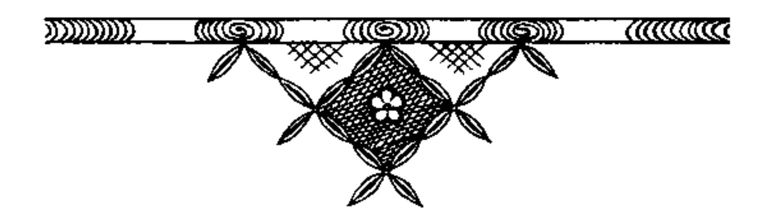
Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске...
Ущербный месяц.

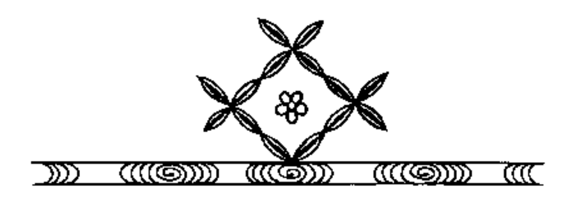

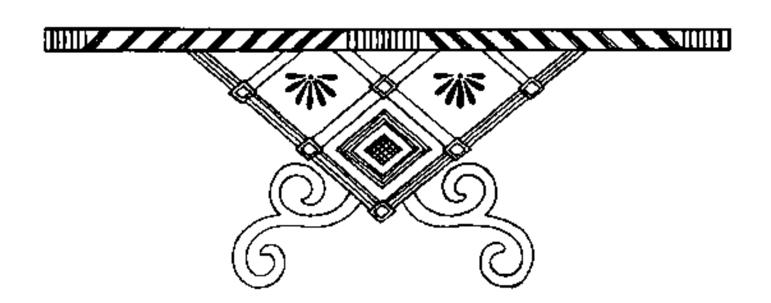

**Камнем бросьте в меня!
Ветку цветущей вишни
Я сейчас обломил.**

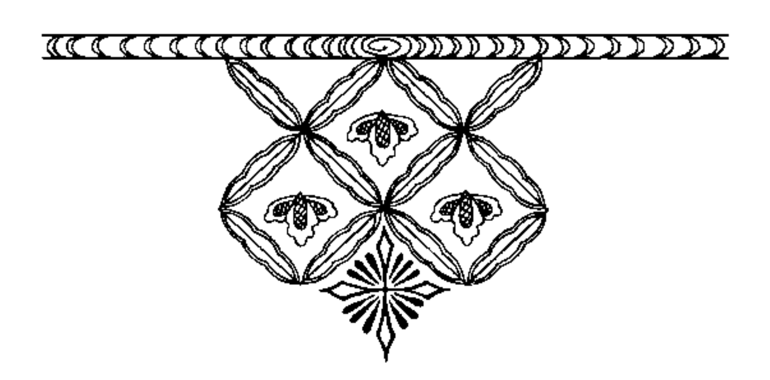
Туманится диск луны...
Два круга мерцают в тени ветвей:
Филин в мутных очках.

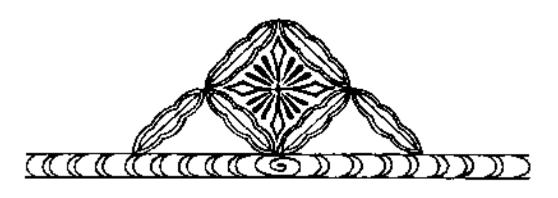

Как рыбки красивы твои!
Но если бы только, старый рыбак,
Ты мог их попробовать сам!

Сливы аромат!
От лачужки нищего
Глаз не отвести.

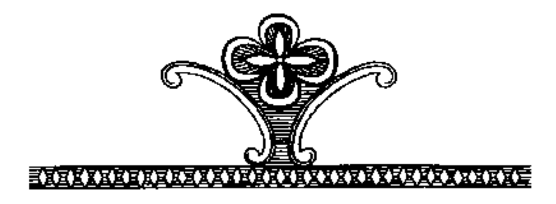

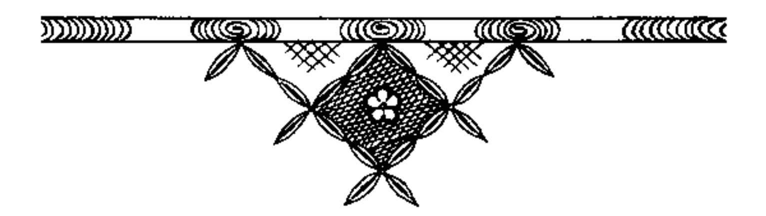
Какая долгая жалоба!
О том, что кошка поймала сверчка,
Подруга его печалится.

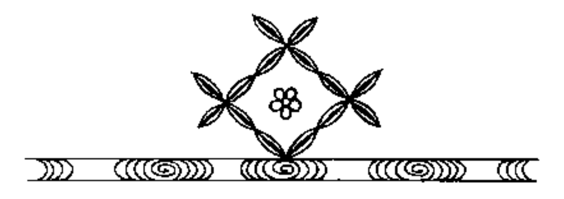

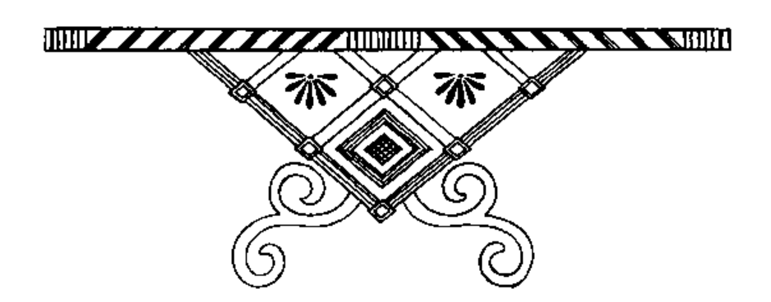
Холодная зима.
В пустынном поле пу́гала —
Насесты для ворон.

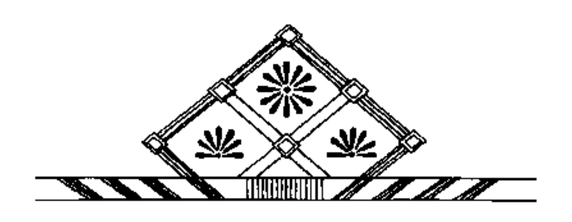

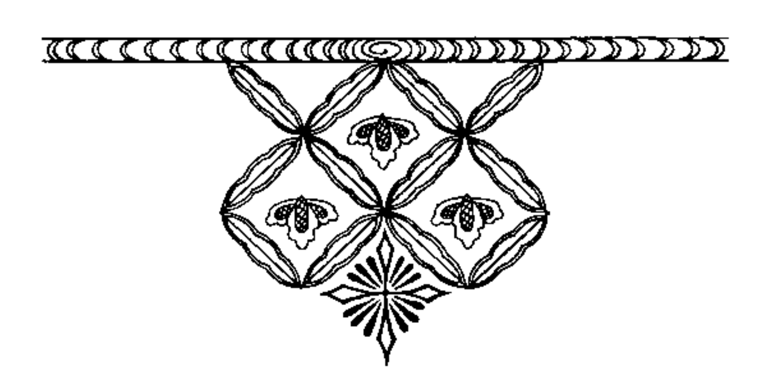
Заплатила дань
Земному и затихла,
Как море в летний день.

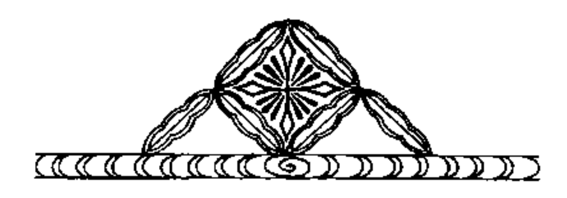
Спрячься, как в гнездышке,
Здесь, у меня под зонтом,
Мокрая ласточка!

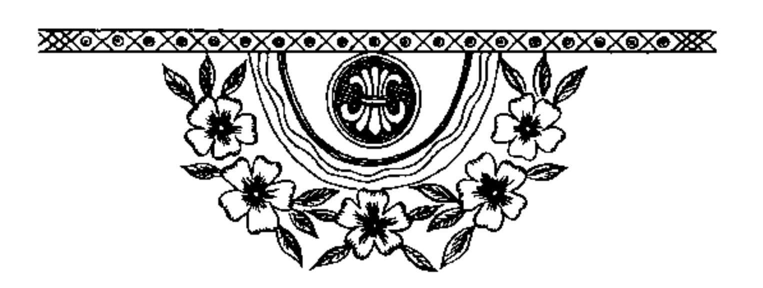

В годовщину смерти Басё

Прошло уж десять лет,
А кажется, вчера его не стало...
Плакучей ивы тень!

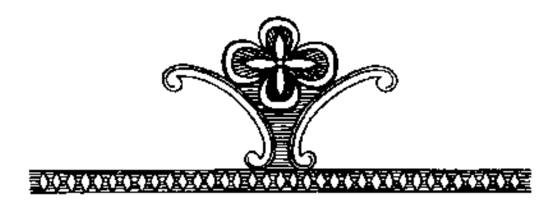

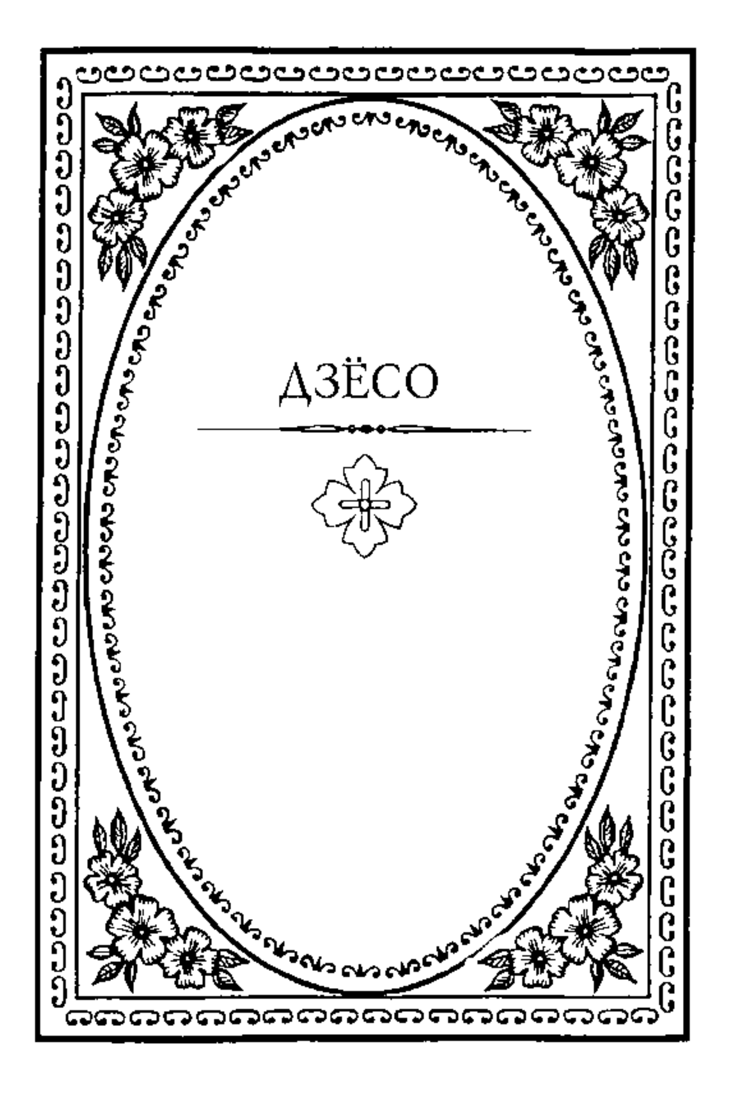
Утренняя звезда!
Нет среди вишен покоя
Облачку на горе.

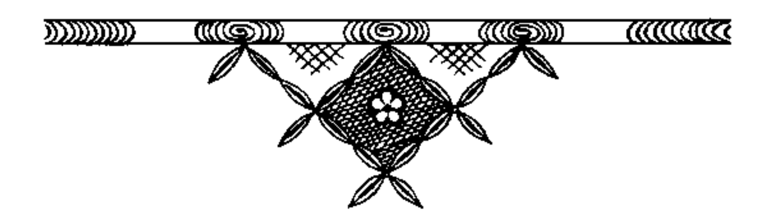

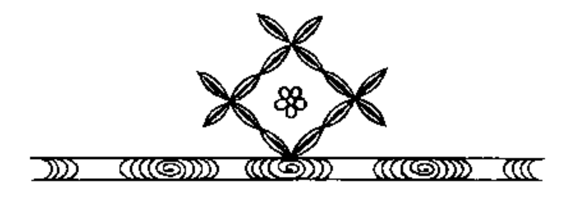
Уплыли далеко ввысь
От криптомерий нагорных
Осенние небеса.

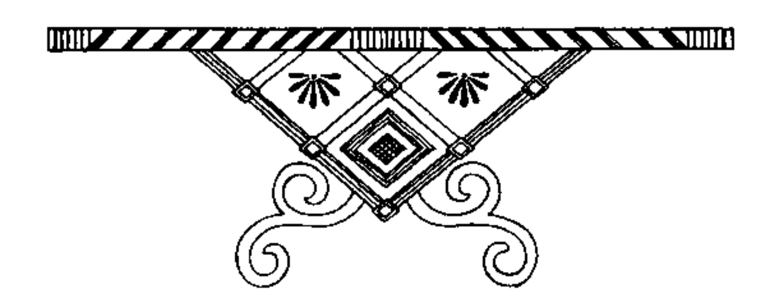

ДЗЁСО

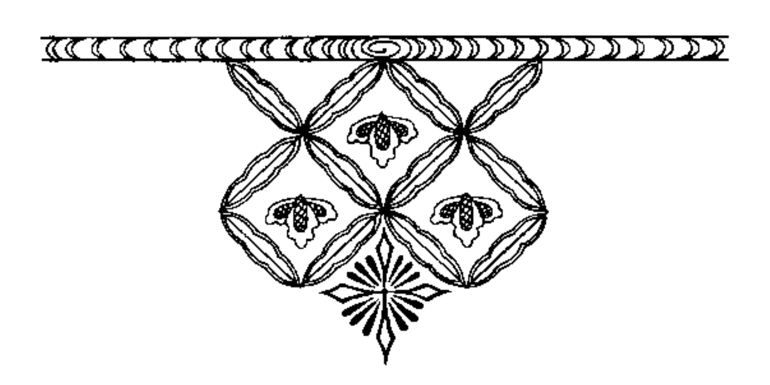
И поля и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто.

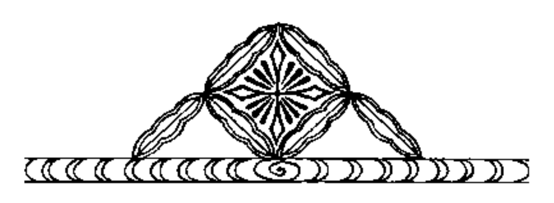

Снега холодней,
Серебрит мои седины
Зимняя луна.

С неба льется лунный свет.
Спряталась в тени кумирни
Ослепленная сова.

ОНИЦУРА

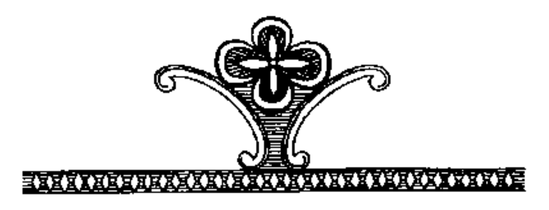

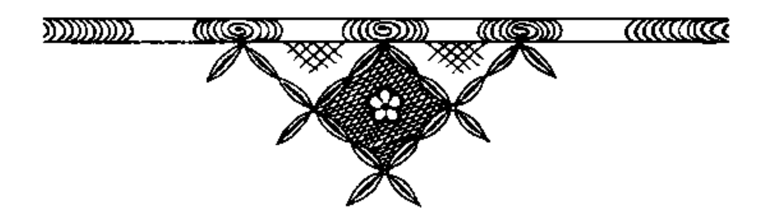
Некуда воду из чана
Выплеснуть мне теперь...
Всюду поют цикады!

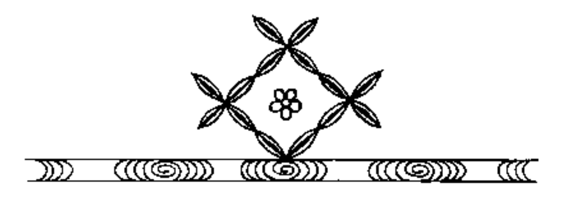

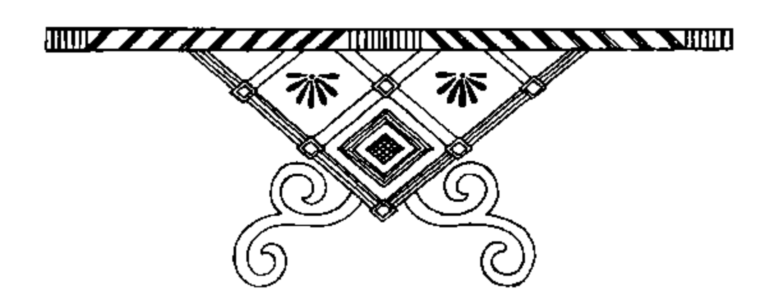

Паутина на ветке!
Вновь пахнуло жарой на меня
В этой летней роще.

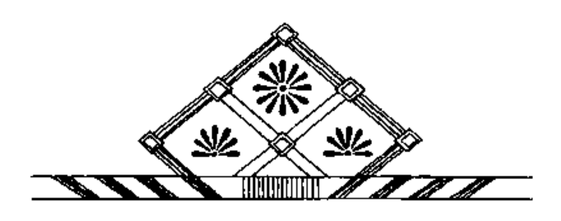

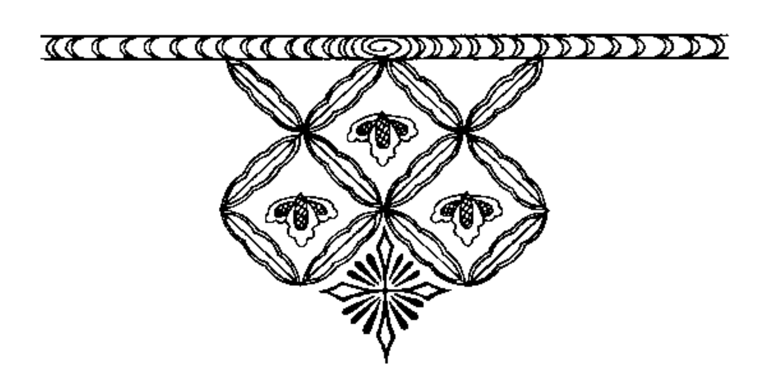
Не из обычных людей
Тот, которого манит
Дерево без цветов.

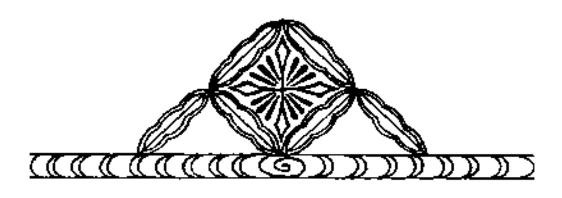

Осень вернулась вновь,
Но дитя не сидит на коленях моих...
Одинокий, гляжу на луну.

Если умолкнешь,
Что ты тогда, соловей?
Зеленая птичка.

ТИЁ

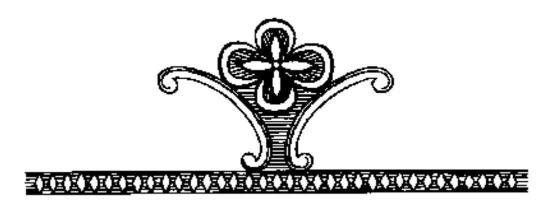

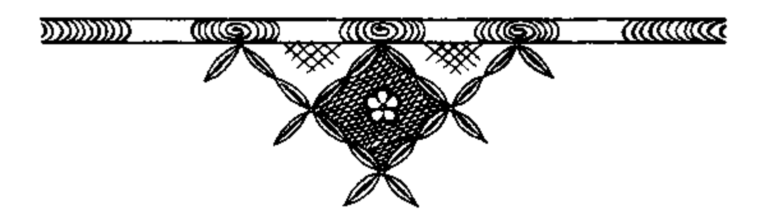
За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца...
У соседа воды возьму!

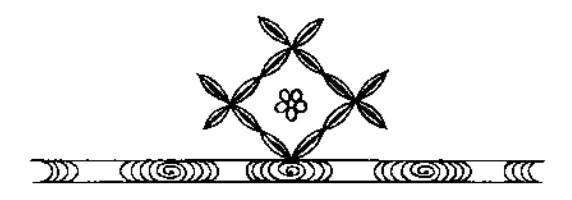

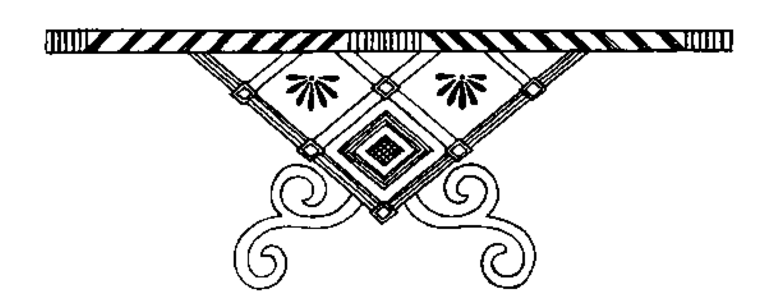
Удочка в руке.
Чуть коснулась лески
Летняя луна.

Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.

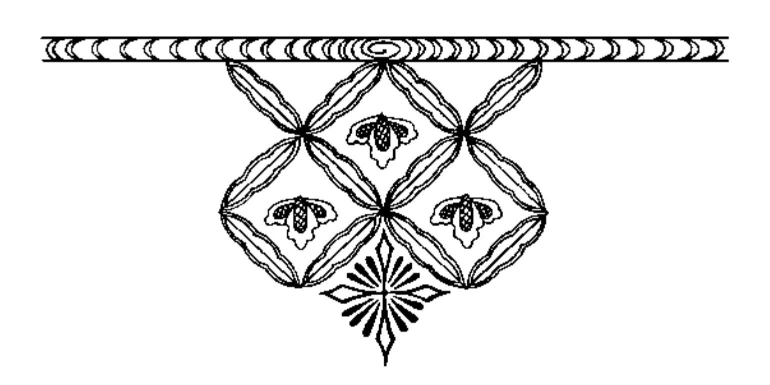

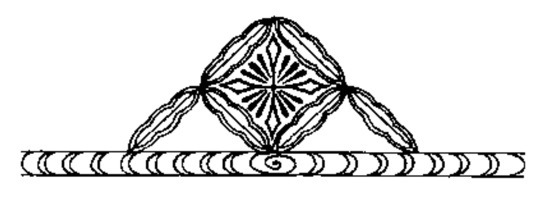
На смерть маленького сына

О мой ловец стрекоз!
Куда в неведомую даль
Ты нынче забежал?

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнездах своих.

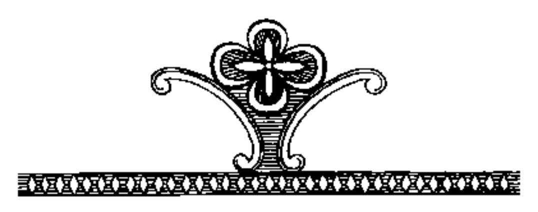
Роса на цветах шафрана!
Прольется на землю она
И станет простой водою...

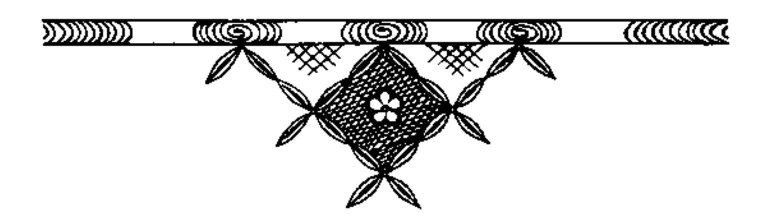

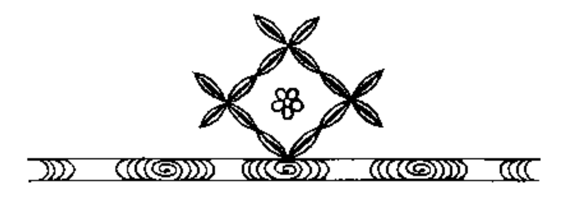

Сочиняя стихи

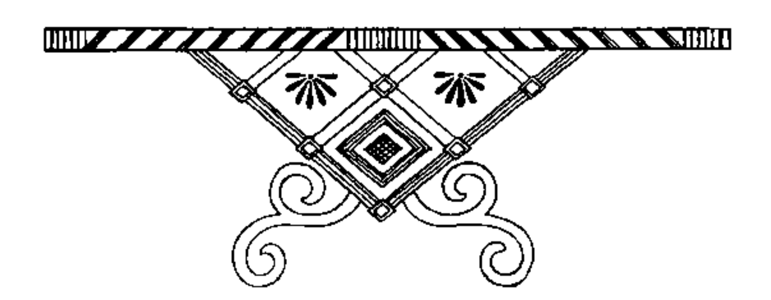
Пока повторяла я:
«О кукушка, кукушка!» —
Рассвет уже наступил.

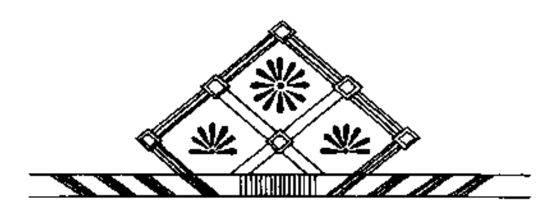

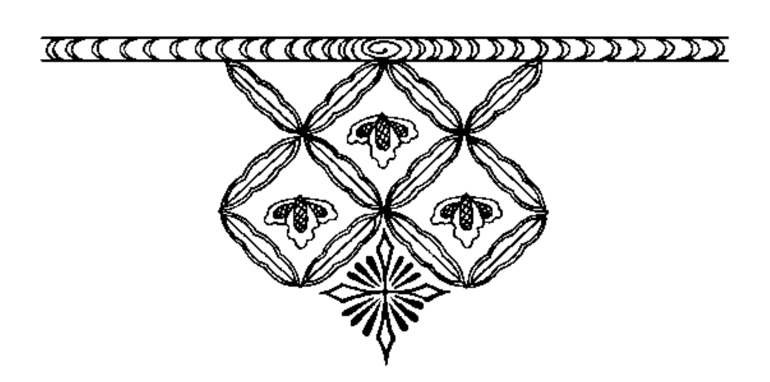
О светлая луна!
Я шла и шла к тебе,
А ты все далеко.

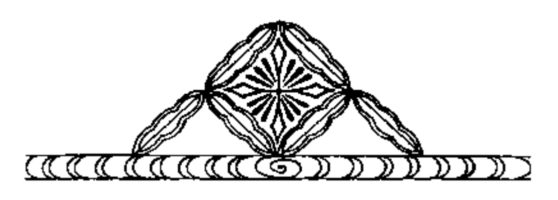

Только их крики слышны...
Белые цапли невидимы
Утром на свежем снегу.

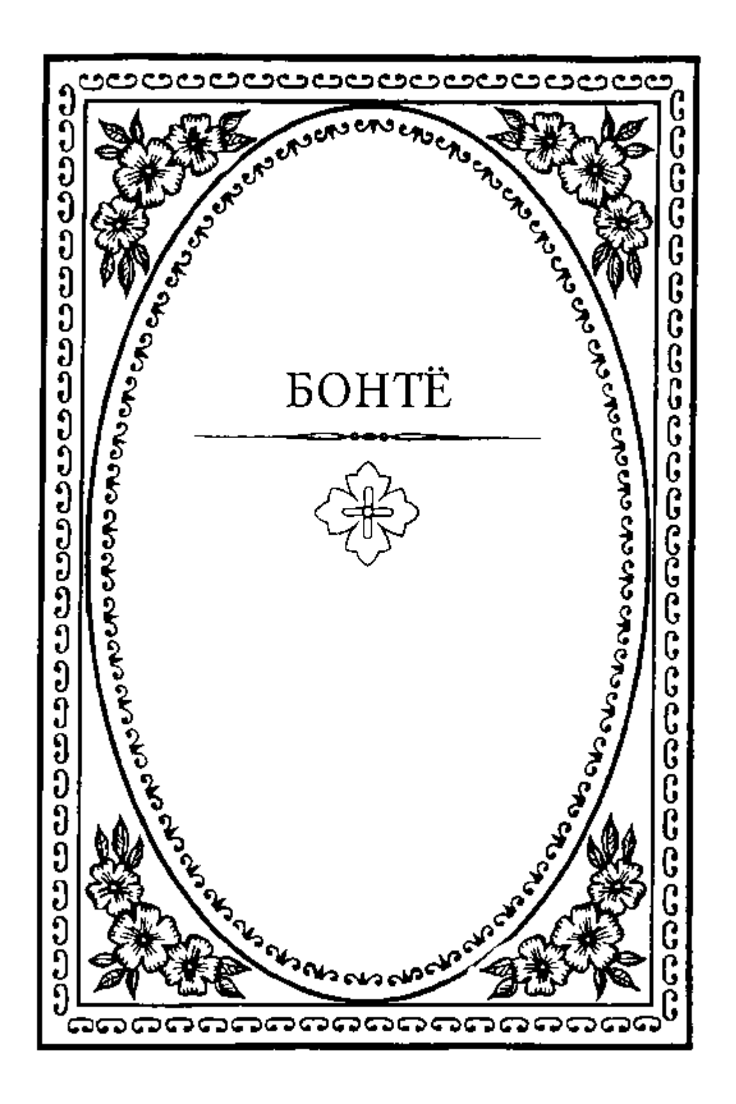
Сливы весенний цвет
Дарит свой аромат человеку...
Тому, кто ветку сломал.

Я и забыла,
Что накрашены губы мои...
Чистый источник!

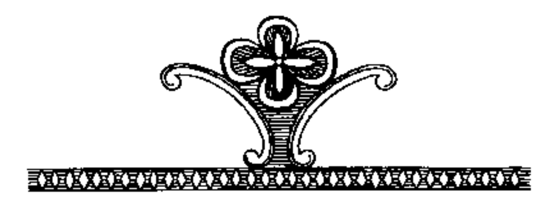

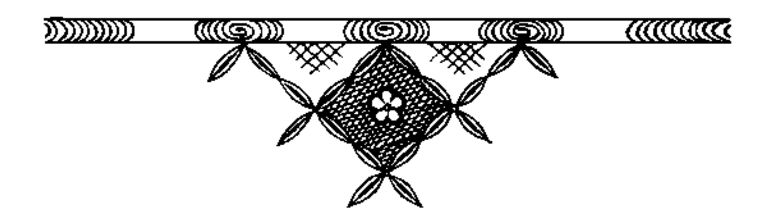

БОНТЁ

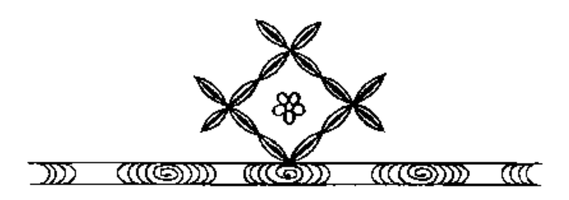

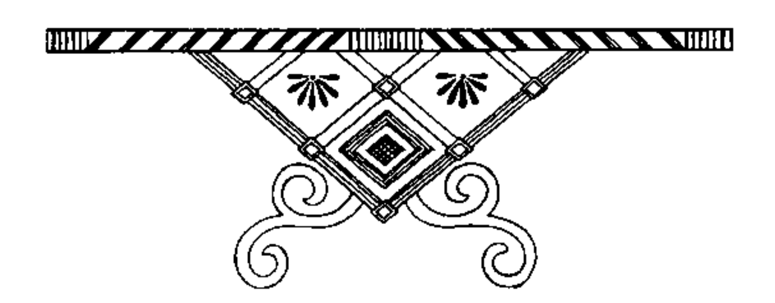

Молодая павлония!
Три листка облетят —
Донага разденется.

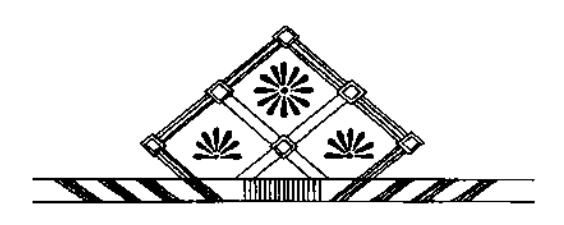

Месяц на небе,
Один ты на свете товарищ
Бушующей буре.

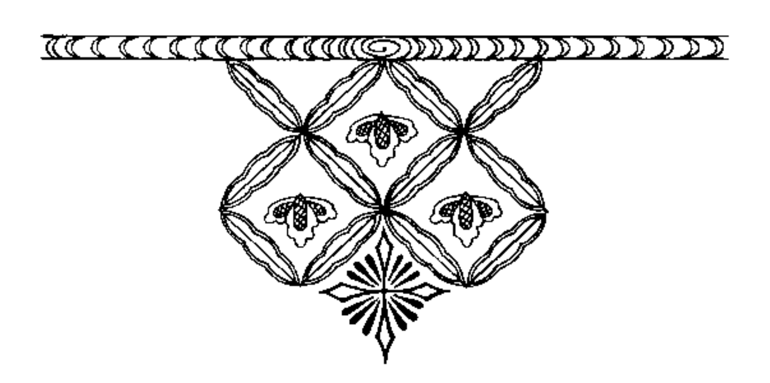

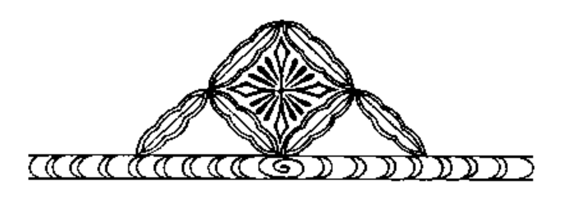
Гуси пролетные!
И вы обратились в сумрак
Весеннего вечера.

КАКЭЙ

Бушует осенний вихрь!
Едва народившийся месяц
Вот-вот он сметет с небес.

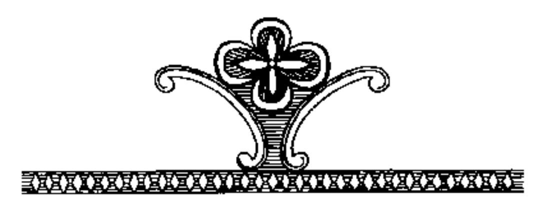
Изваяние Будды

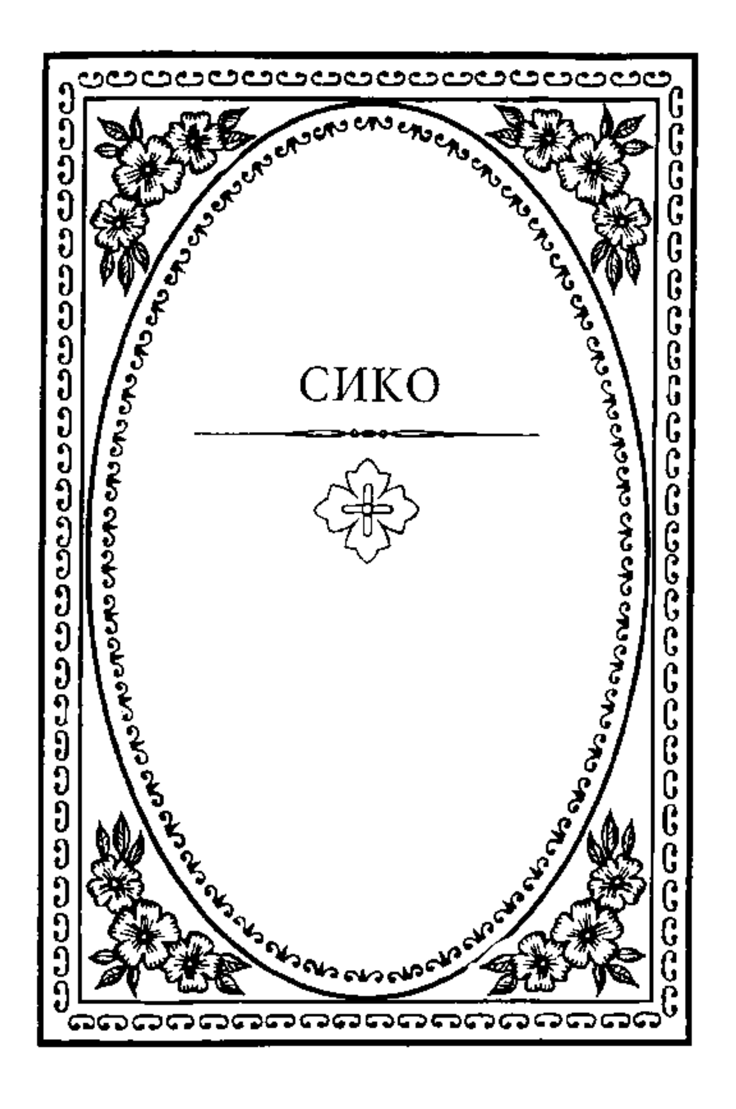
Молнии беглый свет!
Будды лицо озарилось
В темной дали полей.

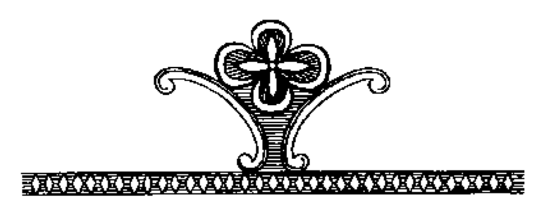
Осеннего вихря порыв.
Как дрожит, как трепещет
Каждый листок на плюще!

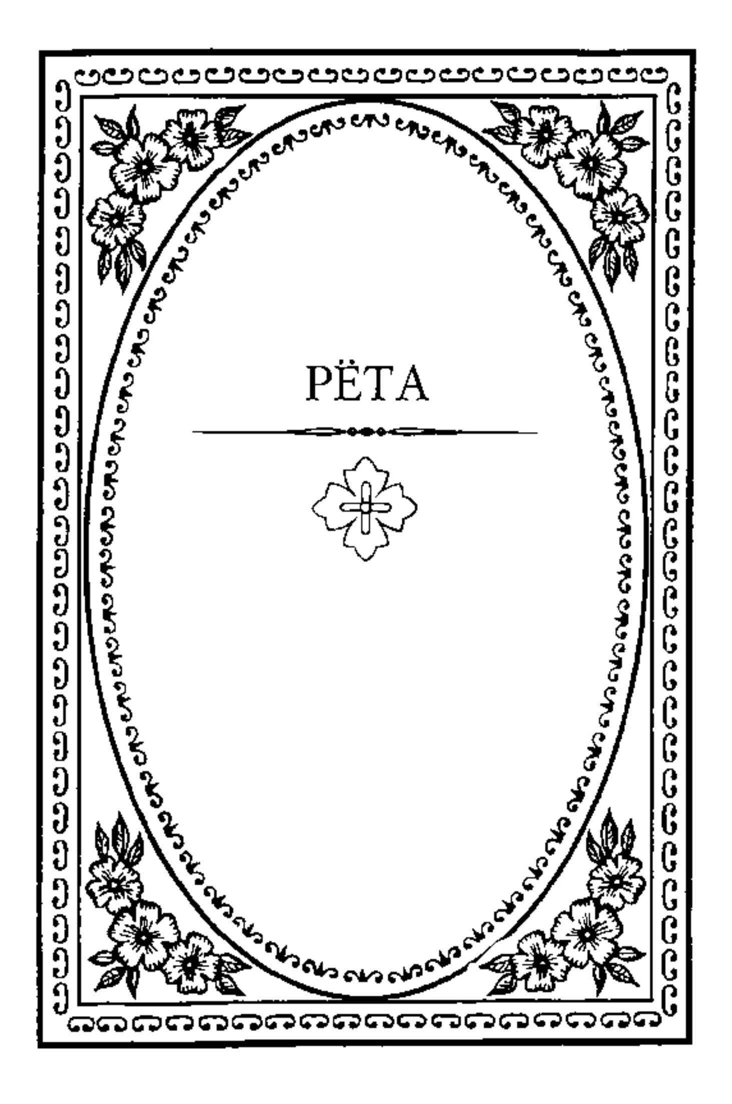

СИКО

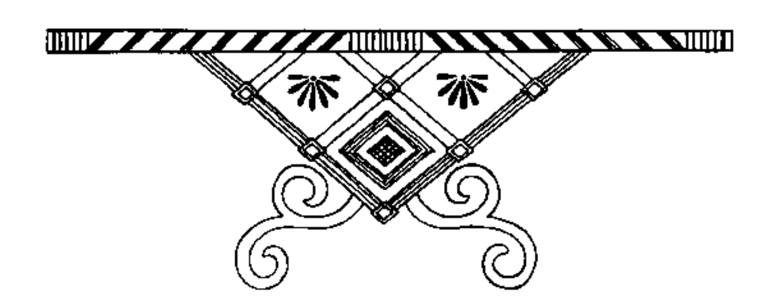

О кленовые листья!
Крылья вы обжигаете
Пролетающим птицам.

РЁТА

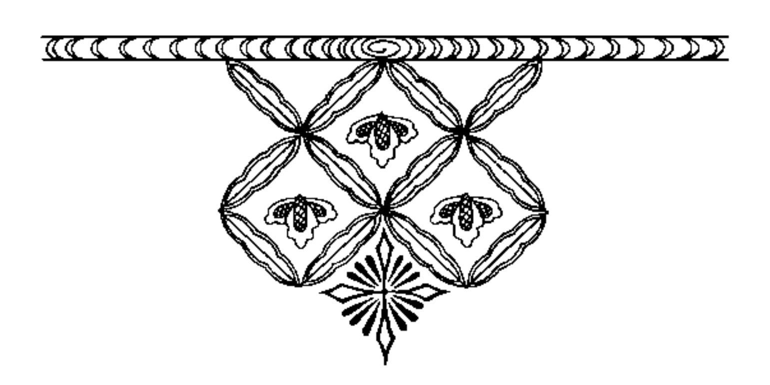

Где же светлячки?
От людской погони
Скрылись на луне.

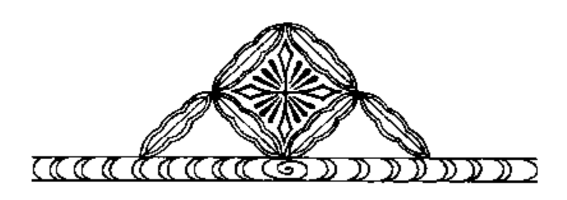

БУСОН

Печальный аромат!
Цветущей сливы ветка
В морщинистой руке.

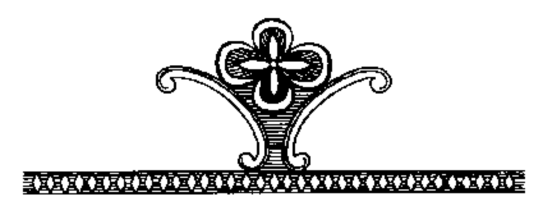

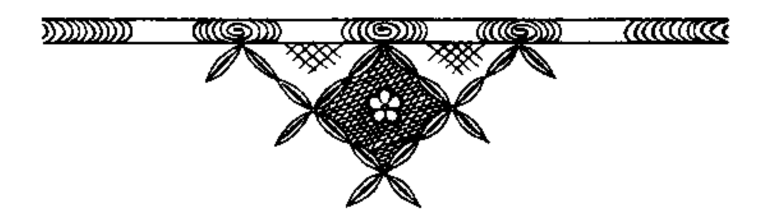
Поет соловей!
Как он раскрыл широко
Маленький клюв!

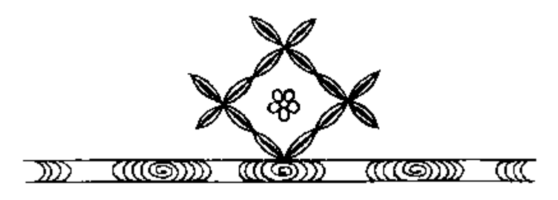

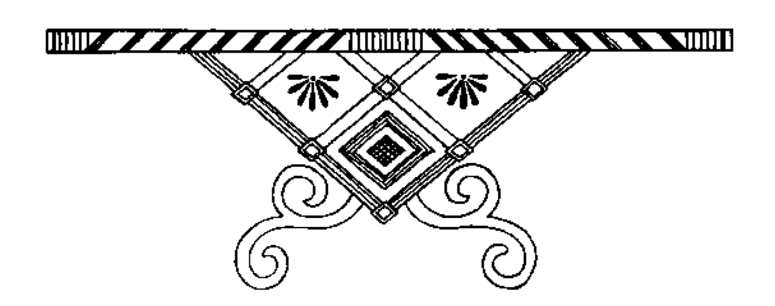
От этой ивы
Начинается сумрак вечерний.
Дорога в поле.

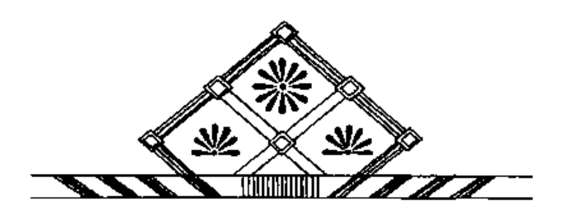

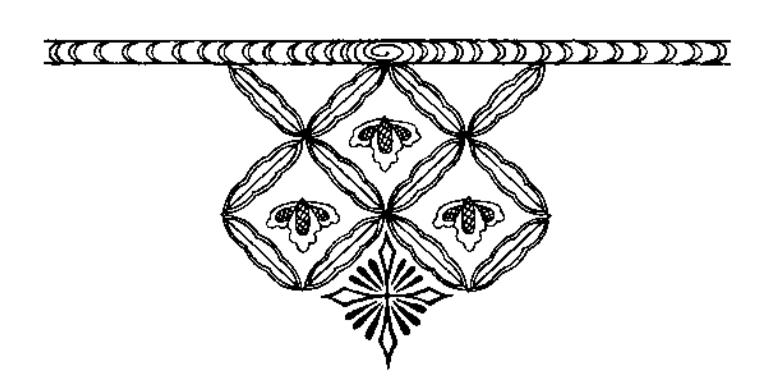
Луна сквозь дымку...
Лягушки пруд замутили.
Где вода? Где небо?

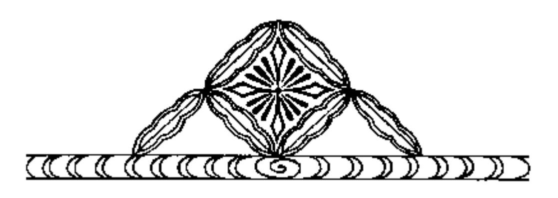
Долгие дни весны
Идут чередой... Я снова
В давно минувшем живу.

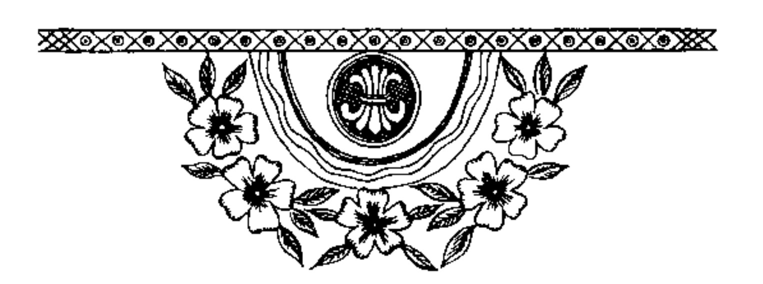

В далекой деревушке

Звонко лает пес
На захожего торговца.
Персики в цвету!

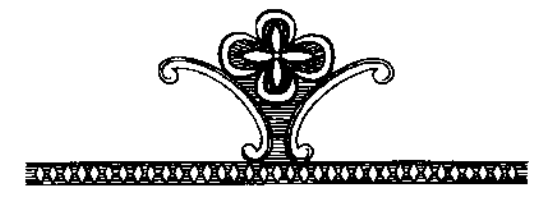

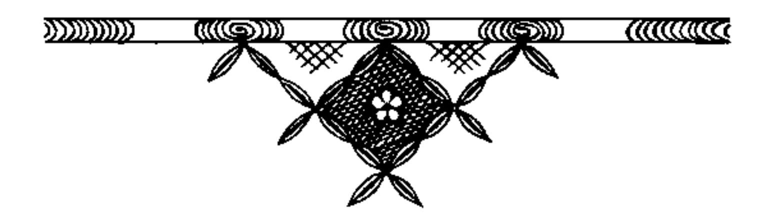
Вот из ящика вышли...
Разве ваши лица могла я забыть?..
Пора праздничных кукол.

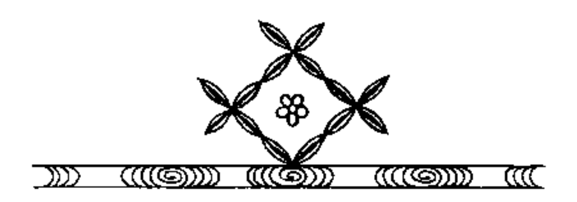

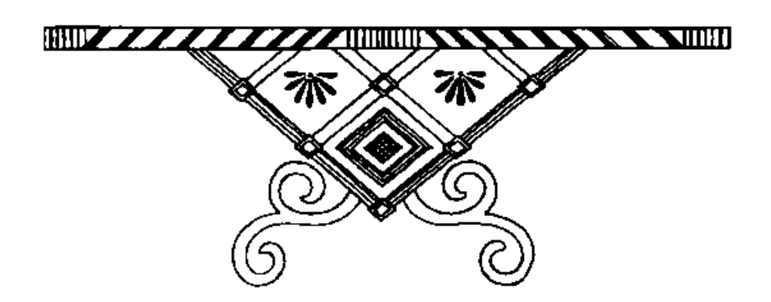

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.

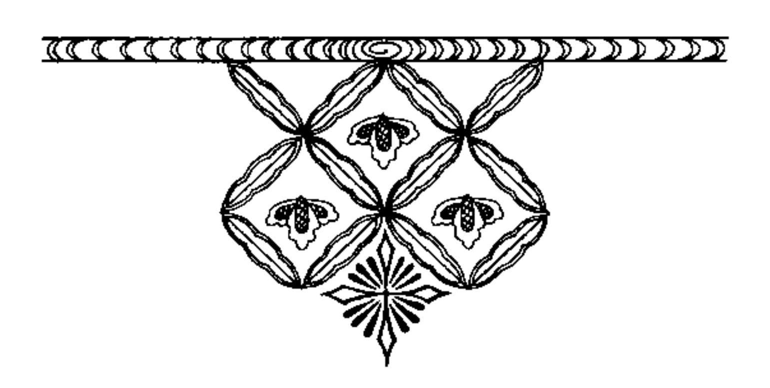
Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

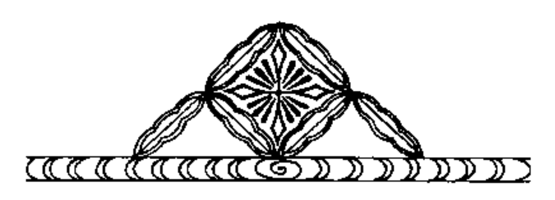

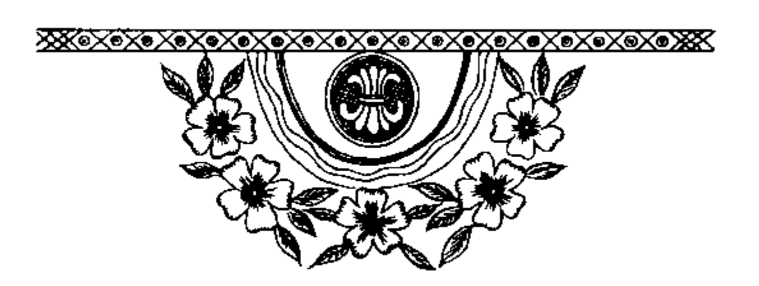
Набежавшие волны
Моют голени синей цапли.
Ветерок вечерний.

Я поднялся на холм,
Полон грусти,— и что же:
Там шиповник в цвету!

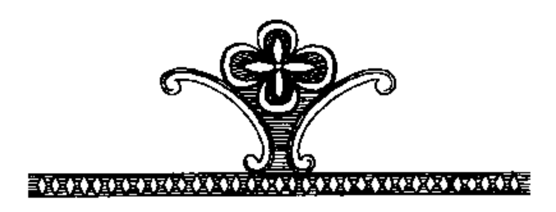
Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.

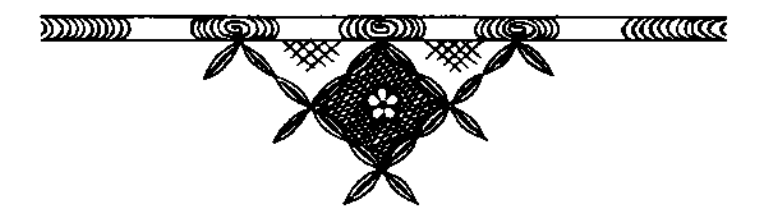

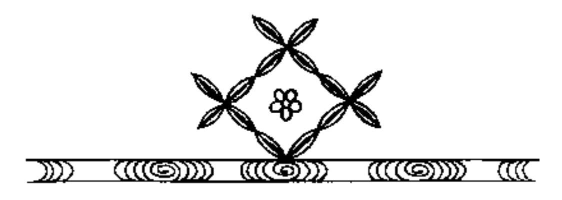

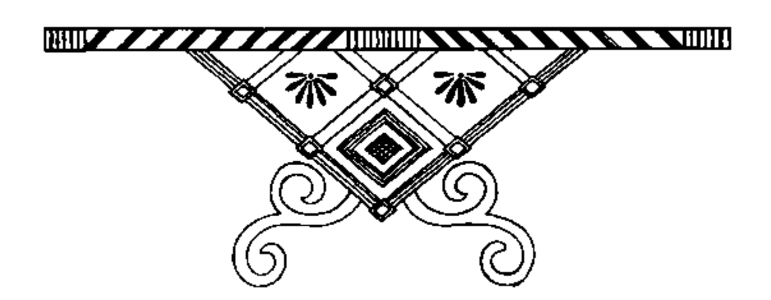
Каменщик стучит,
Огненные искры
По ручью плывут.

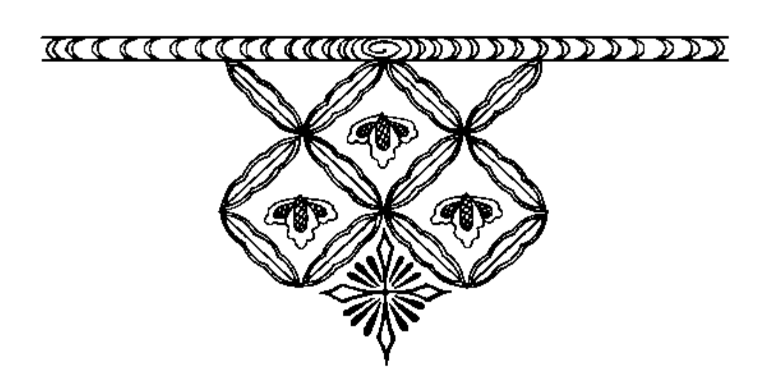
Два или три лепестка
Друг на друга упали...
Облетает пион.

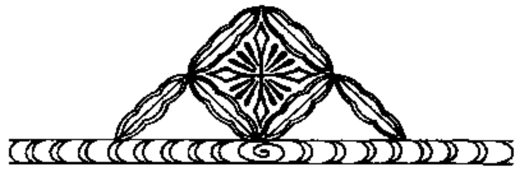
Прохладный ветерок.
Колокола покинув,
Плывет вечерний звон.

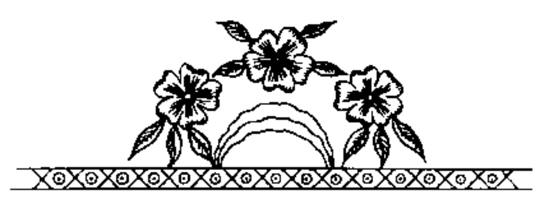
Статуя князя преисподней

Так ярко алеет рот
У князя Эммá, как будто
Он выплюнуть хочет пион.

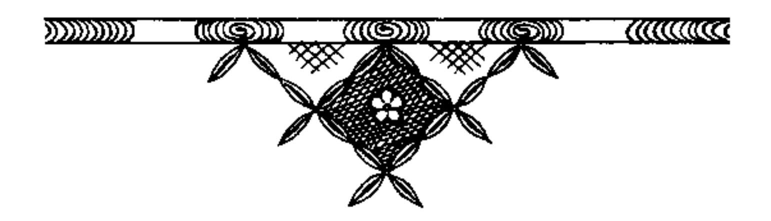
Старый колодец в селе.
Рыба метнулась за мошкой...
Темный всплеск в глубине.

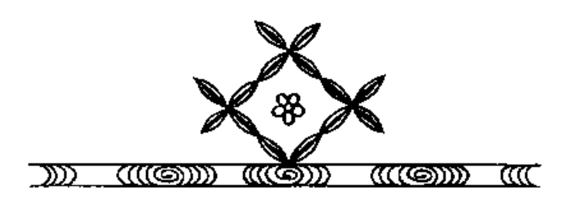

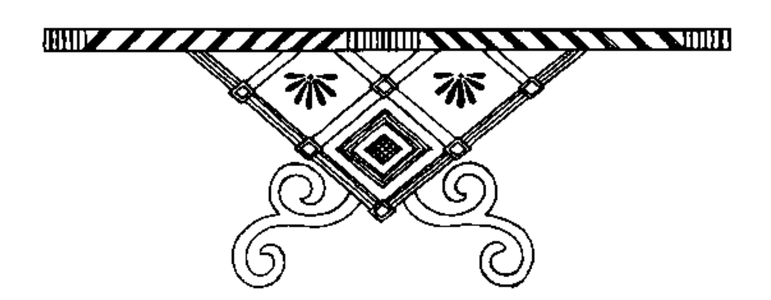
Ливень грозовой!
За траву чуть держится
Стайка воробьев.

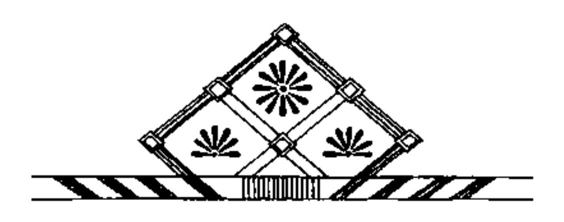

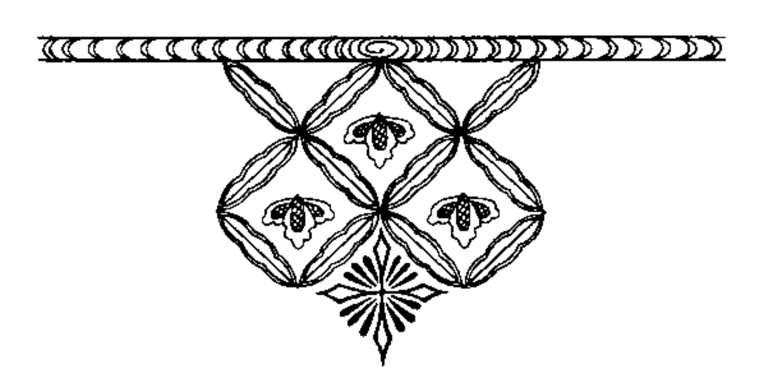
Луна так ярко светит!
Столкнулся вдруг со мной
Слепец — и засмеялся...

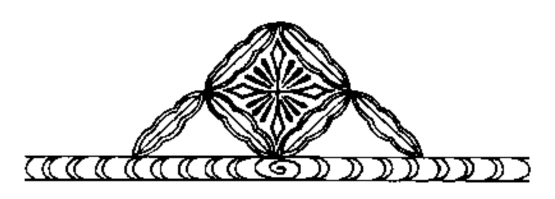

Любитель цветов!
Ты стал неприметно
Рабом хризантем.

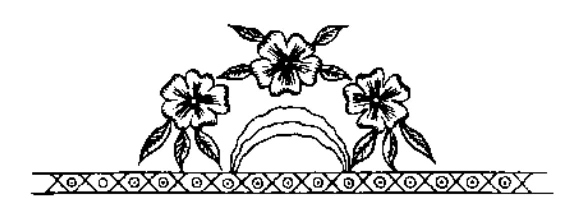

Выпала роса,
И на всех колючках терна
Капельки висят.

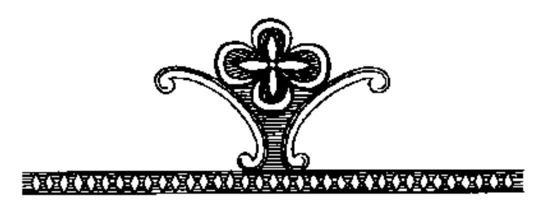

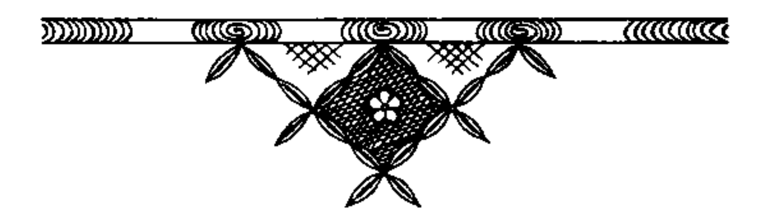
«Буря началась!» —
Грабитель на дороге
Предостерег меня.

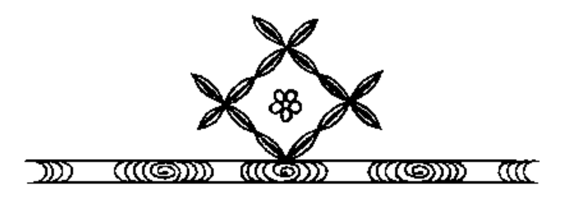

Холод до сердца проник:
На гребень жены покойной
В спальне я наступил.

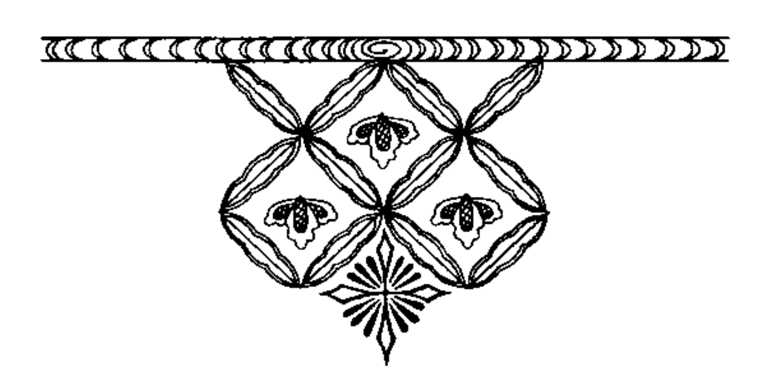
На две деревушки
Одна лавчонка ростовщика.
Зимняя роща.

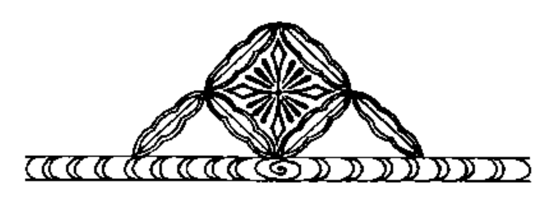

Ударил я топором
И замер... Каким ароматом
Повеяло в зимнем лесу!

К западу лунный свет
Движется. Тени цветов
Идут на восток.

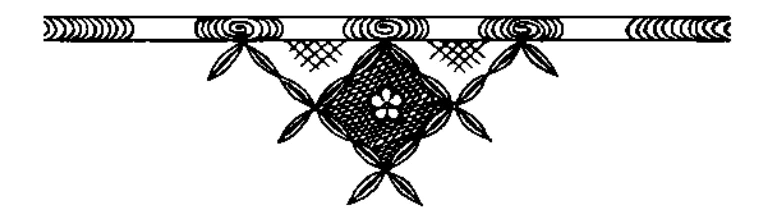
Летняя ночь коротка.
Засверкали на гусенице
Капли рассветной росы.

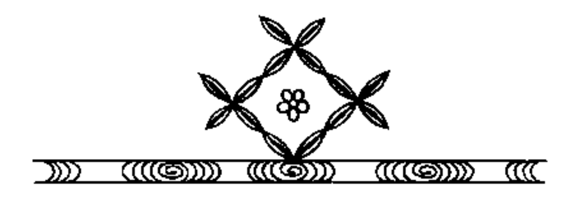

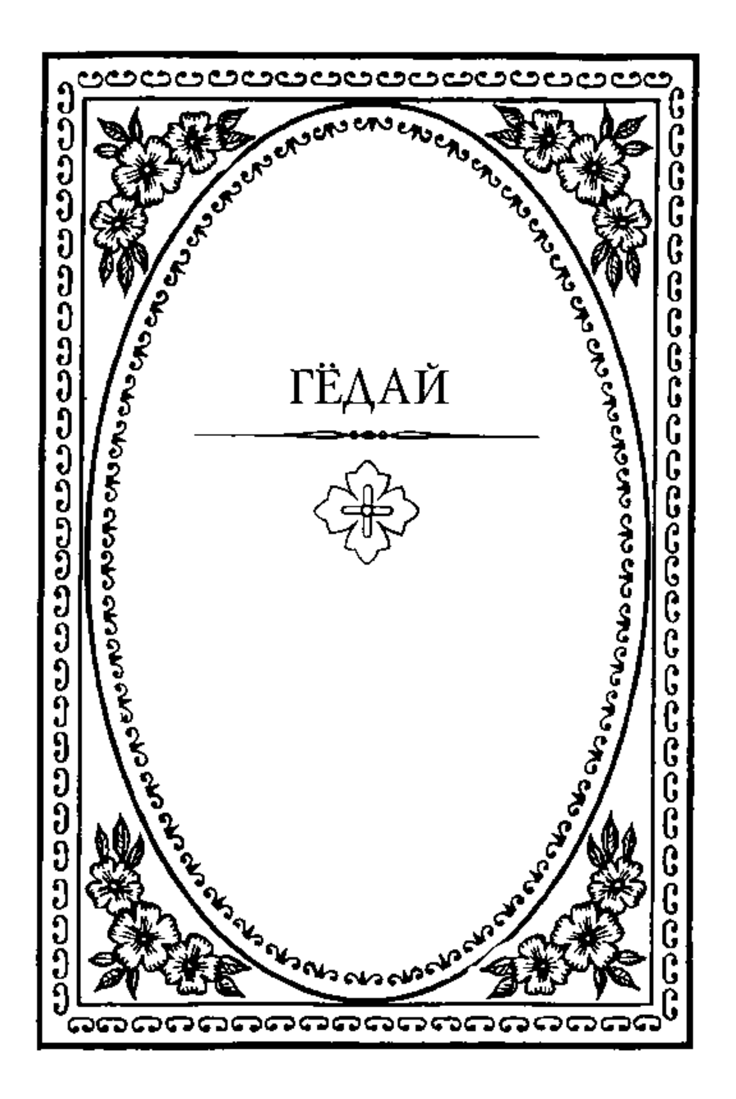
Ладанка льет аромат.
Сколько неявного очарования
В девушке глухонемой.

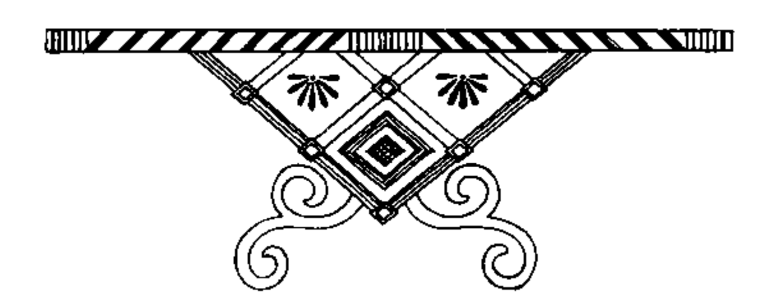

Любовь старика.
Только он думал: «Забуду»,—
Осенний дождь.

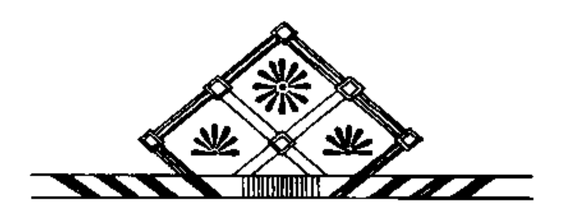

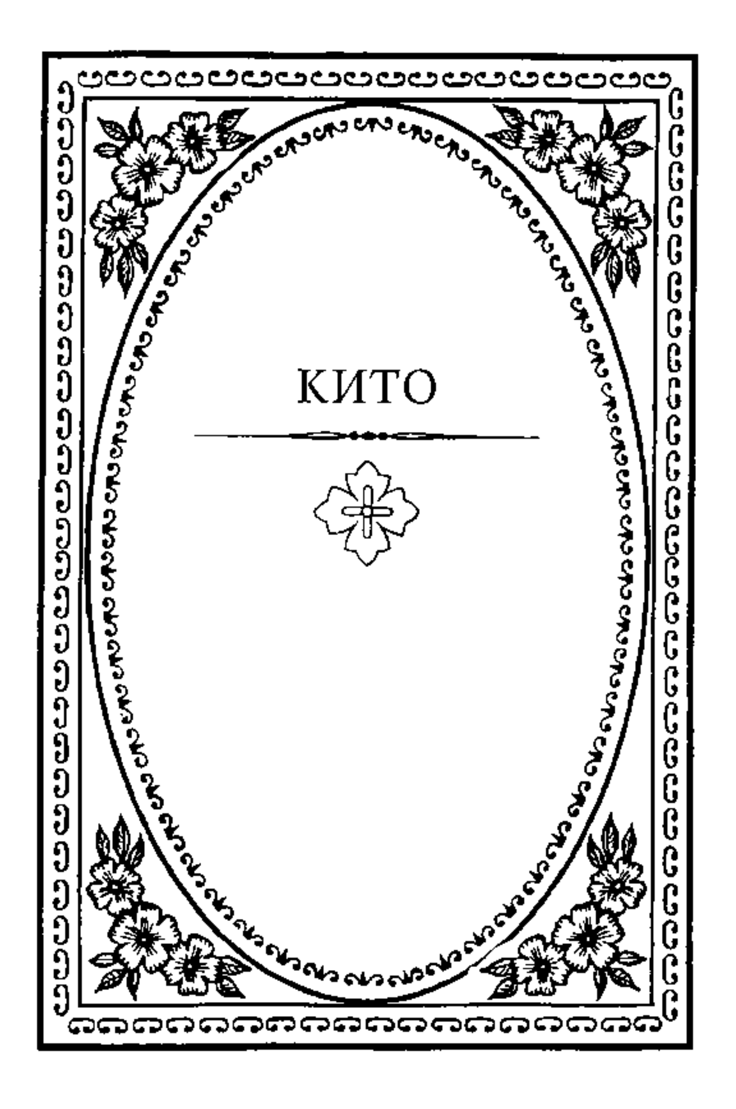

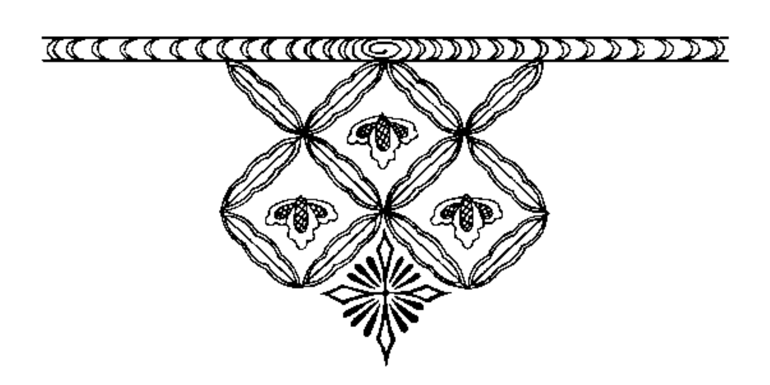
ГЁДАЙ

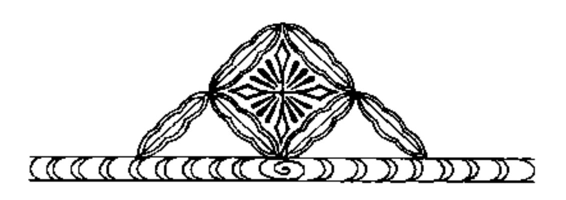
Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю.

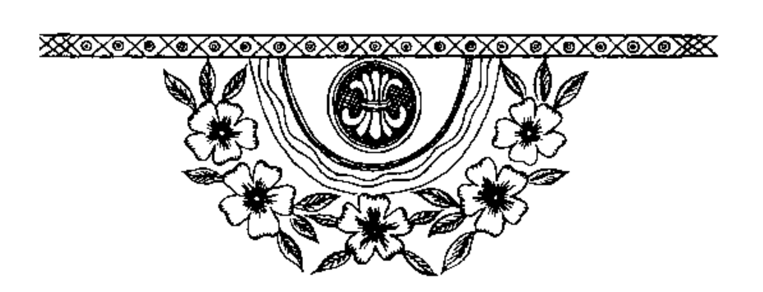

КИТО

Я встретил гонца на пути.
Весенний ветер, играя,
Раскрытым письмом шелестит.

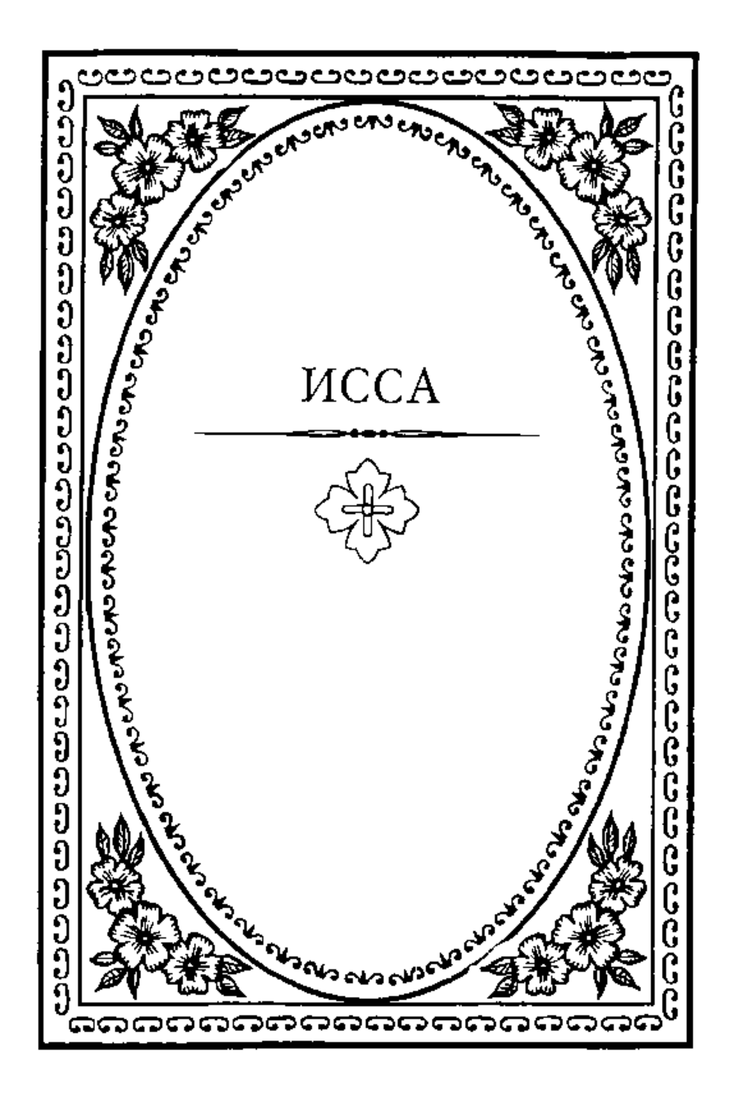
Ливень грозовой!
Замертво упавший,
Оживает конь.

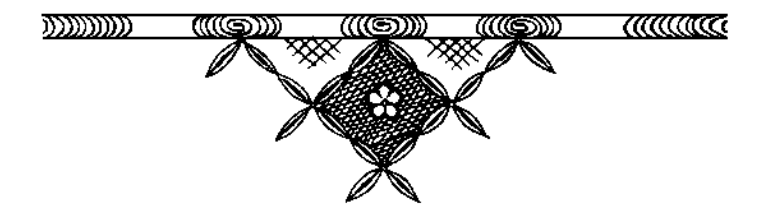

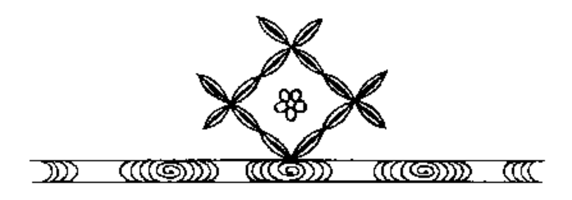

Идешь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишневый цвет!

ИССА

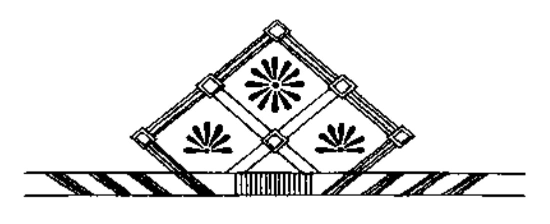

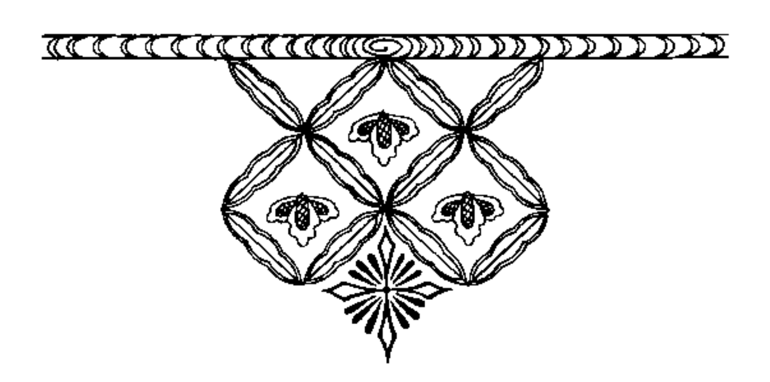
Воробышек-дружок!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!
Видишь, конь идет.

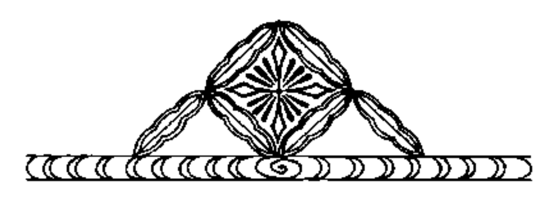

Так кричит фазан,
Будто это он открыл
Первую звезду.

Стаял зимний снег.
Озарились радостью
Даже лица звезд.

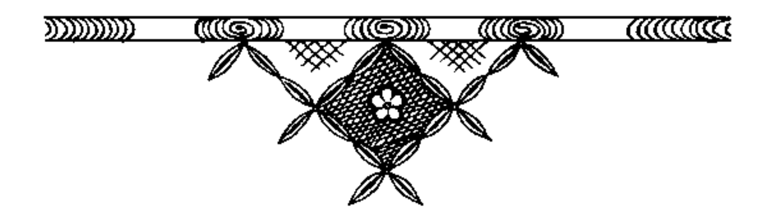
Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.

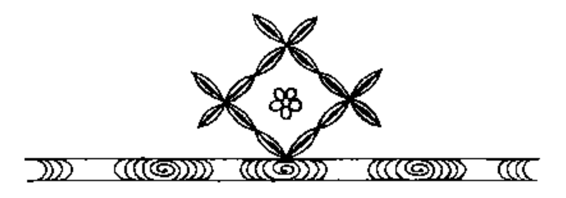

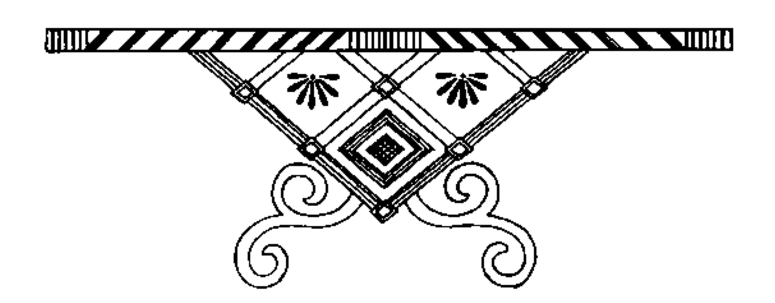

Смотри-ка, соловей
Поет все ту же песню
И пред лицом господ!

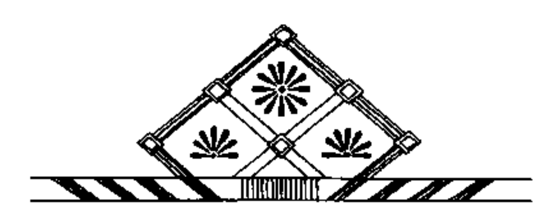

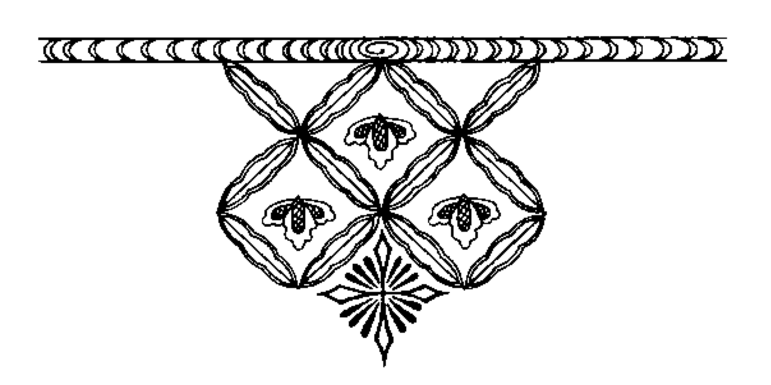
Пролетный дикий гусь!
Скажи мне, странствия свои
С каких ты начал лет?

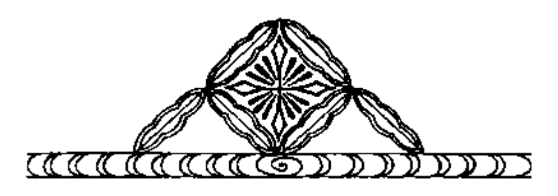

Вновь прилети весной!
Дом родной не забудь,
Ласточка, в дальнем пути!

Нынче — как вчера...
Над убогой хижиной
Стелется туман.

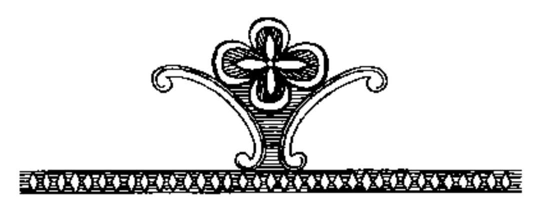

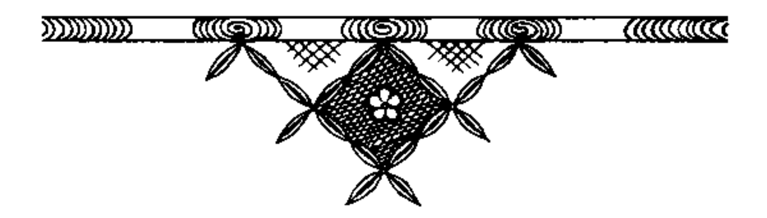
О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звезд в небесах.

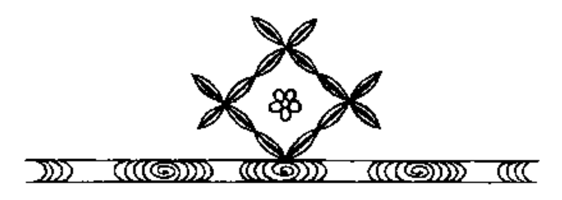

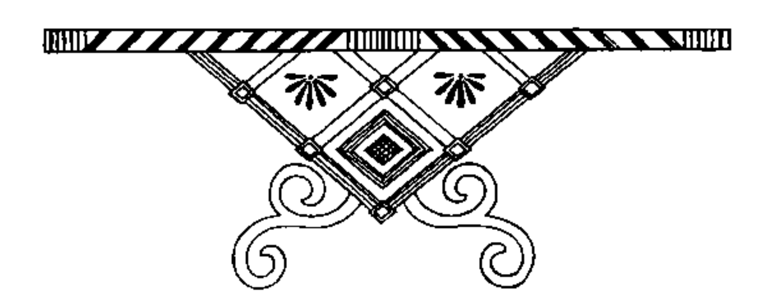
Стаяли снега —
И полна вдруг вся деревня
Шумной детворой!

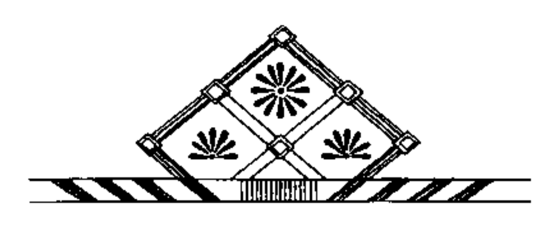

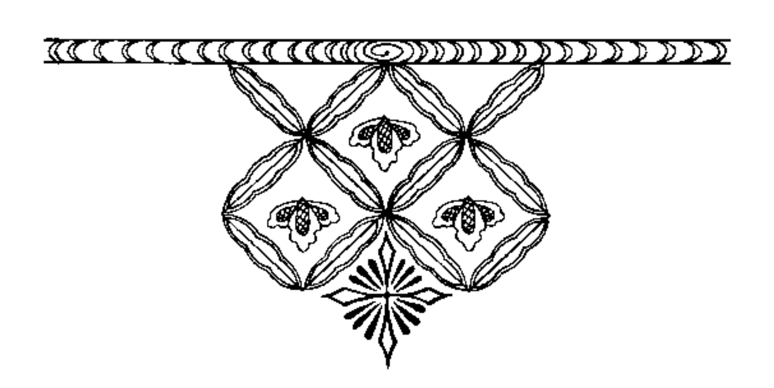
Укрывшись под мостом,
Спит зимней снежной ночью
Бездомное дитя.

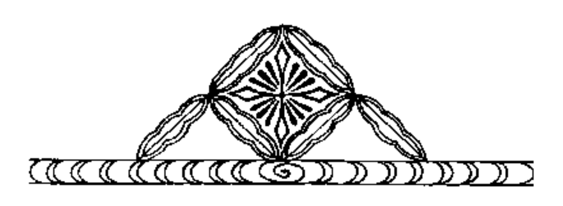

Ах, не топчи траву!
Там светляки сияли
Вчера ночной порой.

Вот выплыла луна,
И самый мелкий кустик
На праздник приглашен.

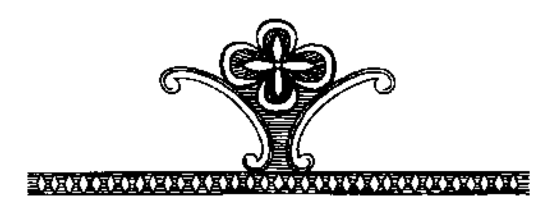

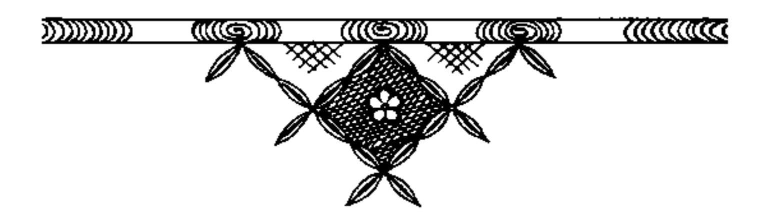
Верно, в прежней жизни
Ты сестрой моей была,
Грустная кукушка...

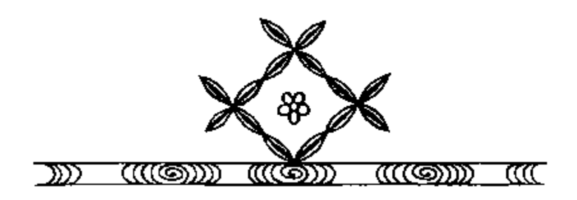

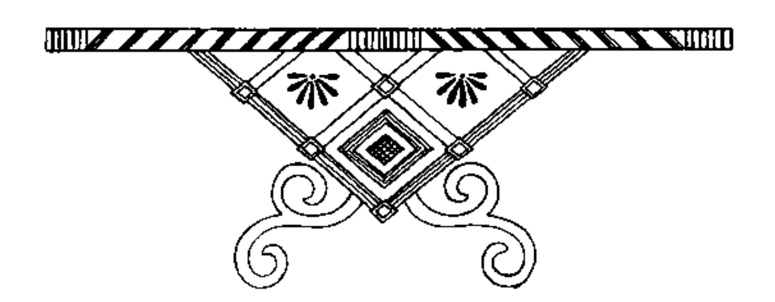
Дерево — на сруб...
А птицы беззаботно
Гнездышко там вьют!

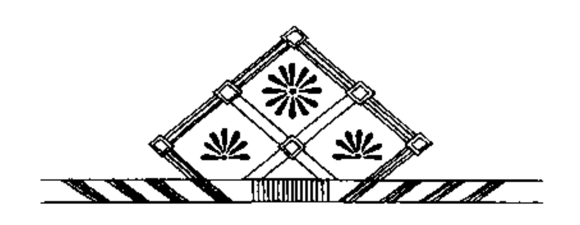

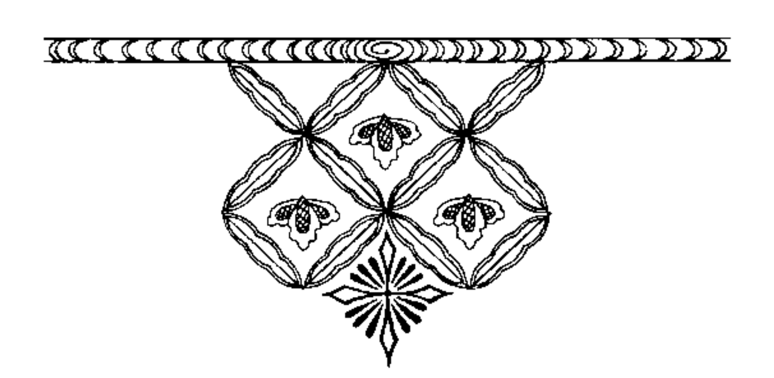
О, с какой тоской
Птица из клетки глядит
На полет мотылька!

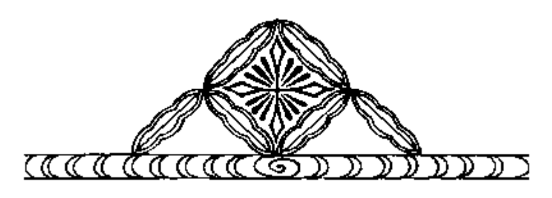
По дороге не ссорьтесь,
Помогайте друг другу, как братья,
Перелетные птицы!

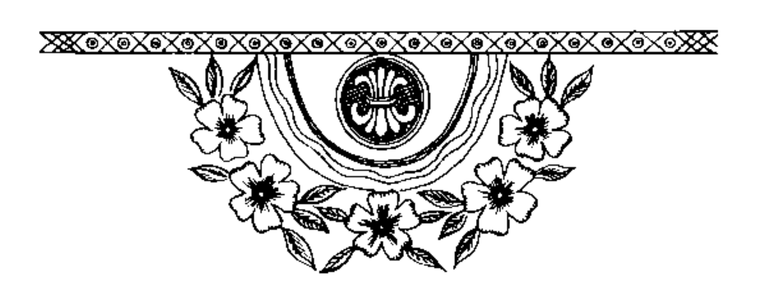

На смерть маленького сына

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

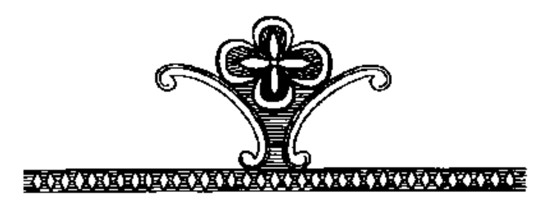

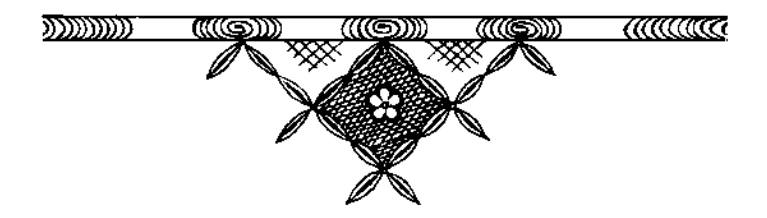
О, если б осенний вихрь
Столько опавших листьев принес,
Чтобы согреть очаг!

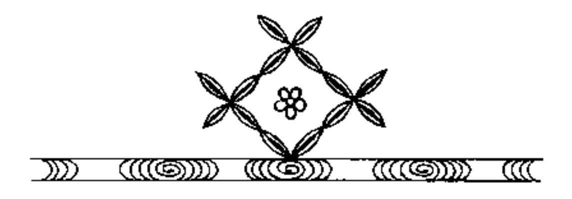

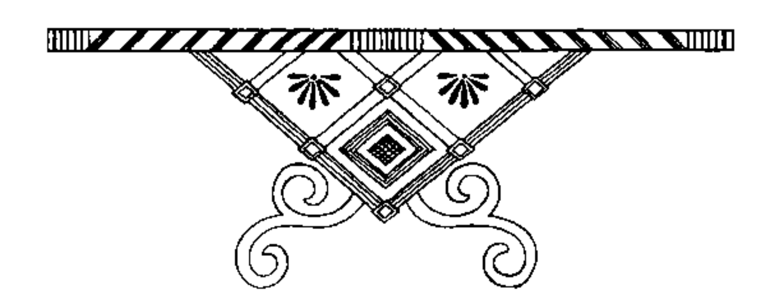
Красная луна!
Кто владеет ею, дети,
Дайте мне ответ!

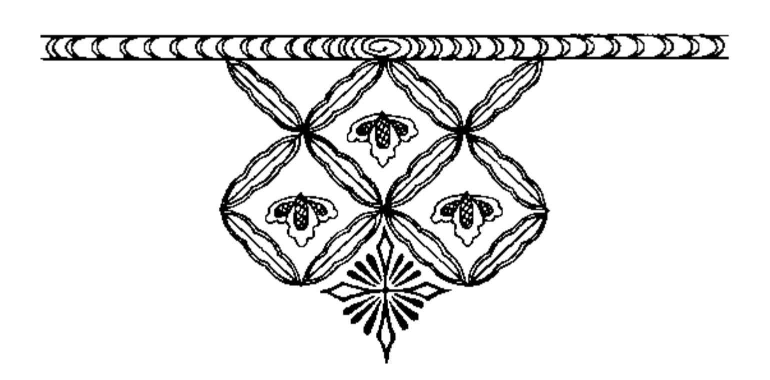
Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!

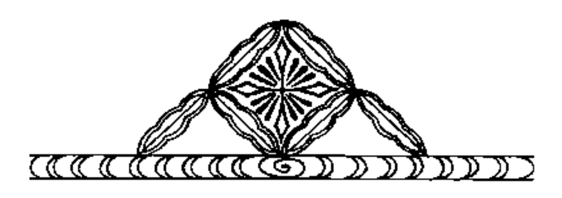

В зарослях сорной травы,
Смотрите, какие прекрасные
Бабочки родились!

Я наказал ребенка,
Но привязал его к дереву там,
Где дует прохладный ветер.

Большой Будда в Камакура

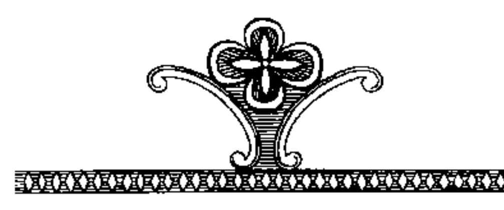
Будда в вышине!
Вылетела ласточка
Из его ноздри.

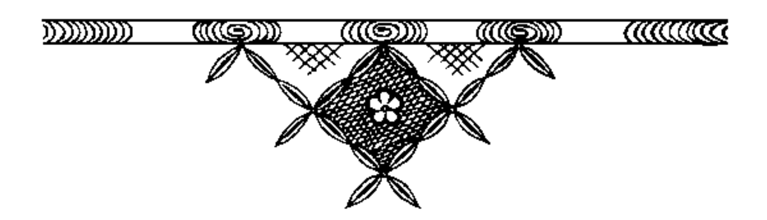

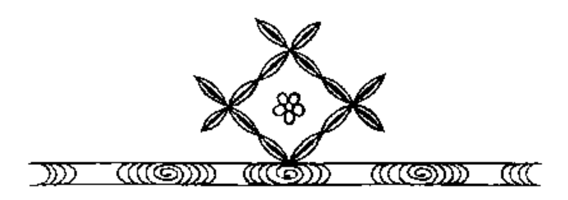
Наблюдаю бой между лягушками

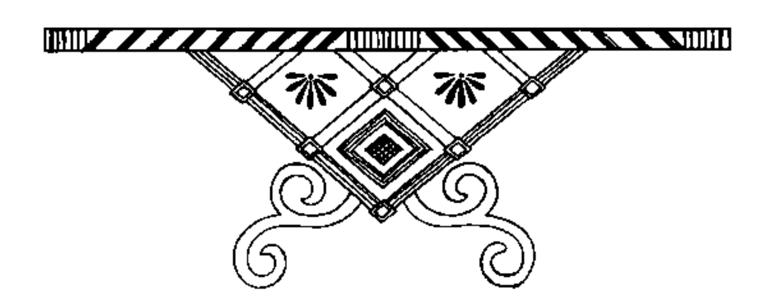
Эй, не уступай,
Тощая лягушка!
Исса за тебя.

Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...

Так я и знал наперед,
Что они красивы, эти грибы,
Убивающие людей!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 19. Басё (1644—1694) — подлинное имя Мацуо Мунэфуса. Учился у знаменитых в то время мастеров поэзии хокку Катамура Кигин и Нисияма Соин. В 1680 г. опубликовал первую антологию собственных стихов и стихов своих учеников. Тогда же поселился в хижине в предместье Эдо (Токио). В 1684 г. начинает странствовать, как его любимый поэт Сайгё. Оставил пять лирических дневников и несколько поэтических антологий.

Стр. 44. Звон колокольный доплыл... Из Уэно или Асакуса? — Уэно, Асакуса — разные районы Эдо (Токио). Весенняя картина. Цветут вишни, дымка, звон колокола кажется приглушенным; откуда он?

Стр. 79. Арисó — старинное название залива, ныне залив Тояма в одноименной префектуре. Название богато поэтическими ассоциациями.

Стр. 83. Равнина Мусáси вокруг. — На этой сравнительно большой для Японии равнине был расположен Эдо.

Стр. 85. О беспощадный рок! — В одном из храмов хранился шлем знаменитого воина XII в. Сайто Санэмори, который он надел, идя в последнее сражение. По преданию, он вычернил себе волосы, чтобы казаться в бою молодым.

Стр. 123. Поздно пришел мандзай...— Мандзай — бродячий актер, исполняющий новогодние песни и пляски.

Стр. 161. ...Кисти самого Мотонобу! — Кано Мотонобу (1476—1559) — знаменитый японский художник. Так как в Японии было принято выплачивать все долги перед Новым годом, то появление в лавке такой картины могло говорить только о полном разорении когда-то богатого дома.

Стр. 182. Грустите вы, слушая крик обезьян! — Традиционный образ китайской классической поэзии.

Стр. 203. Посещаю город На́ра.— Нара — столица Японии в VIII в. Славится старинными храмами, в рощах возле которых и поныне пасутся стада оленей.

Стр. 207. Кёрай (псевдоним) — Мукаи Канэтоки (1651—1704). Один из десяти основных учеников Басё. Создал вместе с Бонтё знаменитую поэтическую антологию «Сарумино» («Соломенный плащ обезьяны») и другие антологии. Написал книгу по поэтике стихов жанра хокку «Кёрайсё».

Стр. 213. Иссё — Косуги Иссё (1653—1688). Поэт школы Басё.

Стр. 215. Рансэцу — Хаттори Рансэцу (1654—1707). Один из лучших учеников Басё.

Стр. 225. Кикаку — Эномото Кикаку (1661—1707). Стал учеником Басё в возрасте 13—14 лет и скоро выдвинулся как самый яркий и оригинальный поэт его школы. После смерти Басё создал собственный новаторский стиль.

Стр. 247. Дзёсо — Найто Дзёсо (1662—1704). Ученик Басё. Самурай, постригшийся в монахи, вел уединенную жизнь, посвященную поэзии и памяти своего учителя.

Стр. 251. Оницура — Камидзима Оницура (1661—1738). Одно время учился у поэтов популярной в XVII в. школы Данрин, но стал искать собственный путь жизненной правды в хокку — путь естественности и простоты. Он говорил: «Вне правды нет хокку».

Стр. 257. Тиё из Кага (1703—1775). Талантливая поэтесса школы Басё. Рано овдовев и потеряв ребенка, постриглась в монахини и посвятила себя поэзии. Тиё писала стихи очень женские и грустные: о своих потерях и одиночестве, о недостижимой мечте.

Стр. 269. Бонтё (?—1714). Ученик Басё. В антологию «Сарумино» включены многие его хокку.

Стр. 273. Какэй — Ямотомо Какэй (1648—1716). Ученик Басё.

Стр. 277. Сико — Кагами Сико (1665—1731). Ученик Басё. Теоретик поэзии хокку.

Стр. 279. Рёта — Осима Рёта (1707—1787). Последователь школы Басё.

Стр. 280. Где же светлячки? — Ловля светлячков — любимое развлечение японцев в июне.

Стр. 281. Бусон из Ёса (Ёса Бусон; 1716—1783). Подлинное имя неизвестно. Поэт и художник. В юности отправился в Эдо, где учился писать хокку у одного из поэтов школы Басё. Много странствовал, наконец поселился в Киото. Прославился как художник и создал свою поэтическую школу. Величайшие годы его расцвета как художника, поэта, учителя поэзии — с 1772 по 1783 г.

Стр. 288. Пора праздничных кукол.— 3 марта для девочек устраивается «Праздник кукол» («Хина-мацури»). Куклы, которых достают лишь раз в году, изображают старинный двор: микадо с супругой, придворных, музыкантов с соответствующими аксессуарами и т. д.

Стр. 297. Статуя князя преисподней.— Князь Эмма (санскрит. Яма) — индийское божество, царь усопших; изображается краснолицым демоном.

Стр. 311. Гёдай — Като Гёдай (1732—1792), известный поэт. Писал в традиционном стиле одной из старых школ хокку (тэймон).

Стр. 313. Кито — Такаи Кито (1741—1789), поэт школы Бусона. Житель Киото.

Стр. 317. Исса — Кобаяси Исса (1768—1827). Сын крестьянина, он рано осиротел, подвергся преследованиям мачехи и четырнадцати лет был послан в Эдо подмастерьем. Увлекся сочинением хокку. Жизнь его сложилась трагически: он потерял жену и детей, терпел жестокую нужду. Создал своеобразный «стиль Исса», сочетающий гуманность, юмор, сатиру, социальный гнев.

Стр. 341. Большой Будда в Камакура.— В старинном городе Камакура находится статуя Будды высотой 15 м. Создана в 1252 г.

В. Н. Маркова, В. С. Санович

СОДЕРЖАНИЕ

КЁРАЙ

ИССЁ

РАНСЭЦУ

КИКАКУ

ДЗЁСО

ОНИЦУРА

ТИЁ

БОНТЁ

КАКЭЙ

СИКО

РЁТА

БУСОН

ГЁДАЙ

КИТО

ИССА

Серия «Мир поэзии»

Литературно-художественное издание

БАБОЧКИ ПОЛЕТ

Японские трехстишия

Редактор Н. В. АЛЕХИНА
Художник В. В. ПОКАТОВ
Технический редактор Н. В. ДОБРЫНИЧЕВА
Корректор Т. А. АЛЕКСАНДРОВА

ЛР № 063663
от 18.10.1994

Подписано к печати с готовых диапозитивов 27.04.98. Формат $70\times100^1/_{32}$.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,6.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 2680.

ТОО «Летопись». 125080, Москва, Волоколамское шоссе, 3.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Государственного комитета Российской Федерации по печати, 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Серия «Мир поэзии»
издательства «Летопись» — это шедевры классиков русской и зарубежной литературы, оформленные в лучших традициях отечественного книгоиздания

Ранее вышли сборники

И. Северянина, А. Ахматовой, И. Бунина, Ф. Тютчева, А. Фета, У. Шекспира, Омара Хайяма, П. Ронсара, В. Хлебникова, М. Цветаевой, Н. Гумилева, В. Брюсова, Ф. Петрарки, И. Крылова, С. Есенина, Микеланджело Буонарроти, Д. Давыдова, А. Дельвига, С. Черного, Д.-Г. Байрона, Я. Полонского, В. Жуковского, Ф. Сологуба, Ш. Бодлера.

В следующих томах серии будет представлено поэтическое наследие **Хафиза Ширази, Андрея Белого** и др.

ISBN 5-88730-017-5
9 785887 300177

